

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

Еленская Кристина Валерьевна

**Лексическая репрезентация понятия «насилие»
в современном русском языке**

Специальность 5.9.5 Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Еремин Александр Николаевич

Калуга – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4-14
ГЛАВА 1. Теоретические аспекты исследования лексической репрезентации понятия «насилие»	15-50
1.1. Лексикографический анализ лексемы «насилие»	15-24
1.2. Понятие «насилие» в общественном сознании (по материалам результатов социологического опроса, проведенного среди представителей нескольких социальных групп, проживающих в городе Калуге)	24-39
1.3. Понятие «насилие» в контексте современных исследований в области общественных и гуманитарных наук	39-49
Выводы	49-50
ГЛАВА 2. Лексическая репрезентация понятия «насилие» в современном русском языке	51-79
2.1. Лингвистический паспорт семантического поля «насилие».....	51-56
2.2. Лексическая репрезентация субъекта и объекта насилия	56-61
2.3. Лексическая репрезентация формы, инструмента и места насилия.....	61-78
Выводы	78-79
ГЛАВА 3. Социокультурная детерминация насилия/ненасилия	80-118
3.1. Компонентный анализ семантики и прагматики лексем, репрезентирующих потенциальное насилие в религиозной сфере	82-100
3.2. Компонентный анализ семантики и прагматики лексем, репрезентирующих потенциальное насилие в силовых структурах	100-112
3.3. Компонентный анализ семантики и прагматики лексем, репрезентирующих потенциальное насилие в этнических группах.....	112-117
Выводы	117-118

ГЛАВА 4. Языковое насилие в лично-ориентированном и институциональном дискурсах	119-146
4.1. Языковое насилие в лично-ориентированном (персональном) дискурсе.....	119-130
4.2. Языковое насилие в институциональном дискурсе	130-146
Выводы	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147-150
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	151-169
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	170-171
ПРИЛОЖЕНИЕ. Результаты социологического опроса.....	172-173

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа является результатом осмысления семантики понятия «насилие» и ее представленности в современных словарях русского языка. В основе теоретического осмысления заявленной проблемы лежат методы системно-структурной лингвистики.

В работе рассматривается понятие «насилие» на лексико-прагматическом уровне языка с учетом особенностей функционирования лексем семантического поля «насилие», а также описываются особенности реализации языкового насилия в разных дискурсивных практиках. Данное исследование учитывает достижения в области прагматики знака, служит основанием расширения лингвокультурного аспекта русского национального языка и соответствует следующим пунктам перечня направлений исследований научной специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России:

- п. 4. Лексический строй русского языка, другого языка России (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология в их связи с внеязыковой действительностью);
- п. 7. Текст, дискурс, дискурсивные практики в русском языке и других языках России;
- п.10. Исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей русского языка, другого языка России.

Лексема «насилие» и составляющие одноименного семантического поля нередко семантически сближаются с понятием «агрессия». Несмотря на имеющееся сходство, феномен агрессии представляет собой отдельное поле для изучения и не является предметом нашего исследования. Упоминание лексемы

«агрессия» в данной работе обусловлено необходимостью противопоставить понятия «агрессия» и «насилие» (см. гл. 1.1).

По нашему мнению, понятие «насилие» следует рассматривать через призму неоднозначности. Такой подход представляется нам обоснованным и актуальным, так как есть языковые единицы, не укладывающиеся в бинарную оппозицию оценки «это хорошо» или «это плохо», а отклоняющиеся от нее, в т.ч. ввиду различий в укладах социума, характеризующегося своей неоднородностью. Это уход от оценки внешней картины мира в область внутреннего мира человека.

Актуальность диссертационного исследования. Современное общество заявляет в качестве приоритетных целей создание комфортной среды для каждого вне зависимости от пола, финансового положения, национальности, возраста, вероисповедания и уровня здоровья, закрепляя права и свободы индивида в законодательных актах.

Однако человеку по-прежнему свойственны различные формы насилия, что значительно снижает качество социальной среды. В связи с этим возникает необходимость в тщательном изучении сущности и границ понятия «насилие», недостаточная определенность которого очевидна.

Это подтверждается, в частности, результатами социологического опроса, проведенного нами среди старшеклассников, студентов и работающих в разных сферах деятельности жителей города Калуги (см. гл. 1.2).

В связи с тем, что понятие «насилие» не получило достаточной лингвистической обработки, оно остается нечетким в общественном сознании. Вследствие этого существует настоятельная лингвопрагматическая необходимость в строгом определении содержательной стороны понятия «насилие».

Состояние разработки данной проблематики. В данном исследовании мы опираемся на практические наблюдения и теоретические выводы следующих ученых: Ю.Д. Апресяна, 1995; В.И. Карасика, 2000; Р.Г. Апресяна, 1997; О.П. Ермаковой, 1996; В.В. Виноградова, 1982; А.И. Кугая, 2000; Ю.В. Щербининой, 2012; С.Г. Кара-Мурзы, 2013; Л.Р. Газизулиной, 2013, 2017;

М.Н. Эпштейна, 1991; В.В. Бочаровой, 2012; Б.К. Мартыненко, 2010, 2012; В.В. Денисова, 2008; В.И. Красикова, 2008; Е.П. Ильина, 2013; С.Н. Борисова, 2012; О.В. Башкатова, 2001; К.В. Безручко, 2007; О.Я. Гелих, 2004; Х. Арендт, 2014; А.М. Олешковой, 2020; С. Жижека, 2010; В.В. Корнева, 2007; Ф.В. Тагирова, 2008; А.Я. Флиера, 2012; А.А. Суркова, 2015; И.Н. Сидоренко, 2017; Б.Я. Шарифуллина, 2004; Л.В. Бутыльской и О.А. Коврижных, 2015; К.В. Злоказова, 2018.

Несмотря на то, что понятие «насилие» регулярно становится предметом исследований в области философии, социологии, юриспруденции, психологии и др. наук, комплексных лингвистических исследований указанного понятия и его репрезентации в русском языке крайне мало.

Объектом нашего исследования являются лексемы, выражающие содержание понятия «насилие», отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников, а также лексемы и сверхсловные единицы, способные при определенных условиях стать средствами языкового насилия.

Предметом исследования являются семантика и прагматика указанных лексем, а также речевые условия, при которых слова и сверхсловные единицы будут функционировать как средства насилия.

Языковой материал был отобран из следующих лексикографических источников: БАС; БТС; МАС; Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова; Большой толковый словарь современного русского языка Д.Н. Ушакова; Современный толковый словарь русского языка в 3 томах Т.Ф. Ефремовой; Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Для исследования было выделено более 300 лексем, потенциально или реально репрезентирующих понятие «насилие» в русском языке. Источниками примеров, приведенных в данном исследовании, послужили тексты из Национального корпуса русского языка [Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>], отечественной художественной литературы второй половины XX – нач. XXI вв. и периодических изданий за 2018 – 2022 гг.

Гипотеза исследования состоит в следующем:

1. Лексическая репрезентация понятия «насилие» представлена обширным лексико-семантическим полем слов, включающим в себя лексико-тематические группы «субъект насилия», «объект насилия», «форма насилия», «наименования насильственных действий»;
2. Семантика и прагматика лексем, представляющих лексико-семантическое поле «насилие», могут быть неоднозначными в зависимости от интересов социальных групп и отдельных индивидов;
3. Не существует таких лексем и сверхсловных единиц, которые могли бы при любых обстоятельствах быть использованы в качестве средства языкового насилия.

Цель диссертационного исследования – разносторонне рассмотреть лексическую репрезентацию понятия «насилие» в современном русском языке и доказать релятивный характер указанного понятия посредством компонентного анализа лексем, репрезентирующих его в русском языке.

В рамках указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) Определить содержательные характеристики лексемы «насилие»;
- 2) Дифференцировать понятие «насилие» и смежный с ним тематический ряд «агрессия»;
- 3) Выяснить, как понятие «насилие» реализуется в языковом сознании представителей некоторых социальных групп (на примере старшеклассников, студентов и работающих жителей города Калуги);
- 4) Рассмотреть, как в современном русском языке реализуется лексическая репрезентация субъекта, объекта, формы, инструмента и места насилия;
- 5) Рассмотреть релятивность восприятия семантики лексической единицы «насилие» и одноименного семантического поля в социокультурной среде;

- б) Определить условия, при которых отдельные лексемы и сверхсловные единицы, используемые в различных дискурсах, превращаются в средства языкового насилия.

Личный вклад соискателя в разработку исследуемой проблемы состоит в следующем: сформулирована и подтверждена на практике идея того, что для идентификации лексемы как репрезентанта понятия «насилие» в русском языке требуется наличие в ней трех базовых интегральных сем («принуждение», «противозаконность» и «общественное неприятие»); доказано, что восприятие понятия «насилие» носит релятивный характер и зависит от многих лингвистических и экстралингвистических факторов.

Научная новизна данного исследования заключается в оригинальном и во многом авторском подходе к изучению лексической репрезентации понятия «насилие» в русском языке:

1. Найдены лингвистические закономерности, позволяющие идентифицировать репрезентацию понятия «насилие» в языке;
2. Установлены условия, при которых отдельные лексемы и сверхсловные единицы, используемые в различных дискурсах, превращаются в средства языкового насилия.

Методология исследования. Для достижения цели исследования и решения поставленных задач были использованы следующие методы:

1. Метод сплошной выборки, в контексте данного исследования заключающийся в отборе случаев использования языкового явления в лексикографических источниках и Национальном корпусе русского языка;
2. Метод семантического поля и метод описания по лексико-тематическим группам;
3. Метод компонентного анализа, предполагающий выделение и описание эксплицитных, имплицитных, интегральных и дифференциальных сем в значениях лексем-репрезентантов насилия,

входящих в одноименное семантическое поле, а также анализ прагматической зоны значения вышеуказанных слов;

4. Метод дефиниционного анализа;
5. Метод контекстуального анализа;
6. Метод социологического опроса, заключающийся в сборе и анализе первичных эмпирических сведений и мнений относительно понимания сущности явления, называемого лексемой «насилие», а также лексем, называющих, по мнению респондентов, насильственные действия.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Характер подачи значений лексической единицы «насилие» в различных лексикографических источниках имеет свою специфику, обусловленную относительностью восприятия явления, называемого указанной лексемой.
2. В семантике лексемы «насилие» и языковых единиц, входящих в одноименное семантическое поле, эксплицитно или имплицитно выделяются три базовые интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие».

Вместе с этим для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия». Каждое из них может быть выражено как очевидным образом, так и неявным способом.

3. Восприятие действий как насильственных/ненасильственных детерминировано в том числе принадлежностью воспринимающего лица к той или иной социокультурной группе, которая отличается особенностями национального и/или религиозного самосознания. На прагматическом уровне языка это выражается в элиминации некоторых базовых интегральных сем в лексемах – потенциальных репрезентантах насилия. Таким образом, без анализа прагматической зоны значения слова

невозможно однозначно заявлять, репрезентирует ли конкретная лексема понятие «насилие» или нет.

4. Отдельные лексемы и сверхсловные единицы, которые могут при любых обстоятельствах считаться средствами языкового насилия, отсутствуют.
5. Лексическая репрезентация понятия «насилие» в современном русском языке имеет относительный характер.

Теоретическая значимость результатов исследования определяется разработкой универсального подхода в вопросе идентификации лексической репрезентации понятия «насилие» в современном русском языке, а также возможностью проецировать полученные результаты на теоретическое осмысление семантики и прагматики смежных лексико-тематических групп.

Перспективы практического применения результатов проведенного исследования состоят в возможности использования его материалов в практике межкультурной коммуникации для создания толерантной мультинациональной среды, а также в практике обучения русскому языку как иностранному. Размышления на тему сущности насилия и лексической репрезентации понятия «насилие» могут быть полезны и в юридической практике, а также в ходе проведения судебных лингвистических экспертиз, поскольку выявляют различные интерпретации понимания данного внеязыкового явления.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала и приложения.

В первой главе «Теоретические аспекты исследования лексической репрезентации понятия ‘насилие’»:

- Представлен лексикографический анализ лексемы «насилие»;
- Дифференцированы понятие «насилие» и смежный с ним тематический ряд «агрессия»;
- Проанализированы результаты социологического опроса, проведенного среди представителей разных социальных групп, проживающих в городе Калуге, на предмет понимания того, как

респонденты толкуют лексему «насилие», и выявления ряда лексем, которые, по мнению интервьюируемых, называют насильственные действия;

- Представлен обзор литературы по теме исследования.

Во второй главе «Лексическая репрезентация понятия «насилие» в современном русском языке»:

- Представлен лингвистический паспорт лексемы «насилие» и одноименного семантического поля;
- Рассмотрена лексическая репрезентация субъекта, объекта, формы, инструмента и места насилия;
- Произведен анализ некоторых частей речи с точки зрения их возможности/невозможности репрезентировать понятие «насилие» в русском языке.

В третьей главе «Социокультурная детерминация насилия/ненасилия» показаны особенности восприятия семантики лексической единицы «насилие» и одноименного семантического поля, обусловленные неоднородностью социума и его культурным разнообразием.

Четвертая глава «Языковое насилие в личностно-ориентированном и институциональном дискурсах» посвящена определению условий, при которых отдельные лексемы и сверхсловные единицы, используемые в различных дискурсах, превращаются в средства языкового насилия.

В списке иллюстративного материала представлен перечень таблиц, на которые были приведены ссылки в тексте диссертации.

В приложении представлены результаты проведенного социологического опроса в форме гистограмм.

Степень достоверности и апробация результатов работы. Основные положения и результаты исследования были представлены:

- 1) В докладах на международных конференциях:

А.«Семантика и прагматика языковых единиц», КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, 20-22 сентября 2019 г.;

- Б. Международный Оптинский форум «Феномен подвига в отечественной культуре», Духовная образовательная организация высшего образования «Калужская духовная семинария Калужской Епархии Русской Православной Церкви», 22-23 октября 2019 года;
- В. XXI Международная конференция молодых филологов «"Как слово наше отзовется": о языке и литературе в XXI веке», г. Таллин, 13-15 февраля 2020 года;
- Г. «Автор-текст-читатель: теория и практика анализа» в рамках Седьмых научных чтений «Калуга на литературной карте России», КГУ им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, 29-31 октября 2020 года;
- Д. V Международная научно-практическая конференция «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура», 22-23 апреля 2021 г., г. Москва, РУДН.
- Е. Международная научная конференция «Проблемы лингвистической прагматики», КГУ им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, 10-12 сентября 2021 г.
- Ж. Международный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве», Российско-Армянский университет, Республика Армения, г. Ереван, 06-10 декабря 2021 г.
- З. Международная междисциплинарная научная конференция «Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур», г. Москва, МГПУ, 22 апреля 2022 г.
- И. Международная научно-практическая конференция «Роль и статус языка в цивилизованном пространстве», г. Санкт-Петербург, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 14-15 ноября 2022 г.
- 2) На городских и областных конкурсах научных работ:
- А. Конкурс на соискание областных премий и стипендий им. К.Э. Циолковского, проводимый Министерством образования и науки Калужской области (Постановление Правительства Калужской

области №9 от 6 августа 2021г. «О присуждении областных премий и стипендий имени К.Э. Циолковского в 2021 г.);

Б. Конкурс на соискание премии Городской Управы города Калуги молодым ученым города Калуги.

3) В пяти публикациях в рецензируемых изданиях, включённых в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

А. Еленская К.В. Культурная детерминация насилия/ненасилия // Казанская наука. №6 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019 – 134, С. 40-42 (0,25 п.л.);

Б. Еленская К.В. Лингвистический паспорт лексемы ‘насилие’ // Преподаватель XXI век №4, 2020, С. 386-392 (0,49 п.л.);

В. Еленская К.В. Изменения в русской языковой картине мира (на материале неологизмов, репрезентирующих насилие) // Казанская наука. №5 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021 – 128, С. 38-40 (0,26 п.л.);

Г. Еленская К.В. Компонентный анализ ключевых составляющих семантического поля «насилие» в современном русском языке // Казанская наука. №3 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022 – 206, С. 48-50 (0,24 п.л.);

Д. Еленская К.В. О семантико-прагматическом содержании лексем, выражающих насилие/ненасилие в социокультурном поле (на примере слов, имеющих отношение к религиозному культу) // Казанская наука. №5 2022г. - Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022 – 212, С. 42-44 (0,24 п.л.).

4) В четырех публикациях в рецензируемых изданиях, включенных в перечень РИНЦ:

А.Еленская К.В. Языковые средства политического насилия // Семантика и прагматика языковых единиц : Материалы Международной научной конференции, Калуга, 20–22 сентября 2019

года. – Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2019. – С. 56-66 (0,46 п.л.).

Б. Еленская К.В. Подвиг как акт оправдываемого насилия // Богословско-исторический сборник №15, 2019 - С. 121-124 (0,17 п.л.);

В. Еленская К.В. Конструирование квазидействительности и формирование квазиоценок как форма латентного идеологического насилия (на материале учебников РКИ) // Вестник Калужского университета, №1, 2021 – С. 37-40 (0,38 п.л.).

Г. Еленская К.В. Языковая репрезентация насилия в художественном тексте (на материале романа Дж. Фаулза «Коллекционер») // Вестник Калужского университета, №2, 2021 – С. 9-11 (0,27 п.л.).

Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 2,76 п.л.

ГЛАВА 1. Теоретические аспекты исследования лексической репрезентации понятия «насилие»

1.1. Лексикографический анализ лексемы «насилие»

В русском языке очевидна этимологическая связь лексемы «насилие» со словом «сила». На это указывают некоторые значения лексемы «сила», фиксируемые как в словарях XIX века [15; 38], так и в отдельных современных толковых словарях русского языка. Словарь церковно-славянского и русского языка 1847 года [38] отмечает такие значения лексемы «сила», как: «3. Власть, могущество, влияние. 9. Насилие». Словарь В.И. Даля под лексемой «сила» в числе прочих значений фиксирует следующие: «Власть, могущество, влиянье, владычество, чисто нравственное или поддержанное страхом кары. <...> Силить, неволить, приневоливать, нудить, принуждать, заставляя силою» [15]. БТС под ред. С.А. Кузнецова [10] содержит значения: «4. *только ед. Неодобр.* Физическое насилие или моральное, экономическое и т.п. давление. 7. *Только ед.* <...> могущество, авторитет, власть».

Данные этих словарных статей позволяют утверждать, что компоненты значения производной лексемы «насилие» мотивированы указанными выше значениями производящей лексемы «сила», что дает основание выделить в лексеме «насилие» семы «власть» и «принуждение».

В ряде же индоевропейских языков аналоги лексемы «насилие» («violence», «violencia», «violenza») восходят к латинскому «violentia» – «нарушение», «попрание» [Апресян, 1997, с. 133]. Из этого следует, что значения индоевропейских лексем мотивированы значениями лексемы «violentia», что позволяет выделить в них сему «противозаконность».

Рассмотрим, как актуализируются вышеуказанные семы и какие значения лексемы «насилие» содержатся в современных толковых словарях русского языка. Для анализа были взяты словари БАС [6], БТС [10], Т.Ф. Ефремовой [18], С.И. Ожегова [27], МАС [35], Н.Ю. Шведовой [41], Д.Н. Ушакова [42].

При анализе словарных статей были выявлены следующие значения лексемы «насилие»:

1. «Применение физической силы к кому-н.» [18; 27; 35; 41; 42];
2. «Применение физической силы или морального давления» [6; 10];
3. «Принудительное воздействие на кого-н, нарушение личной неприкосновенности» [18; 27; 35; 41; 42];
4. «Притеснение, беззаконие (*книжн.*), злоупотребление властью» [18; 27; 35; 41; 42];
5. «То же, что изнасилование» [18; 35; 42];
6. «Противоестественное воздействие, оказываемое на что-л.» [10].

В ряде фиксируемых значений, помимо исходных сем «принуждение» и «власть», фигурирует и сема «противозаконность», являющаяся эксплицитной в индоевропейских языках, а также фиксируется новая сема – «противоестественность», т.е. отхождение от нормы. По мнению С.М. Колесниковой, «норма традиционно понимается как «точка отсчета» <...>. Данное понятие не является ни абсолютно субъективным, ни абсолютно объективным» [Колесникова, 2010, с.58].

В современном русском языке принципиальных изменений в области толкования лексемы «насилие» нами не было выявлено. Еще в словарях XIX века под лексемой «насилие» понималось **любое** (не только физическое) незаконное принудительное воздействие одного субъекта на другой («насилие - принуждение к чему-либо силой и вопреки законам» [38], «насилие - принуждение, неволя, нужда, силованье; действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное» [15]). Эти же значения фиксируются и современными толковыми словарями, рассмотренными нами выше.

Однако следует обратить внимание на ряд отличий между лексикографируемыми языковыми единицами в толковых словарях XIX века [15; 38] и современных толковых словарях [6; 10; 18; 27; 35; 41; 42]:

- 1) В современных толковых словарях наблюдается значительное сокращение словообразовательного ряда, исходным словом которого

является *насилие*. Так, словарь В.И. Даля и словарь церковнославянского и русского языка 1847 года фиксируют следующие архаичные лексемы: *насиливание* («действие насилюющего» [38]), *насилиться/насилываться* («быть насиленным» [38]), *насильство* («то же, что насилие» [38]), *насильчивый* («склонный к насилиям» [15]), *насильщина* («насилие, насильство; состоянье, быт, жизнь под гнетом» [15]) и др.

- 2) В современных толковых словарях наблюдается устранение языковых дублетов, например, таких как *изнасиление / изнасильничание / изнасильствование* («действие изнасилившего» [38]).
- 3) Использование феминитивов, акцентирующих внимание на том, что автором насилия является женщина (встречается только в словаре В.И. Даля): *насильница, насильщица, насиловательница*.
- 4) В Малом академическом словаре [35] и словаре Д.Н. Ушакова [42] наблюдается маркирование насилия маскулинным началом: «насиловать – 2. (сов. изнасиловать) Силой принуждать (женщину, женщин) к половому акту» [35], «изнасиловать – 1. Насилием принудить (женщину) к половому акту» [42].

Лексема «насилие» фиксируется не только в лингвистических, но и в энциклопедических словарях. Характер подачи значений лексической единицы «насилие» в энциклопедических словарях и энциклопедиях имеет свою специфику, обусловленную релятивностью восприятия явления, называемого указанной лексемой. Проиллюстрируем эту мысль примерами из нескольких энциклопедических словарей, выделив в зафиксированных толкованиях ядерные и периферийные семы лексемы «насилие»:

1. Вид воздействия;
2. Субъект насилия;
3. Объект насилия;
4. Инструмент насилия;

5. Цель насилия;
6. Результат насилия для объекта;
7. Последствия совершенного насилия для субъекта.

Большая медицинская энциклопедия [Петровский, 1974-1989] толкует насилие как «воздействие на человека различных факторов окружающей среды, которые, нарушая физиологические функции или анатомическую целостность тканей и органов, приводят к расстройству здоровья или к смерти» [7].

В данном толковании ядерные и периферийные семы актуализируются следующим образом:

1. Насилие – это физическое воздействие;
2. Субъектом насилия может быть кто или что угодно;
3. Насилие в качестве объекта предполагает только человека;
4. Инструмент насилия: не вычитывается;
5. Цель насилия: не вычитывается;
6. Результат насилия – расстройство здоровья или смерть;
7. Последствия совершенного насилия для субъекта: не вычитываются.

Философский энциклопедический словарь [Ильичёв, 1983] фиксирует следующее толкование: «насилие – применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении др. классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий» [45].

В толковании ядерные и периферийные семы лексемы «насилие» актуализируются так:

1. Насилие – это психическое или физическое воздействие;
2. Субъект насилия – определенные классы (социальные группы);
3. Объект насилия – другие классы (социальные группы);
4. Инструмент насилия – что угодно, в том числе оружие;

5. Цель насилия – получение или удержание превосходства в экономической и/или политической сфере деятельности, завоевание привилегий и исключительных прав.
6. Результат насилия для объекта – принудительная передача своих прав и привилегий;
7. Последствия совершенного насилия для субъекта – достижение цели.

Новая философская энциклопедия [Стёпин, 2001] толкует насилие как «общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность» [26].

Ядерные и периферийные семы лексемы «насилие» актуализируются следующим образом:

1. Насилие – это психическое или физическое воздействие;
2. Субъект насилия – определенные группы людей;
3. Объект насилия – другие группы людей;
4. Инструмент насилия – что угодно;
5. Цель насилия – подчинить себе других, их способности, производительные силы, собственность.
6. Результат насилия для объекта – потеря жизни, собственности, свободы;
7. Последствия совершенного насилия для субъекта – достижение цели.

В Большом юридическом словаре [Сухарев, 2003] под насилием понимается «физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность. Физическое Н. выражается в непосредственном воздействии на организм человека: побои, телесные повреждения, истязания различными способами (в т.ч. с применением каких-либо предметов и веществ) и т.д. Психическое Н. заключается в воздействии на психику человека путем запугивания, угроз (в частности, угроз физической расправой), чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению. Н. может быть отягчающим обстоятельством (при совершении преступления с особой

жестокостью или издевательством над потерпевшим), способом совершения преступления (напр., убийства, угона воздушного судна) либо конститутивным (квалифицирующим) признаком состава преступления (напр., при изнасиловании)» [12].

В толковании наблюдается следующая актуализация ядерных и периферийных сем:

1. Насилие – это психическое или физическое воздействие;
2. Субъект насилия – человек;
3. Объект насилия – человек;
4. Инструмент насилия – предметы, вещества и т.д.;
5. Цель насилия – физическое воздействие вплоть до устранения, подавление воли потерпевшего к сопротивлению.
6. Результат насилия для объекта – потеря жизни, здоровья, свободы;
7. Последствия совершенного насилия для субъекта – ответственность в рамках законодательства РФ.

Социологический энциклопедический словарь [Осипов, 1998] толкует насилие как «применение силы либо разного рода угроз по отношению к определенным социальным субъектам или их собственности с целью запугивания и принуждения к определенным действиям» [39].

В толковании интересующие нас семы актуализируются так:

1. Насилие – это психическое или физическое воздействие;
2. Субъект насилия – человек;
3. Объект насилия – человек или его собственность;
4. Инструмент насилия: не вычитывается;
5. Цель насилия – запугивание и принуждение к определенным действиям.
6. Результат насилия для объекта – потеря собственности, принуждение к определенным действиям;
7. Последствия совершенного насилия для субъекта – достижение цели.

В криминалистической энциклопедии [Белкин, 2000] не содержится толкования лексемы «насилие», однако фиксируется понятие «насильственная

смерть», под которым понимается «смерть от воздействия внешних факторов (убийство, самоубийство, несчастный случай)» [1].

Существуют такие понятия, которые принципиально не могут быть строго очерчены. Анализ толкований лексемы «насилие», содержащихся в лингвистических и энциклопедических словарях, показал, что к таким понятиям можно отнести и насилие. Понимание этого феномена как явления сложного и одновременно значимого для человека является важным методологическим критерием его осмысления. Упрощенное понимание насилия не может служить основой его лексикографического описания и надежным инструментом социального взаимодействия.

В силу того, что лексема «насилие» и слова одноименного семантического поля нередко оказываются смежными с лексемой «агрессия» и языковыми единицами этого тематического ряда, необходимо изучить, как лингвистические и энциклопедические словари толкуют лексему «агрессия».

Так, толковые словари С.И. Ожегова [27], Д.Н. Ушакова [42], Т.Ф. Ефремовой [17], БТС [10], Л.П. Крысина [23] фиксируют следующие значения лексемы «агрессия»:

1. Вооруженное нападение одного или нескольких государств на другие страны с целью захвата их территорий и насильственного подчинения своей власти [10; 17; 23; 27];
2. Наступление, нападение, агрессивное отношение к чему-н. [17; 42];
3. О словах или действиях, выражающих неприязнь, враждебность [10].

Энциклопедические словари и энциклопедии в основном фиксируют правовой аспект значения лексемы «агрессия»: «понятие современного международного права, которое охватывает любое незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости др. государства или народа (нации)» [11; 12].

Социологический энциклопедический словарь [Осипов, 1998] дает расширенное толкование указанной лексемы: «1. Действие, поведение,

нацеленное на причинение ущерба (морального, физического и т. д., вплоть до полного уничтожения) другому существу или объекту. 2. В политической социологии - насильственное вторжение в границы другого государства. 3. В международном праве - любое незаконное применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или полит. независимости другого государства. Включает в качестве обязательного признак первенства или инициативы (применение к.-л. государством вооруженной силы первым). 4. В психологии - А. трактуется либо как результат внутренне присущей человеку агрессивности (психологизм), либо как результат фрустрации (гипотеза фрустрации - агрессии), либо как продукт процесса обучения, либо как следствие недостаточной или неудачной социализации» [39].

Из указанных выше толкований можно выделить три семы, содержащиеся в лексеме «агрессия»: «враждебность», «нападение», «вторжение».

Большой психологический словарь [Мещеряков, Зинченко, 2003] толкует агрессию как «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицат. переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.)» [8]. В этом толковании особенно заметно сближение семантики лексем «насилие» и «агрессия». Оба понятия подразумевают действия наступательного характера, предполагающие отрицательное воздействие на адресата.

Однако представляется необходимым указать различия между этими двумя, на первый взгляд, близкими понятиями:

- 1) Наблюдаются различия в семной структуре слов: если в семантике лексемы «насилие» выделяются семы «принуждение», «власть», «противозаконность», «противоестественность», то в семантике лексемы «агрессия» – «враждебность», «нападение», «вторжение».
- 2) В своей совокупности семы, содержащиеся в семантике лексемы «насилие», позволяют утверждать, что насилие всегда предполагает

пренебрежение общественными рамками, а агрессия может реализовываться внутри них.

- 3) Автором, или субъектом, насилия может выступать только человек, а агрессия характерна как человеку, так и животному (ср. *эта собака проявляет агрессию и *эта собака намеривается совершить насилие*).
- 4) Как правило, насилие не может быть направлено на неодушевленные объекты (за исключением случаев применения метонимического смещения, о которых будет говориться в гл. 2).

Следует указать, что некоторые толковые словари русского языка отмечают возможность лексем словообразовательного ряда «насилие» сочетаться с неодушевленными существительными со значением «объект насилия», однако содержащиеся в словарных статьях примеры четко иллюстрируют, что такое возможно только при использовании указанных лексем в метафорическом значении, что не противоречит высказанному нами выше положению.

Например, БАС: «Изнасилование. 1. Произвести насилие над кем-, **чем-л.**, принудить к чему-л. *Перевод г. Карпова верный и точный до буквальности, носящий в себе отпечаток того языка, с которого он сделан; но оттого **русский язык** в нем нисколько **не изнасилован** и не лишен своей естественности.* Бел. Соч. Платона, перев. Карповым» [6].

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов под ред. Н.Ю. Шведовой фиксирует следующее: «Насиловать. 1. кого-**что**. Принуждать, притеснять. 2. кого (**что**). Насилием принуждать к половому акту» [41].

Толковый словарь по ред. Д.Н. Ушакова содержит следующую информацию: «Изнасиловать, сов. (к насиловать), кого-**что** (книжн.). 2. Произвести насилие над кем-**чем-н.**, насильно заставить изменить что-н., измениться (редко). *Деввица... **жизнь и судьбу** свою изнасиловать хочет.* Достоевский» [42].

- 5) Агрессию могут сопровождать приступы неконтролируемых негативных эмоций (*озвереть, наброситься, рассвирепеть, остервеневший* и т.п.).

– Когда это случилось впервые, я *набросился* на него *в гневе*: «Сэр, что это значит?» [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]

Насилие, в свою очередь, может совершаться и без проявления такого рода эмоций.

– Затем самый старший из шайки мучителей, 17-летний местный парень, вооружился осколком стеклянной бутылки и, пока остальные безучастно смотрели на расправу, *хладнокровно перерезал* девочке *горло*. [Школьники перерезали горло 10-летней девочке за критику // «Московский комсомолец» в Нижнем Новгороде, 2004.07.30]

В рамках данного диссертационного исследования будут описаны только лексема «насилие», семантическое поле «насилие» и их репрезентация в русском языке.

1.2 Понятие «насилие» в общественном сознании

(по материалам результатов социологического опроса, проведенного среди представителей нескольких социальных групп, проживающих в городе Калуге)

Проанализировав экспликации значения лексемы «насилие» в различных лингвистических и энциклопедических словарях и обнаружив в них некую семантическую асимметрию, мы заинтересовались, наблюдаются ли вариации толкования лексемы «насилие» у носителей русского языка. С этой целью был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 150 респондентов, проживающих в городе Калуге. Среди них: 24 старшеклассника, 76 студентов КГУ им. К.Э. Циолковского (институт филологии и массмедиа, институт естествознания, инженерно-технологический институт) и 50 человек в возрастных группах до 35 лет, 36-39 лет, 40-60 лет, являющиеся представителями различных профессий. Опрос проводился среди добровольцев и представлял собой анкету, содержащую два вопроса:

1. Что вы понимаете под словом «насилие»?

2. Перечислите такие слова, которые, по вашему мнению, обозначают/называют насильственные действия.

Результаты опроса показали, что респонденты всех трех социальных групп, давая ответ на первый вопрос анкеты, приводили четыре вида определений лексемы «насилие» (см. Таблицы 1, 2, 3):

1. Насилие – это *физическое* или *психическое* негативное воздействие на человека без его согласия.
2. Насилие – это *физическое* воздействие против воли человека.
3. Насилие – это *некие* действия, совершенные против воли человека или другого живого существа.
4. Насилие – это *психическое (моральное)* воздействие на человека против его воли.

Таблица 1 — Экспликации значения лексемы «насилие», данные старшеклассниками в ходе социологического опроса (разработана автором)

Определение	Процент респондентов
1. Физическое или психологическое негативное влияние на человека без его согласия	41,7%
2. А. Физическое действие человека без согласия другого человека Б. Применение физической силы с целью угрозы или нанесения вреда (в т.ч. и себе) В. Рукоприкладство	16,7%
3. А. Какие-нибудь воздействия на человека против его воли Б. То, что делается против живого существа, приносящее ему вред Б. Причинение боли человеку Г. Жестокое обращение с людьми и животными Д. Применение силы по отношению к кому-то	33,3%
4. Моральное мучение человека, использование его против собственной воли. Неуважение и всякие его проявления.	8,3%

Таблица 2 — Экспликации значения лексемы «насилие», данные студентами КГУ им. К.Э. Циолковского в ходе социологического опроса (разработана автором)

Определение	Процент респондентов		
	Инженерно-технологический институт	Институт филологии и массмедиа	Институт естествознания
1. Умышленное целенаправленное причинение вреда моральному и физическому здоровью человека без согласования с жертвой	60%	55%	47%
2. А. Применение физической силы против воли человека. Б. Избиение и жестокое обращение. Действия, которые делают больно другому человеку.	20%	10%	16,7%
3. А. Противоправные действия по отношению к другому человеку, приводящие к негативным последствиям. Б. Любые действия, совершенные над живыми существами без их доброй воли (принуждение, нарушение личных границ). В. Издевательство над кем-то. Умышленный вред.	15%	30%	30,6%
4. А. Действия морального подавления по отношению к другому человеку. Б. Психологическое воздействие, унижающее другого человека.	5%	5%	5,6%

Таблица 3 — Экспликации значения лексемы «насилие», данные работающими респондентами в ходе социологического опроса (разработана автором)

Определение	Процент респондентов		
	До 35 лет	36-39 лет	40-60 лет
1. Психологическое и физическое воздействие, приносящее человеку боль без его воли.	42%	11,1%	44,4%
2. А. Действия, которые принуждают личность что-либо делать против ее воли, применяя физическую силу. Б. Применение грубой силы.	16%	22,2%	-
3. А. Действия, совершенные над личностью против ее воли. Б. Акт жестокого неправомерного обращения с живыми существами. В. Заставлять делать те или иные действия. Г. Преступление против личной свободы (неприкосновенности).	42%	55,6%	44,4%
4. Унижение человека	0%	11,1%	11,1%

Большинство старшеклассников, студентов всех опрошенных институтов и работающие, входящие в возрастные группы до 35 лет и 40-60 лет, толкуют насилие как *физическое* или *психическое* негативное воздействие на человека без его согласия. Треть опрошенных студентов всех профилей подготовки, 55,6% работающих респондентов в возрасте от 36 до 39 лет, 42% работающих респондентов в возрасте до 35 лет и 44,4% - в возрасте 40-60 лет определяют насилие как *любые* действия, совершенные против воли человека. Небольшое число респондентов всех социальных групп определяли насилие как *только психическое (моральное)* или *только физическое* воздействие. Несмотря на некоторую разницу в процентном соотношении ответов, данных разными

группами респондентов, видна закономерность, заключающаяся в практически идентичном понимании сущности насилия (см. Приложение, Гистограмма 1 – Сопоставление экспликаций значений лексемы «насилие», данных участниками опроса).

Опрос показал, что практически все семантические составляющие значения лексемы «насилие» (за исключением значений «то же, что изнасилование» и «противоестественное воздействие, оказываемое на что-л.»), зафиксированные в проанализированных нами в главе 1.1 толковых словарях русского языка, были отражены в ответах респондентов, однако важно отметить, что такая многоаспектная экспликация значения лексемы «насилие» представляется только тогда, когда учитываются ответы всех респондентов в их совокупности. Ответы же более трети респондентов, толкующих насилие как *некое воздействие*, совершенное над личностью, с одной стороны, могут быть восприняты поверхностными, а с другой стороны, напротив, очень глубокими, предполагающими возможное включение не только физического и психического воздействия, но также и вербального, экономического, политического и др. видов воздействий. Именно это и создает ощущение размытого понимания сущности феномена насилия и требует детального лингвистического исследования.

Анализ ответов на второй вопрос анкеты выявил некоторые закономерности:

1. Давая ответ на второй вопрос анкеты, респонденты всех категорий в качестве наиболее частотных примеров лексем, называющих насильственные действия, приводили одни и те же слова (см. Таблица 4; см. Прил. Гистограмма 2 – Сопоставление наиболее частотных лексем, приводимых всеми участниками опроса в качестве лексем-репрезентантов насилия»), а именно: *избиение/рукоприкладство, травля/буллинг, издевательство, заставлять/принуждать/принуждение*.
2. Иноязычные неологизмы, репрезентирующие насильственные действия, (*абьюз, газлайтинг, эйджизм, селфхарм, харассмент*) в единичных случаях встречаются в анкетах всех респондентов (см. Таблицы 5, 6, 7).

Таблица 4 — Наиболее частотные лексемы, приводимые всеми группами респондентов (старшеклассниками, студентами, работающими) в качестве лексем-репрезентантов насилия (разработана автором)

Прим.: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Слова	Старшеклассники	Студенты	Работающие
Избиение / рукоприкладство	45,8%	42%	32,7%
Давление	20,8%	14,5%	6,1%
Домогательство	20,8%	7,9%	4,1%
Травля / буллинг	16,7%	14,5%	16,3%
Издевательство	16,7%	10,5%	20,4%
Заставлять/ принуждать/ принуждение	12,5%	14,5%	30,6%
Унижение	8,3%	17%	28,6%
Изнасилование / надругательство	-	22,4%	28,6%

Таблица 5 — Перечень лексем, приводимых в качестве репрезентантов насилия старшеклассниками в ходе социологического опроса (разработана автором)

Прим.: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Слова	Процент респондентов, назвавших данное слово
Избиение / рукоприкладство	45,8%
Давление	20,8%
Домогательство	20,8%
Травля / буллинг	16,7%
Издевательство	16,7%
Принуждение	12,5%
Газлайтинг	12,5%

Угроза	8,3%
Абьюз	8,3%
Домашнее насилие	8,3%
Ругань / скандал	8,3%
Унижение	8,3%
Агрессия	4,16%
Навязывание	4,16%
Эйджизм	4,16%
Оскорбление	4,16%
Рабство	4,16%
Обвинение	4,16%
Манипуляции	4,16%

Таблица 6 — Перечень лексем, приводимых в качестве репрезентантов насилия студентами КГУ им. К.Э. Циолковского в ходе социологического опроса (разработана автором)

Прим.: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Слова	Процент респондентов, назвавших данное слово		
	Инженерно-технологический институт	Институт филологии и массмедиа	Институт естествознания
Изнасилование / надругательство	35%	5%	25%
Избиение / рукоприкладство	50%	40%	39%
Давление	25%	20%	5%
Унижение	20%	5%	22%
Принуждение	20%	40%	30,5%
Абьюз	15%	30%	5,6%
Угроза	10%	30%	-
Ограничение в	10%	-	14%

перемещения / удержание			
Похищение	10%	-	-
Жестокость	10%	-	5%
Наказание	5%	-	-
Оскорбление	5%	15%	14%
Мучительство / пытка	5%	-	5,6%
Тирания	5%	-	2,7%
Издевательство	5%	5%	16,7%
Эйджизм	5%	-	-
Расправа	5%	-	-
Убийство	5%	-	5,6%
Терроризм	5%	-	-
Война	5%	-	-
Буллинг	5%	35%	8,3%
Удар	10%	10%	13,9%
Манипуляция	-	10%	-
Агрессия	-	30%	-
Домогательство	-	15%	8,3%
Шантаж	-	15%	8,3%
Вымогательство	-	5%	-
Селфхарм	-	5%	-
Харассмент	-	5%	2,7%
Преследование	-	5%	2,7%
Преступление	-	20%	-
Обвинение	-	5%	-
Запугивание	-	5%	-
Подавление	-	-	8,3%
Рабство	-	-	2,7%
Домашнее насилие	-	-	2,7%

Угнетение	-	-	2,7%
Газлайтинг	-	-	2,7%
Репрессия	-	-	2,7%
Ущемление	-	-	2,7%
Захват	-	5%	2,7%
Заложник	-	-	2,7%
Деспотизм	-	-	2,7%
Маньяк	-	-	2,7%

Таблица 7 — Перечень лексем, приводимых в качестве репрезентантов насилия работающими респондентами в ходе социологического опроса (разработана автором)

Прим.: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Слова	Процент респондентов, назвавших данное слово		
	До 35 лет	36-39 лет	40-60 лет
Избиение / побои / рукоприкладство	42%	33,3%	22,2%
Изнасилование / надругательство	38,8%	22,2%	22,2%
Заставлять / принуждать	25,8%	44,4%	33,3%
Унижение	25,8%	33,3%	33,3%
Издевательство	19,4%	11,1%	33,3%
Буллинг / травля	19,4%	11,1%	11,1%
Убийство / уничтожение	16%	11,1%	-
Оскорбление	13%	11,1%	22,2%
Удар	13%	33,3%	-
Жестокость	9,7%	-	-
Запугивание	9,7%	-	-
Рабство	9,7%	-	-
Угнетение	3,23%	-	11,1%
Шантаж	9,7%	-	-

Терроризм	6,5%	-	-
Пытка / истязание / мучительство	13%	22,2%	22,2%
Грубость	6,5%	-	-
Ругань / брань	6,5%	-	-
Садизм	6,5%	-	-
Членовредительство	3,23%	-	-
Захват	3,23%	-	-
Удержание	3,23%	-	-
Высмеивание	3,23%	-	-
Бандитизм	3,23%	-	-
Геноцид	3,23%	-	-
Давление	6,5%	-	11,1%
Педофилия	3,23%	-	-
Абьюз	3,23%	11,1%	11,1%
Газлайтинг	6,5%	-	-
Устрашение	3,23%	-	-
Угроза	3,23%	11,1%	11,1%
Манипуляция	3,23%	-	11,1%
Домогательство / Приставание	-	11,1%	11,1%
Навязывание	-	-	22,2%
Запрещать	-	-	11,1%
Гиперопека	-	-	11,1%

Среди слов, называемых респондентами всех социальных групп, были обнаружены лексемы, отнесенность которых к числу репрезентантов насилия представляется спорной (*синяк, боль, страх, крик, тревога, кровь, слезы/плакать, таблетки, непонимание, человек, молчание, утрата* и др.) (см. Таблица 8). Данные слова могут ассоциироваться с насильственными действиями, но не репрезентируют их (подробнее см. гл.2).

Таблица 8 — Перечень лексем, приводимых респондентами всех категорий и ассоциирующихся у них с насильственными действиями (разработана автором)

Прим.: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Слова	Старшеклассники	Студенты	Работающие
Синяк	12,5%	1,3%	-
Боль	20,8%	19,7%	2%
Страх	20,8%	9,2%	-
Крик	8,3%	6,6%	2%
Тревога	8,3%	-	2%
Кровь	8,3%	1,3%	-
Слезы / плакать	4,16%	1,3%	2%
Злость / злоба	4,16%	1,3%	2%
Таблетки	4,16%	-	-
Опасность	4,16%	-	-
Тюрьма	4,16%	-	-
Приказ	4,16%	1,3%	-
Вред	-	-	2%
Эгоизм	-	-	2%
Безразличие	-	-	2%
Утрата	-	-	2%
Толчок	-	-	2%
Прикосновение	-	-	2%
Смерть	-	2,6%	-
Травма	-	3,9%	-
Психика	-	1,3%	-
Истерия	-	1,3%	-
Брошенный	-	1,3%	-

Непонимание	-	1,3%	-
Человек	-	1,3%	-
Молчание	-	1,3%	-
Аморальный	-	1,3%	-
Обиженный	-	1,3%	-
Безысходность	-	1,3%	-
Ужас	-	1,3%	-
Страдание	-	1,3%	-
Игнорирование	-	1,3%	-

Следует отметить, что имеют место следующие отличительные особенности анкет разных социальных групп:

- 1) У старшекласников, не встречались лексемы *изнасилование/надругательство*, в то время как 22,4% студентов и 28,6% работающих эти лексемы упомянули.
- 2) Наименее отмечаемыми старшекласниками, но не единичными случаями упоминания, являются лексемы *угроза, домашнее насилие, ругань/скандал, унижение* (см. Таблица 5). Студенты реже всего отмечали лексемы *издевательство, убийство, преследование, захват* (см. Таблица 6). Работающие респонденты всех возрастных групп реже всего упоминали лексемы *угнетение, угроза, домогательство/приставание* (см. Таблица 7).
- 3) Не отмечена значимая корреляция между профессиональной принадлежностью работающих респондентов и списком лексем, приводимых ими в качестве слов, называющих насильственные действия (см. Таблицы 9, 10, 11)

Таблица 9 — Лексемы, приводимые в качестве лексем-репрезентантов насилия работающими респондентами в возрасте до 35 лет (с указанием профессии) (разработана автором)

Прим. 1: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Прим. 2: 1 – учитель, 2 – поэт, 3 – медработник, 4 – аналитик, 5 – руководитель, 6 – менеджер, 7 – финансист, 8 – сфера услуг.

Слово	Процент респондентов, назвавших данное слово							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Издевательство	6,5%	-	3,23%	-	3,23%	-	3,23%	3,23%
Буллинг / травля	3,23%	6,5%	-	-	3,23%	3,23%	-	3,23%
Изнасилование / надругательство	13%	9,7%	-	-	3,23%	9,7%	3,23%	-
Избиение / побои / рукоприкладство	9,7%	9,7%	-	3,23%	-	6,5%	3,23%	9,7%
Оскорбление	6,5%	3,23%	3,23%	-	-	-	-	-
Удар	6,5%				6,5%			
Садизм	-	3,23%	-	-	-	-	3,23%	-
Унижение	9,7%	6,5%	3,23%	-	3,23%	-	-	3,23%
Жестокость	6,5%	3,23%	-	-	-	-	-	-
Членовредительство	-	3,23%	-	-	-	-	-	-
Убийство / уничтожение	-	3,23%	-	-	6,5%	-	3,23%	3,23%
Запугивание	3,23%	3,23%	-	-	3,23%	-	-	-
Ругань / брань	3,23%	-	3,23%	-	-	-	-	-
Заставлять / принуждать	3,23%	-	-	6,5%	3,23%	6,5%	3,23%	3,23%
Пытка / истязание / мучительство	3,23%	-	-	-	3,23%	-	-	6,5%
Рабство	-	-	-	-	6,5%	3,23%	-	-
Угнетение	-	-	-	-	-	3,23%	-	-

Грубость	3,23%	-	-	-	-	-	-	3,23%
Захват	-	-	-	-	3,23%	-	-	-
Удержание	-	-	-	-	3,23%	-	-	-
Бандитизм	-	-	-	-	3,23%	-	-	-
Геноцид	-	-	-	-	-	-	3,23%	-
Терроризм	3,23%	-	-	-	-	-	3,23%	-
Шантаж	3,23%	-	-	-	3,23%	-	-	3,23%
Давление	-	-	-	-	3,23%	-	-	3,23%
Педофилия	-	-	-	-	-	3,23%	-	-
Абьюз	3,23%	-	-	-	-	-	-	-
Газлайтинг	3,23%	-	-	-	-	3,23%	-	-
Устрашение	-	-	-	-	-	-	3,23%	-
Угроза	3,23%	-	-	-	-	-	-	-
Манипуляция	3,23%	-	-	-	-	-	-	-
Высмеивание	3,23%	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 10 — Лексемы, приводимые в качестве лексем-репрезентантов насилия работающими респондентами в возрасте 36-39 лет (с указанием профессии) (разработана автором)

Прим.: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Слово	Процент респондентов, назвавших данное слово			
	Учитель	Поэт	Рабочие специальности	Инженер
Избиение / побои / рукоприкладство	-	-	33,3%	-
Изнасилование / надругательство	11,1%	-	11,1%	-
Заставлять / принуждать	11,1%	11,1%	11,1%	11,1%
Унижение	-	-	22,2%	11,1%
Издевательство	-	-	11,1%	-

Буллинг / травля	-	-	11,1%	-
Убийство / уничтожение	11,1%	-	-	-
Оскорбление	-	-	11,1%	-
Удар	11,1%	11,1%		11,1%
Пытка / истязание / мучительство	11,1%	-	-	11,1%
Абьюз	11,1%	-	-	-
Угроза	-	-	11,1%	-
Домогательство / Приставание	-	11,1%	-	-

Таблица 11 — Лексемы, приводимые в качестве лексем-репрезентантов насилия работающими респондентами в возрасте 40-60 лет (с указанием профессии) (разработана автором)

Прим.: Респонденты не имели ограничения в количестве приводимых слов.

Слово	Процент респондентов, назвавших данное слово				
	Учитель	Руководитель	Финансист	Инженер	Медработник
Избиение / побои / рукоприкладство	11,1%	-	-	-	11,1%
Изнасилование / надругательство	11,1%	-	-	-	11,1%
Заставлять / принуждать	11,1%	11,1%	-	-	11,1%
Унижение	11,1%	-	11,1%	-	11,1%
Издевательство	22,2%	-	11,1%	-	-
Буллинг / травля	-	-	-	11,1%	-
Оскорбление	11,1%	-	-	11,1%	-
Угнетение	11,1%	-	-	-	-
Пытка / истязание / мучительство	11,1%	-	-	11,1%	-
Давление	-	11,1%	-	-	-

Абьюз	-	-	-	11,1%	-
Угроза	-	-	-	11,1%	-
Манипуляция	-	11,1%	-	-	-
Домогательство / Приставание	-	-	-	11,1%	-
Навязывание	11,1%	11,1%	-	-	-
Запрещать	11,1%	-	-	-	-
Гиперопека	11,1%	-	-	-	-

Насилие – форма общественных отношений, постоянно присутствующая в любых социумах на протяжении всего существования человеческой цивилизации. Несмотря на это, приведенные нами данные, полученные в результате социологического опроса, показали, что в сознании респондентов не определены четкие границы этого общественного явления. Социальная природа человека предполагает постоянное взаимодействие с другими людьми, без четкого понимания границ такого сложного понятия, как «насилие», а также без умения его распознавать в т.ч. в языке, успешная социализация индивида, по нашему мнению, невозможна.

1.3. Понятие «насилие» в контексте современных исследований в области общественных и гуманитарных наук

Насилие становится объектом исследований многих общественных и гуманитарных наук, таких как социология, психология, философия, культурология, юриспруденция, лингвистика и др.

Наше диссертационное исследование опирается на выдержки из работ, обзор которых будет представлен в следующем порядке: изучение феномена насилия в лингвистических работах с целью дать общее представление о нем; изучение лингвистических работ, описывающих понятие «насилие»: а) на лексико-семантическом уровне языка; б) на уровне дискурса, в рамках которого

подтверждается потенциал языка быть использованным в качестве средства языкового насилия.

Представленные ниже положения из научных работ определили вектор нашего исследования.

1. Изучение феномена насилия в лингвистических работах.

В.В. Бочарова в диссертационном исследовании пишет, что «в системе социальных отношений насилие в чистом виде играет роль древнейшего и наиболее примитивного способа разрешения объективно существующего конфликта интересов участников социального процесса. <...> Мораль, религия, право не противостоят насилию как его антиподы. Они являются его смягченными и сублимированными разновидностями. Их основная задача заключается в устранении очевидных форм и проявлений конфронтации интересов в обществе через нахождение мирных компромиссных способов взаимодействия индивидов и социальных групп. Но мораль, как и религия, и право не способны устранить главный онтологический источник насилия, коренящийся в фактическом неравенстве людей, их потребностей и интересов, неравенстве их ресурсных возможностей. Стало быть, построение общества на принципах ненасилия остается утопической перспективой» [Бочарова, 2012, с.7, 11].

Ранее близкую по смыслу идею относительно невозможности построить общество на принципах ненасилия высказывали Б.К. Мартыненко и В.В. Денисов: «При соблюдении определенных условий насилие справедливо и вполне оправданно. Особенно это актуально при борьбе со злом. Зло может и должно быть истреблено. А истребить его может только сила» [Мартыненко, 2010, с.32]. «Насилие как способ самозащиты и спасения от агрессивных насильственных действий, как способ их предупреждения признается законным и оправданным» [Денисов, 2008, с. 44].

В.И. Красиков в работе «Нормирование насилия», рассуждая на эту же тему, утверждает, что «насилие окончательно узурпируется государством, которое получает карт-бланш на его нормирование, дозировку и форматирование

социального поля в смысле квалификации того, что считать насилием, а что «защитой отечества», «восстановлением конституционного порядка» или «борьбой с социальным злом». Попытки более мелких групп и отдельных людей использовать насилие в своих целях клеймят: такие акты называют восстанием, бунтом, преступлением, бандитизмом, гражданской войной или терроризмом» [Красиков, 2008, с.11]. В другой статье «Насилие и культура» В.И. Красиков отмечает, что «общий объем насилия, если бы таковой можно было количественно определить, включая сюда не только убийства, грабежи и членовредительства, но и микрокосм душевного, морального насилия, применяемого людьми друг к другу и к самим себе, остается неизменным, как пока неизменны исходные душевная и ментальная экспозиции в человеке. Меняются, скорее всего, внутренние пропорции распределения видов или сфер насилия: публичного и внутреннего, легального и нелегального, физического и символического, садизма и мазохизма – в соответствии с направлениями общей трансформации политэкономической и культурно-ментальной архитектуры социального целого, к которой уже приравниваются сознание и поведение его единиц» [Красиков, 2008, с. 77].

В диссертационном исследовании А.И. Кугая утверждается, что «насилие контекстуально в своих проявлениях. Оно может быть смертельно опасным (репрессивная жестокость власти, сатанинская дерзость криминального мира, вспышки массового безумия и пр.), или легитимным, благотворным, цивилизованным, оправданным. Оно обретает валентность в социальном контексте его применения в зависимости от того, кто за ним стоит и какие цели преследует, и, следовательно, каким ценностным смыслом “нагружает”» [Кугай, 2000, с.4].

Е.П. Ильин утверждает, что «психологи рассматривают насилие как безусловно отрицательное явление, оказывающее на личность деструктивное влияние». Однако он уточняет, что «необходимо различать акт внешнего воздействия и восприятие этого воздействия как насилия. Воздействие, со стороны кажущееся как насилие, может не восприниматься человеком-объектом

воздействия как таковое. Все зависит от субъективного восприятия физических или психологических воздействий на себя. Если они идут против его желаний сохранять свою телесную и моральную целостность, и тем более имеют намерение унижить его, то он расценивает эти воздействия как насилие. Парадоксально, но даже проявление родителем ласки может восприниматься ребенком как насилие и вызывает у него протест. Если же воздействия соответствуют желаниям человека (как, например, при мазохизме, при желании ребенка учиться), или не противоречат принятым им нормам поведения (соблюдение дисциплины), то не расцениваются как насилие (по крайней мере, как психологическое)» [Ильин, 2013, с.168].

С. Н. Борисов, рассуждая о характере феномена насилия, сравнивает его с энергией, «которая непременно должна реализоваться, найти объект приложения, который будет разрушен. Более того, насилие черпает свои силы в себе самом, находя основание и обоснование для себя в себе» [Борисов, 2012, с. 140].

О.В. Башкатов в диссертационном исследовании утверждает, что «насилие представляется как феномен необратимого социального действия, его можно интерпретировать как действие силы, которая вызывает в субъекте-объекте необратимые изменения. Насилие не выступает как простое принуждение, ущерб жизни и собственности, а как такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле тех, против кого оно направлено» [Башкатов, 2001].

Вопрос о видах насилия неоднократно поднимался исследователями. Так, Б.К. Мартыненко [Мартыненко, 2012] приводит разноаспектную классификацию насилия, например, по количеству участников, по количеству жертв, по средствам, используемым в ходе насильственных действий и т.д. А К.В. Безручко в работе «К вопросу о понятии насилия» утверждает, что «теория уголовного права подразделяет насилие на две разновидности: физическое насилие и психическое насилие. Законодатель же при конструировании норм уголовного закона такой терминологией не пользуется. В диспозициях статей УК РФ выделяется насилие либо угроза применения такого насилия. При этом сам

термин «насилие» не раскрывается, что порождает различное его толкование, но имеется указание на его степень: опасное или не опасное для жизни и здоровья.

В законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие. Психическое насилие, то есть ответственность за угрозу его применения, наказуемо в случаях, специально указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы» [Безручко, 2007].

О.Я. Гелих в работе «Язык как средство управления и насилия: проблема образования» пишет о существовании двух подходов в анализе насилия – абсолютистского и прагматического. Первый полностью отрицает возможность оправдать насилие и использовать его в конструктивных целях, второй предполагает, что насилие может быть оправдано в тех случаях, когда оно «предотвращает большее насилие, которое никаким иным способом предотвратить невозможно» [Гелих, 2004]. Определение насилия, по мнению О.Я. Гелих, можно вывести через сопоставление насилия с понятием свобода. В таком случае «насилие предстает не вообще принуждением или ущербом жизни и собственности, а таким принуждением и таким ущербом, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены» [Гелих, 2004].

Х. Арендт переосмысливает феномен насилия в контексте политической власти. Традиционно насилие считалось ее основой, Х. Арендт утверждает обратное – насилие является признаком слабости власти. «Поскольку насилие — в отличие от власти (power), силы (force) или мощи (strength) — всегда нуждается в орудиях, то технологическая революция, революция в изготовлении орудий, особенно заметно проявилась в военном деле. Сама сущность насильственного действия управляется категорией «средство — цель», а применительно к человеческим делам основное свойство этой категории — это риск, что цель окажется подчинена средствам, которые она оправдывает и которые требуются для ее достижения» [Арендт, 2014, с.8].

А.М. Олешкова в статье «Язык как инструмент насилия» анализирует вышеупомянутую работу Х. Арендт «О насилиии», работу С. Жижека «О власти» и

работы М. Фуко. Автор приходит к выводу, что «насилие имеет онтологическую природу. Особенности этого феномена не выводятся из биологической или социальной сущности человека и общества, при этом выступают проявлением именно коллективного бытия человека. Сам акт и факт вхождения в социальное порождает насилие. В этой связи возникает опасность инструментализированного понимания человека, потери его субъектности. Онтологическая природа насилия посредством языка формирует социальные отношения власти и насилия, имеющие институциональное измерение» [Олешкова, 2020, с. 108].

С. Жижек в книге «О насилии» произносит мысль о том, что «субъективное и объективное насилие невозможно различить с одной точки зрения: субъективное насилие воспринимается в качестве такового лишь на фоне ненасильственного нулевого уровня. Оно кажется нарушением «нормального», мирного положения вещей. Но объективное насилие как раз и является собой насилие, присущее этому «нормальному» положению вещей. Объективное насилие невидимо, поскольку оно поддерживает тот самый стандарт нулевого уровня, благодаря которому мы воспринимаем нечто как субъективное насилие. Таким образом, системное насилие представляет собой некое подобие пресловутой «темной материи» в физике, дополнение слишком зримого субъективного насилия. Оно может быть невидимым, но оно необходимо для объяснения того, что в противном случае кажется «иррациональной» вспышкой субъективного насилия» [Жижек, 2010, с.6].

В.В. Корнев утверждает, что «тема насилия превращается сегодня в один из самых эффективных рычагов манипуляции сознанием, ибо уровень ее обсуждения тем ниже, чем чаще бомбардируется обыватель образами насилия и негативно заряженной «силовой» лексикой» [Корнев, 2007, с.95]. «Часто содержание научного понятия «насилие» представляет собой лишь облагороженный стереотип, главными признаками которого является подмена анализа морализацией (в лучшем случае, рефлексия заменяется естественнонаучными наблюдениями и «практическими исследованиями»), однозначная негативность в восприятии насилия, сведение насилия либо к биологическому фактору, либо,

напротив, к приобретенной на каком-то этапе болезни цивилизации» [Корнев, 2007, с.95-96].

Ф. В. Тагиров отмечает особую, «объединяющую» функцию жертвенного насилия, выступающего основанием «единства соперничающих, спорящих обо всем, но единодушных в признании кризиса и необходимости его преодоления» [Тагиров, 2008, с.74]. Автор считает, что у насилия есть две стороны: реальная и символическая. «Символическое насилие может быть эстетизировано, облагорожено высокими моральными идеями, освящено сакральным, освещено светом трансцендентной звезды. Однако оно ужасно вдвойне. Ибо культура позволила человеку выйти за пределы исключительно биологического существования, привязанного к телесности, по отношению к которому только и может быть осуществлено реальное насилие. Создав культуру, человек выходит в подлинное человеческое измерение – измерение символического. Реальное насилие может самое большое принести человеку смерть. А символическое насилие может принудить человека жить по чужим символам» [Тагиров, 2008, с.76]. Ф.В. Тагиров также отмечает, что «насилие, как и диалог, всегда требует Другого. При этом Другой – это не просто «такой же, как я, но другой». Другой – принципиально инаков, он Чудовище. Так при жертвоприношении в древних культурах, жертва, по отношению к которой осуществляло насилие общество, обретала статус нечистого или сакрального (Ж. Батай, Р. Жирар). Так и в случае войны обычно запрещенные формы насилия оправдывались тем, что направлены они на Чужого, Не-человека, Недо-человека, Неправоверного, Нецивилизованного дикаря» [Тагиров, 2008, с.77].

А.Я. Флиер в статье «Культурные основания насилия» утверждает, что «именно культура исторически являлась наиболее значимой и универсальной причиной социального насилия» [Флиер, 2012].

В работе «Социальное пространство и насилие» А.А. Сурков приходит к выводу о невозможности «проанализировать феномен насилия, не обратившись к социальному пространству, которое не только оказывает влияние на формы и

способы осуществления насильственного акта, но и само постоянно изменяется под его воздействием, даже чисто потенциальным» [Сурков, 2015, с. 142-143].

Работа И.Н. Сидоренко «Насилие языка» посвящена проблеме вербального насилия. Автор делает предположение, что «человек способен к насилию именно потому, что способен говорить», и утверждает, что «современная всеобщая война создает новый мировой порядок, базирующийся не на прямом насилии, как это делалось в эпоху традиционных и индустриальных обществ, а посредством страха, вызываемого угрозой символического насилия, порождаемого в пространстве языка» [Сидоренко, 2014, с.106, 108].

2.1 Лингвистические работы, описывающие понятие «насилие» на лексико-семантическом уровне языка.

М.Н. Эпштейн [Эпштейн, 1991] выделяет отдельный класс слов, называемый прагмемами, в лексическом значении которых «семантический аспект – отношение слова к обозначаемому явлению – неразрывно связан с прагматическим аспектом – отношением говорящего к предмету сообщения». Таким образом, прагмема – это «лексема с закрепленной за нею, устойчивой прагматической установкой»; это «идея, свернутая в одно слово, которое имплицитно включает в себе оба члена суждения (объект суждения и предикат)». В качестве примеров автор, в числе прочих, приводит и ряд слов, репрезентирующих понятие «насилие»: «ошельмовать», «заклеймить», «пособник», «самоуправство», «сговор».

Л.Р. Газизулина в диссертационном исследовании выделила четыре общие логемы, отражающие основные суждения о насилии, а также сопроводила их примерами языковой реализации в русском и английском языках: «1. Насилие – способ разрешения конфликтной ситуации (*убил, выстрелил, схватились, набить морду; to kill, hit, kicked, shot*). 2. Насилие – необходимый элемент наказания (*всыпал, проучить прутьями, выстегать плетью, punished, sent to jail*). 3. Насилие – проявление жестокости, садизма (*утопил, съел, пуляли камнями, tortured, executed, stabbed*). 4. Насилие – притеснение, принуждение (*начал*

трепать, волосы выдраны, запер, грабили, enslaved, presented me as a property)» [Газизулина, 2013].

Л.Р. Газизулина в соавторстве с Г.Р. Хусаиновой продолжила исследование концептов «насилие» и «violence» в статье «Реализация концептов насилия / violence в медиадискурсе (на материале русского и американского варианта английского языков)». «Посредством анализа фрагментов текстов новостей, являющихся компонентами медиадискурса, была выявлена когнитивная сущность концептов НАСИЛИЕ и VIOLENCE. Использование слов *убить, бить, нападать, схватить* в текстах российского информационного агентства и *to kill* (букв. *убить*), *to strike* (букв. *бить*), *to bomb* (букв. *бомбить*), подчеркивает общность в восприятии насилия, т.е. нежелательного воздействия одного человека/людей на другого. Наиболее частотный тип насилия, актуализированный в исследуемых текстах – убийство» [Хусаинова, 2017, с.283].

2.2 Лингвистические работы, описывающие понятие «насилие» на уровне дискурса.

Б.Я. Шарифуллин отмечает, что «с эколоингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т.п.) рассматриваются как формы речевого поведения, негативно воздействующие на коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение, манипулирование им в интересах автора высказывания» [Шарифуллин, 2004, с.120].

Монография О.А. Коврижных [Коврижных, 2015] посвящена политическому насилию, латентно проявляющемуся через языковое манипулирование общественным сознанием. Авторы анализируют понятия «политическое насилие», «ненасилие», «суггестия», «словесное внушение», «языковое манипулирование» и др.

К.В. Злоказов в статье «Насилие в креолизованном тексте: исследование закономерностей понимания» поднимает вопрос специфики восприятия

креолизованных текстов, содержащих информацию о насилии и распространяющих идеи о нем [Злоказов, 2018].

В работе «Насилие как культурная метафора» А. Усманова пишет о трех предположениях, на которых базируется рассмотрение насилия как культурной метафоры:

- «насилие – это один из наиболее архаических культурных топосов, перенасыщенных значениями и перегруженных историей; все они нуждаются в беспристрастном археологическом анализе вне категорий морального осуждения или правового воздействия» [162, с.11];
- «способы медиации и репрезентации насилия, его перевод из реального в символический модус существования заслуживают не меньшего внимания, чем «онтологическое насилие» (тем более что вне дискурса о насилии «реальное» насилие не существует)» [162, с.11];
- «насилие может быть понято гораздо шире, нежели «принуждение посредством силы» [162, с.12].

Работы других авторов, указанные в списке литературы, будут цитироваться на протяжении всей диссертационной работы по мере необходимости.

Рассмотрев наивное представление о понятии «насилие», основанное на данных социологического опроса, и научное понимание этого явления, основанное на анализе упомянутых выше научных работ, можно выделить некоторые различия:

- 1) В наивной картине мира понимание насилия сводится к «ближайшему» (в терминологии А.А. Потебни) значению лексемы «насилие», которое фиксируется и толковыми словарями русского языка. Это наблюдение дает основание считать, что в толковых словарях содержится отражение наивной картины мира носителей языка. Представление о насилии в научной картине мира опирается на «дальнейшее» значение слова, расширяющее объем указанного понятия. Так, под насилием начинает пониматься еще и «способ разрешения конфликта» [Бочарова, 2012, с.7, 11]; «способ

самозащиты и спасения от агрессивных насильственных действий, способ их предупреждения» [Денисов, 2008, с. 44]; сила, «которая вызывает в субъекте-объекте необратимые изменения» [Башкатов, 2001]; явление, которое «контекстуально в своих проявлениях» [Кугай, 2000, с.4] и «имеет онтологическую природу» [Олешкова, 2020, с. 108] и т.д.

- 2) Представление о понятии «насилие» в наивной картине мира во многом основано на личном опыте и личных ассоциациях среднестатистического носителя языка, что подтверждается списками лексем-репрезентантов насилия, приводимыми респондентами в ходе социологического опроса.

Выводы

1. В ходе анализа дефиниций лексемы «насилие» в различных толковых словарях русского языка были выделены следующие семы, потенциально или актуально содержащиеся в семантике указанной лексемы: «принуждение», «власть», «противозаконность», «противоестественность».
2. Характер подачи значения лексической единицы «насилие» в различных лексикографических источниках имеет свою специфику, обусловленную относительностью восприятия явления, называемого указанной лексемой.
3. Наиболее полное, хотя и усредненное, представление о значениях лексемы «насилие» можно получить только при совокупном анализе толковых словарей русского языка. Подобная картина наблюдается и при анализе результатов социологического опроса на предмет понимания сущности явления, называемого лексемой «насилие»: данные респондентами определения практически не зависят от возраста интервьюируемых и их принадлежности к той или иной социальной группе и демонстрируют своего рода усредненное представление о языковой действительности.
4. Отмечаются различия между представлениями о понятии «насилие» в наивной и научной картинах мира.

5. Понятие «насилие», в отличие от тематического ряда «агрессия», в качестве субъекта действия предполагает только человека, а в качестве объекта действия – одушевленный предмет.
6. Исследователи феномена насилия в основном рассматривают данное понятие с позиции философии, социологии, психологии и юриспруденции и крайне редко обращаются к данному объекту исследования в лингвистических работах.
7. Понятие «насилие» требует более детального изучения на лингвистическом уровне.

ГЛАВА 2. Лексическая репрезентация понятия «насилие» в современном русском языке

2.1. Лингвистический паспорт лексемы «насилие» и одноименного семантического поля

Согласно энциклопедии «Русский язык», под лексическим значением понимается «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр. Л. з. - продукт мыслительной деятельности человека, оно носит обобщённый характер. Обычно Л. з. сопоставляется с понятием. Лежащее в основе Л. з. понятие имеет более или менее чёткое ядро и нечёткую периферию. Чёткость ядра обеспечивает устойчивость Л.з и тем самым - взаимопонимание; благодаря расплывчатому «ореолу» понятия Л.з. может «растягиваться», что даёт возможность использовать слово для обозначения предметов, для к-рых в языке нет специального наименования» [47].

Понятие «насилие» может рассматриваться в широком и узком смысле. Проанализировав толкования лексемы «насилие» в различных лингвистических словарях русского языка, мы можем утверждать, что в широком понимании под насилием понимается физическое или духовное, прямое или опосредованное, явное или скрытое, намеренное или случайное воздействие на человека, которое нарушает его свободу, вытекающую из его физической и социальной природы. Исходя из этого определения, может показаться, что наша жизнь построена исключительно на насилии, поэтому возникает необходимость сформулировать определение насилия в узком его понимании и положить данное определение в основу исследования: *насилие* – это принудительное воздействие, ущемляющее объект насилия в законных правах и свободах и подвергающееся отрицательной оценке со стороны социума. Подобное толкование было зафиксировано еще в словаре церковно-славянского и русского языка 1847 года («насилие – принуждение к чему-либо силой и вопреки законам» [38]).

Изучив ряд толкований лексемы «насилие» в упомянутых выше словарях русского языка, мы посчитали необходимым выделить базовые интегральные семы, входящие в план содержания как лексемы «насилие», так и всех компонентов одноименного семантического поля. Таких сем было выделено три – **«принуждение»**, **«противозаконность»** и **«общественное неприятие»**. Они легли в основу **единого подхода** к поиску и анализу лексем, репрезентирующих понятие «насилие» в русском языке. По нашему мнению, наличие в лексеме всех трех сем позволит квалифицировать ее как репрезентант понятия «насилие» и отличить ее от компонентов смежных тематических рядов, в частности, ряда «агрессия».

Например, лексемы «озвереть», «наорать», «рассвирепеть», «ярость» называют действия или состояния наступательного характера, отрицательно воздействующие на адресата, содержат семы «враждебность» и «нападение», как и лексема «агрессия», однако не содержат семы «принуждение» и «противозаконность», поэтому, с нашей точки зрения, не могут считаться репрезентантами понятия «насилие».

В силу того, что настоящая диссертационная работа опирается на данные лексикографических источников, возникает необходимость обосновать принцип выбора исследуемого языкового материала.

Вслед за лексикографической практикой составления словарей русских синонимов, мы будем считать синонимами лексемы, вступающие в родовидовые отношения (логические отношения включенности и перечня). Отсюда следует, что синонимия создается способностью называть один и тот же класс денотатов (по Н.Д. Арутюновой). Так, лексема «насилие» имеет ряд синонимов, среди которых: *«насилование, давление, принуждение, понука, деспотизм, тирания»* [34].

При отборе языкового материала мы опирались исключительно на формулировку, данную в толковых словарях русского языка. Работа велась только с теми лексемами, в толковании которых содержались или синонимы, или окказиональные синонимы слова *насилие*. Например:

- Линчевать – «*подвергнуть самосуду, так наз. суду Линча, применяемому реакционной буржуазией США для зверской **расправы** с революционными деятелями*» [27]; иго – «*угнетающая, поработачающая **сила***» [27]; угнетать – «*1. Жестоко **притеснять**, не давать свободно жить, **эксплуатировать**. 2. **Мучить**, отягощать сознание, душу*» [27]);

Лексемы *расправа, сила, притеснять, эксплуатировать, мучить*, содержащиеся в указанных выше толкованиях, вступают с лексемой «насилие» в синонимические отношения, поскольку семантически и стилистически ей очень близки.

- Вивисекция – «***вскрытие** живого животного, живого организма с научной целью*» [27]; кабала – «*перен. Полная, почти рабская **зависимость***» [27]; эксплуатация – «***использование** для каких-н. целей*» [27]).

Лексемы *вскрытие, зависимость, использование* образуют со словом «насилие» ряд окказиональных синонимов, поскольку сближаются с его содержанием только в определенном контексте.

Следует отметить, что все лексемы, указанные выше, сами по себе не являются средством насилия (см. гл. 4). Они лишь могут репрезентировать понятие «насилие» на лексико-прагматическом уровне.

Лексемы-репрезентанты понятия «насилие» могут быть дифференцированы в зависимости от того, в какой сфере человеческой жизнедеятельности осуществляется репрезентируемое ими насильственное поведение. Это может быть:

- Военная сфера: *расстрел, штурм, бомбить, блокада* и т.п.
- Сексуальная сфера: *изнасилование, насиловать, насильник, педофил, растление* и т.п.
- Религиозная сфера: *обрезание, инквизиция, распятие, крестовый поход, жертвоприношение, заклатие* и т.п.

Известно, что лексика – наиболее чувствительный к изменениям в общественной жизни пласт языка. Говоря о лексической репрезентации понятия

«насилие», следует учесть, что ряд лексем, фиксирующих в семантике некоторые формы насилия, перешли в разряд историзмов, поскольку называемые ими явления исчезли из жизни современного социума. Так, большая часть современной молодежи не сможет объяснить, что такое *крестовый поход*. Для их языкового сознания данная форма насилия не является актуальной. Этот ряд можно продолжить лексемами *инквизиция, инквизитор (в 1 знач.), четвертование, колесование* и т.д.

И, напротив, в настоящее время в современный русский язык, особенно в его некодифицированные формы, активно проникают заимствованные лексемы, которые с некоторым допущением можно отнести к репрезентантам понятия «насилие» (*газлайтинг, абьюз, кэтколлинг, троллинг* и др.). В большинстве случаев значение таких лексем выражает формы психического (эмоционального) насилия над человеком, однако далеко не все они репрезентируют противозаконные и в целом не принимаемые обществом явления. Вероятно, факт массового включения в национальный язык таких неологизмов может свидетельствовать о том, что в социуме возникла потребность в словах, способных точно и емко называть явления, ограничивающие свободу отдельных его членов.

Указанные выше неологизмы мы предлагаем разделить на две группы:

1) Не имеющие исконного синонима в русском языке

- А. Лексемы, репрезентирующие дискриминацию человека в обществе по различным признакам, в том числе:
- a. Полу: *мизандрия* (дискриминация мужчин), *мизогиния* (дискриминация женщин);
  - b. Внешнему виду: *бодишейминг, фэтшейминг* (дискриминация людей с лишним весом);
  - c. Уровню здоровья: *эйблизм* (дискриминация инвалидов);
  - d. Возрасту: *эйджизм*.
- Б. Лексемы, репрезентирующие насилие по отношению к женщинам и распространенные преимущественно в феминистической

интернет-среде: *виктимблейминг* (досл. «обвинение жертвы», возложение на женщину полной или частичной ответственности за совершенное над ней преступление); *фемцид* (убийство женщин из ненависти к ним); (*слатшейминг* (досл. «обвинение в распутстве», обвинение женщины за надетую на нее одежду, которую некоторые могут посчитать провокационной); *кэтколлинг* (уличное домогательство, заключающееся в использовании в адрес женщины звукоподражания «кис-кис»); *стелсинг* (снятие мужчиной презерватива во время полового акта без согласия женщины).

2) Имеющие исконный синоним или квазисиноним

А. Имеющие русскоязычный синоним (*киднеппинг* – *похищение*, *селфхарм* – *самоповреждение*).

Б. Имеющие квазисиноним в русском языке (*неглект* – *бездействие*, *харассмент* – *домогательство*, *травля* – *буллинг*).

Массовое включение в некодифицированные формы национального языка подобных неологизмов свидетельствует о существовании лакун при обозначении некоторых форм насильственного поведения, а также о потребности носителей языка 1) вывести эти явления внеязыковой действительности в фокус внимания, 2) минимизировать речевые усилия при их назывании, поскольку ранее они могли обозначаться в языке лишь описательно, 3) заменить русскоязычные лексемы, не способные отразить весь спектр значения, имеющийся у заимствованного слова.

Так, лексема *травля*, которую принято считать квазисинонимом лексем *буллинг*, *моббинг* и *боссинг*, в соотносимом с ними значении в БТС [10] и МАС [35] приводится лишь под восьмой цифрой – «*изводить, мучить нападками, преследованиями*». Словарь Ефремовой [19] фиксирует следующие значения: «3. перен. *Настраивание кого-либо против кого-либо*. 4. перен. *Уничтожение кого-либо нападками, придирками, преследованиями*». Но в таком случае лексема *травля* теряет следующие компоненты значения по сравнению с иноязычными

аналогами: «закрытая социальная группа», «горизонтальность (*буллинг, моббинг*)/вертикальность (*боссинг*) насильственных отношений».

Очень близки семантически являются лексемы *сталкинг* и *преследование*. Однако подходящее значение лексемы *преследование* нами было найдено лишь в словаре Ефремовой, где данное значение является далеко не основным («4. Добиваться, домогаться чьей-л. близости, любви»).

Рассмотрим пару *харассмент – домогательство*. Во всех используемых нами словарях фиксируется практически идентичное значение лексемы «*домогательство – настойчивое, назойливое стремление достигнуть чего-либо, получить что-либо, добиться чего-либо*». Очевидно, что у лексемы *харассмент* наблюдаются дополнительные компоненты значения: «сексуальный характер совершаемых действий», «зависимость от агрессора».

В паре *неглект – бездействие* русскоязычное слово вовсе лишено того компонента значения, который давал бы нам право отнести эту лексему к словам, репрезентирующим понятие «насилие», поскольку словари толкуют *бездействие* лишь как «неподвижность, отсутствие всякой деятельности, работы, ничегонеделанье» (ср. *неглект – «намеренное одностороннее игнорирование, отказ в помощи людям, находящимся в зависимом положении»*).

Наличие эквивалента иноязычному слову не является убедительным доказательством, что в русской языковой картине мира упомянутые формы насилия сегодня находят своё достаточное выражение. Здесь также наблюдаются лексические лакуны, которые восполняются двумя параллельными способами: заполнением и компенсацией. Последний способ обеспечивает достаточность понимания и принятия элементов «чужой» языковой культуры.

2.2 Лексическая репрезентация субъекта и объекта насилия

Основу семантического поля «насилие» составляют лексико-тематические группы «субъект насилия» и «объект насилия».

Под субъектом насилия в данном диссертационном исследовании будет пониматься лицо, совершившее или совершающее насильственное действие; а под объектом насилия – лицо, на которое указанные действия были направлены.

Согласно Я.И. Гилинскому [Гилинский, 2013], виолентология (отрасль знания, исследующая феномен насилия [44, с.23]) классифицирует **субъекты насилия** следующим образом: физические лица, юридические лица, политические и общественные организации, государства. А **объекты насилия** подразделяются на мужчин, женщин, детей и подростков, пенсионеров, инвалидов, животных, расы, этносы, конфессии, государства.

В силу того, что в данном диссертационном исследовании насилие рассматривается не как особая форма социальных отношений, а как лексема и одноименное семантическое поле, нами была разработана другая классификация субъекта и объекта насилия.

С этой точки зрения можно выделить две группы лексем, репрезентирующих в русском языке субъект насилия:

1. Лексемы, обозначающие субъект, совершающий насильственные действия, *непосредственно* направленные на одушевленный объект;
2. Лексемы, обозначающие субъект, совершающий насильственные действия, *опосредованно* направленные на одушевленный объект.

Рассмотрим подробнее лексем, входящие в первую группу. В ней можно выделить следующие подгруппы:

- Субъект насилия направляет свое действие на животное.

К данной подгруппе можно отнести такие лексем, как *живодер* («2. перен. человек безжалостный, жестоко обращающийся с животными (прост.)»[42]), *вивисектор* (специалист, занимающийся «1. вскрытием живого животного в целях изучения его организма» [42]), *жрец* («1. В древних религиях: служитель божества, совершающий жертвоприношения и другие обряды» [27]). Следует отметить, что лексем *вивисектор* и *жрец* включены в эту группу условно, поскольку в данной главе не учитывается социокультурная детерминация насилия/ненасилия (подробнее см. в гл. 3).

- Субъект насилия направляет свое действие на человека, в результате чего человек испытывает:
  - физическое насилие (*душител*, *убийца*, *маньяк*, *садист*, *террорист*, *эксплуататор*, *работорговец*, *рабовладелец*, *похититель*, *истязатель*, *шахид* («Мусульманин, погибающий за веру; террорист-смертник, современный камикадзе» [27]), *боевик* («3. Член военизированной террористической группировки» [27]);
  - психическое насилие (*диктатор** («2. перен. Тот, кто ведёт себя по отношению к другим властно и нетерпимо» [27]), *деспот** («2. перен. Человек, принуждающий других поступать по его воле, не считающийся с чужими желаниями; тиран» [27]), *шантажист*);
  - сексуальное насилие (*наильник*, *педофил*, *растлитель*);
  - невозможно однозначно определить вид испытанного насилия (*тиран** («2. Угнетатель, мучитель, деспот (во 2 знач.)» [27]), *мучитель* («Тот, кто причиняет кому-н. муки, страдания» [27]), *урод** («(прост. презр.). Изверг, мучитель» [3]); *изверг** («2. Крайне злой, жестокий человек, мучитель» [42]), *агрессор* («Виновник агрессии; тот, кто нападает; нападающая сторона» [4]), *инквизитор** («2. перен. Человек, обращающийся с кем н. с холодной жестокостью, мучитель» [27])).

В главе 2.1 было выдвинуто условие, согласно которому лексема «насилие» и составляющие одноименного семантического поля эксплицитно или имплицитно должны содержать три интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие». Выше было упомянуто, что в качестве объекта взаимодействия насилие всегда предполагает одушевленное существительное (*расстрелять* (кого?), *угнетать* (кого?), *пытать* (кого?)). В противном случае ни противозаконность этих действий, ни общественное неприятие не могут являться основанием отнести лексему к репрезентантам

насилия в русском языке (ср. *казнокрад, спекулировать, валютчик, коррупция* – хотя сами действия являются противозаконными и порицаются обществом, данные лексемы не репрезентируют насилие, поскольку объектами взаимодействия являются чужая собственность или деньги, т.е. предметы, а не лица). Однако в ряде случаев наблюдается метонимическое смещение, реализующееся в возможности лексем со значением «предмет, на который направлено насильственное действие» вступать в связь с лексемами со значением «лицо, являющееся объектом насилия». Такое возможно в трех ситуациях, когда предмет, на который направлено насильственное действие, называют:

- 1) Лексемы, обозначающие проявления высшей нервной деятельности человека, т.е. называющие те функции мозга, которые связаны с внутренним миром человека, его психикой (*память, эмоции, чувства, воля, мышление* и т.д.: *уничтожить память, растоптать любовь, надругаться над чувствами, подавить волю*);
- 2) Лексемы, репрезентирующие духовные ценности, догмы, культы и символы нации, социальной группы или отдельного человека (*осквернить могилу, уничтожить флаг страны, опорочить честь*);
- 3) Лексемы, называющие предметы, которыми кто-то владеет. В связи с этим в сознании говорящего насильственное действие направлено не столько на предмет, сколько на лицо или группу лиц, законно владеющих этим предметом.

На основании этого наблюдения была выделена вторая группа лексем – лексемы, обозначающие субъект, совершающий насильственные действия, *опосредованно* направленные на одушевленный объект. В данной группе можно выделить три подгруппы:

- Субъект насилия деструктивно воздействует на проявления высшей нервной деятельности человека (речь, мышление, сознание, память) (*манипулятор, насмешник*).

- Действия субъекта насилия направлены на уничтожение или порчу чужого имущества / ценности (*вандал, осквернитель, поджигатель, вредитель*).
- Действия субъекта направлены на присвоение чужого имущества (*вор, конокрад, аферист, мошенник, пират, мародер, грабитель, вымогатель, жулик, разбойник, колонизатор* («1. Тот, кто ведет политику колониального угнетения, кто порабощает трудящиеся массы колоний» [27])).

Большинство указанных в данной главе лексем, репрезентирующих субъект насилия, вступают в асимметричные отношения с лексемами, репрезентирующими объект насилия. Однако следует отметить, что если для многих форм насилия существует соответствующее наименование субъекта насилия (*угнетать/угнетение – угнетатель; похитить/похищение – похититель; истязать/истязание – истязатель*), то наименования объекта насилия чаще всего не мотивированы формой испытанного насилия (ср. универсальные и наиболее частотные *жертва, пострадавший* и применяемые только к конкретной форме насилия *раб, заложник, пленник, изгой*).

Подавляющее большинство указанных в данной главе лексем в зависимости от контекста могут быть использованы как в номинативном значении (в терминологии В.В. Виноградова и О.П. Ермаковой)/идентифицирующем (в терминологии Н.Д. Арутюновой), так и в оценочном/предикатном. Если в синхронии лексема имеет оба значения, то репрезентировать субъект насилия она сможет только будучи употребленной в номинативном/идентифицирующем значении. При употреблении той же лексемы в оценочном/предикатном значении она сама может превратиться в средство языкового насилия, поскольку может начать использоваться в качестве пейоратива или инвективы (ср. «*Такое недавно действительно было, только **убийца** орудовал не молотком, а тяжёлой бутылкой*». [Ю. О. Домбровский. *Ручка, ножка, огуречик* (1977)] и «*Да, Вознесенский слышал от него: «Раньше нами правил безумец и **убийца**, а теперь*

— *дурак и свинья*» [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)] [подробнее см. в гл. 4].

При классифицировании слов, репрезентирующих субъект насилия, упоминались лексемы *деспот, ирод, тиран, инквизитор* (во II значении). Данные лексемы были отмечены знаком «*» в силу того, что их отнесенность к словам, репрезентирующим субъект насилия, спорна. С одной стороны, они действительно содержат в своих толкованиях все три выделенные нами интегральные семы «насилия» («принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие»). В современном русском языке они могут быть использованы в оценочном/предикатном значении (и крайне редко в оценочно-номинативном значении), что обуславливает их возможность использоваться в качестве пейоративов или инвектив, а как следствие – являться не частным случаем лексической репрезентации понятия «насилие», а средством языкового насилия при соблюдении определенных условий (подробнее см. в гл. 4).

2.3 Лексическая репрезентация формы, инструмента и места насилия

Семантическое поле «насилие», помимо лексико-тематических групп «субъект насилия» и «объект насилия», включает в себя группы «формы насилия» (имена существительные) и «наименования насильственных действий» (глаголы).

Принято выделять следующие виды насилия: физическое, психическое, эмоциональное, моральное, сексуальное, экономическое, вербальное. В Таблице 12 представлены лексемы, репрезентирующие возможные формы реализации перечисленных видов насилия (прим.: психическое, эмоциональное и моральное насилие объединены в одном столбце из-за невозможности четко определить их границы).

Таблица 12 — Лексическая репрезентация различных форм насилия (разработана автором)

Виды насилия		
Физическое насилие		Психическое, эмоциональное, моральное
Повлекшее смерть или предполагающее ее	Повлекшее телесные повреждения	
Покушение (во 2 знач.) [27] Убийство Казнь Уничтожение (в 1 знач.) [27] Расстрел Жертвоприношение Заклание Истребление Линчевание Самосуд Расправа (в 1 знач.) [27] Вивисекция Преследование (в 1 знач.) [27] Резня Утопление Обезглавливание (в 1 знач.) [27]	Садизм пытка (в 1 знач.) [27] Захват (во 2 знач. (при условии направленности на лицо)) [27] Расправа (в 1 знач.) [27] Побои Резня Удар Пощечина Скальп Избиение Укус Клеймение Обрезание	Надругательство Манипуляция Вандализм Издевательство пытка (во 2 знач.) [27] Оскорбление (в 1 знач.) [27] Унижение Понуждение Принуждение Ущемление (во 2 и 3 знач.) [27] Угнетение (во 2 знач.) [27] Шантаж Давление (во 2 знач.) [27] Изгнание Гипноз Внушение Вторжение (в жизнь) Диктат Похищение (при условии направленности на лицо) Иго Инквизиция Подчинение Заточение Осквернение Поругание Дискриминация Травля Угроза (в 1 знач.) [27] Преследование (в 3 и 4 знач.) [27] Запугивание Лишение Уничтожение (во 2 знач.) [27]

Продолжение Таблицы 12

Виды насилия		
Сексуальное насилие	Экономическое насилие	Вербальное насилие
Изнасилование Педофилия Раствление Домогательство	Мошенничество Грабеж Кража Мародёрство Ограбление Разбой Хищничество Разорение Пиратство Похищение (при условии направленности на предмет) Вымогательство Рэкет	Оскорбление (во 2 знач.) [27] Клевета

Как ранее нами было выведено, все лексемы, репрезентирующие ту или иную форму насилия, включаются в настоящее исследование только при наличии в их значениях трех интегральных сем: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие». Поиск толкований указанных в Таблице 12 лексем осуществлялся в трех словарях: С.И. Ожегова [27], Д.Н. Ушакова [42], Т.Ф. Ефремовой [17; 18; 19]. Большая часть лексем толкуется по словарю С.И. Ожегова, однако в некоторых случаях толкования в двух других словарях содержали формулировки, позволяющие более точно увидеть три интегральные семы в значениях лексем, входящих в семантическое поле «насилие».

Большая часть указанных лексем репрезентирует насилие в своем основном значении, но встречаются случаи, когда насилие репрезентируется вторичным значением лексемы (*покушение* – «2. на кого (что). Попытка лишить жизни»; *ущемление* – «2. перен. Ограничив, стеснить. 3. перен. Оскорбить, обидеть

(разг.)»; *давление* – «2. *перен.* Принуждение, насилие над чьей-н. волей, убеждением»).

Отдельно следует отметить лексемы, которые в зависимости от типа значения репрезентируют разные виды насилия: *пытка* – «1. Физическое насилие, истязание при допросе. 2. *перен.* Нравственное мучение, терзание (*книжн.*)»; *преследование* – «1. Следовать, гнаться за кем-н. с целью поимки, уничтожения. 3. *перен.* Подвергать чему-н. неприятному, донимать чем-н. 4. Угнетать, притеснять, подвергать гонениям».

В процессе поиска языкового материала, репрезентирующего формы насилия, были обнаружены лексемы, обозначающие явления гораздо более сложные и масштабные, из-за чего лексемы не укладывались в предложенную классификацию по видам насилия. В связи с этим была образована отдельная группа лексем, репрезентирующих политико-идеологическое насилие:

Вторжение – «войти силой».

Атака – «стремительное нападение войск на противника».

Произвол – «1. Своеволие, самовластие».

Тирания – «1. Правление, основанное на произволе и насилии. 2. Гнет, насилие, произвол (*книжн.*)».

Бомбардировка – «1. Обстреливать из орудий или, атакуя с воздуха, сбрасывать бомбы на кого-что-н.».

Блокада – «окружение войск противника с целью уничтожения, а также изоляция враждебного государства, города с целью прекращения его сношений с внешним миром».

Осада – «окружение войсками укрепленного места с целью его захвата».

Штурм – «приступ, решительная атака укрепленной позиции, крепости».

Нападение – «1. Выступить против кого-чего-н.; броситься на кого-что-н. с целью разгрома, уничтожения, нанесения ущерба».

Разгром – «1. Разбивать, уничтожать, разрушать. 2. Разорение, опустошение».

Война – «1. Вооруженная борьба между государствами».

Интервенция – «агрессивное вмешательство одного или нескольких государств, преимущ. вооруженное, во внутренние дела какой-н. страны».

Аннексия – «насильственное присоединение страны или части ее к другой стране».

Оккупация – «насильственное занятие чужой территории военной силой».

Депортация – «высылка из государства или насильственное переселение куда-н. как мера уголовного или административного наказания».

Свержение – «2. перен. Лишив власти, уничтожить, прекратить существование чего-н.»

Сегрегация – «один из видов расовой дискриминации ограничение в правах на основании цвета кожи или национальной принадлежности».

Бунт – «стихийное восстание, мятеж».

Восстание – «массовое организованное выступление против правительственной власти с целью ее свержения» [42].

Угнетение – «1. Жестоко притеснять, не давать свободно жить, эксплуатировать».

Эксплуатация – «1. Извлечение прибыли классом собственников средств производства путем присвоения трудов непосредственных производителей, трудящихся».

Притеснение – «угнетая, грубо стеснить, ограничить в правах и действиях».

Революция – «1. Коренной и резкий переворот в общественно-политических отношениях, насильственным путем приводящий к смене общественного строя».

Шовинизм – «крайний, наиболее реакционный национализм, проповедующий расовую исключительность и разжигающий национальную вражду и ненависть».

Колонизация – «1. Захватив чужую страну, насильственным путем превратить ее в колонию».

Геноцид – «истребление отдельных групп населения или целых народов по политическим, расовым, национальным, этническим или религиозным мотивам».

Холокост – «1. Массовое уничтожение нацистами европейских евреев в годы Второй мировой войны. 2 перен. Массовое уничтожение, гибель людей».

Фашизм – «форма открытой диктатуры с опорой на расизм и шовинизм, направленная на искоренение демократии, на установление режима жесткой реакции и на подготовку агрессивных войн».

Антисемитизм – «враждебное, ненавистническое отношение к евреям».

Террор – «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, убийства, по отношению к политическим противникам; тактика запугивания».

Значительное число языковых единиц, входящих в данную группу, предполагает в качестве объекта, на которого направлено репрезентируемое насильственное действие, не лицо, а предмет. С одной стороны, это противоречит обозначенному нами условию, согласно которому, насилием можно считать только действия, направленные на одушевленный объект, с другой стороны, как уже упоминалось, здесь можно говорить о метонимической связи предмета с лицом или группой лиц, законно владеющими этим предметом. Из этого следует, что насильственное действие направлено не на условные крепость, форт или город, а на людей, живущих там или защищающих их.

Следует отметить случаи, когда лексема имеет коннотацию насилия, но ввиду отсутствия одной из трех обязательных интегральных сем (даже при сохранении двух других), по нашему мнению, не может относиться к лексемам, репрезентирующим насилие. Например, в словах *ссылка, изоляция, санкция, репрессия, запрет* сохранены семы «принуждение», «общественное неприятие», но отсутствует сема «противозаконность»; в лексемах *кара, возмездие* можно выделить сему «принуждение», однако оставшиеся две интегральные семы могут нивелироваться имплицитной семой «справедливость». Этот ряд можно дополнить историзмами, называющими виды наказания и казни, которые в современный исторический период не применяются: *распятие, колесование, четвертование, децимация* («1) в древности – казнь одного из 10 человек по жребию; 2) позже – наказание каждого десятого в случае ненахождения виновного» [9]), *гильотинирование, килевание* («наказание, заключающееся в протаскивании человека при помощи подкильных концов с борта на борт под днищем корабля»), *линчи́* («вид китайской казни, заключающийся в отрезании от

тела жертвы небольших фрагментов в течение продолжительного времени»), *гекатомба* («(книжн.) у древних греков – грандиозное жертвоприношение») и т.д. Поскольку эти виды наказания определялись сводом законов своего времени и для той эпохи были законными, считать данные лексемы репрезентантами насилия, с нашей точки зрения, неправомерно.

Насилие в современном русском языке могут репрезентировать не только имена существительные, но и глаголы, в отношении которых можно применить ту же классификацию, что была предложена в Таблице 12 (см. Таблицу 13).

Таблица 13 — Лексическая репрезентация насильственных действий, относящихся к разным видам насилия (разработана автором)

Виды насилия		
Физическое насилие		Психическое, эмоциональное, моральное
Повлекшее смерть или предполагающее ее	Повлекшее телесные повреждения	
Распять Убить Заклать Застрелить Расстрелять Удушить Удавить (в 1 знач.) [42] Зарезать (в 1 знач.) [42] Уничтожить (в 1 знач.) [27] Истребить Линчевать Зарубить (в 1 знач.) [27] Отравить (в 1 знач.) [27] Казнить Обезглавить (в 1 знач.) [27] Колоть (в 2 знач.) [27] Преследовать (в 1 знач.) [27]	Калечить Избить Ударить Наброситься (в 1 знач.) [27] Увечить Пытать Терзать (в 1 знач.) [27] Ранить Захватить (во 2 знач.) (при условии направленности на лицо) [27] Изувечить Истязать Оглушить (глушить) (в 1 знач.) [27] Мучить	Наброситься (в 3 знач.) [27] Издеваться Унизить Принуждать Заставлять Терзать (во 2 знач.) [27] Ущемлять Дискриминировать Напасть (во 2 знач.) [27] Терроризировать (во 2 знач.) [27] Запугать Шантажировать Подавить (в 3 знач.) [27] Похитить (при условии направленности на лицо) Давить (в 3 знач.) [27] Уничтожить (во 2 знач.) [27] Изгнать Угнетать (во 2 знач.) [27] Клеймить (во 2 знач.)

Морить (в 1 знач.) [42]		Оклеветать Опорочить Осрамить Очернить (во 2 знач.) [27] Обесчестить (в 1 знач.) [27] Ославить Подчинить Заточить Осквернить Истязать Колоть (в 3 знач.) [27] Покорить (в 1 знач.) [27] Угрожать (во 2 знач.) [27] Преследовать (в 3 и 4 знач.) [27] Мучить Терзать (во 2 знач.) [27] Вынудить (в 1 и 2 знач.) [42] Ошельмовать Внушить Третировать
-------------------------	--	--

Продолжение Таблицы 13

Виды насилия			
Сексуальное насилие	Экономическое насилие	Вербальное насилие	Политико- идеологическое
Растлить Изнасиловать Обесчестить (во 2 знач.) [27]	Воровать Грабить Отнять (в 1 знач.) Вымогать Похитить (при условии направленности на предмет) Разорить (в 1 знач.) [27]	Оскорбить Осмеять	Терроризировать (в 1 знач.) [27] Подавить (в 1 и 2 знач.) [27] Захватить (во 2 знач.) [27] Вторгаться Атаковать Угнетать (в 1 знач.) [27] Расправиться Притеснить Репрессировать Разбомбить Штурмовать Эксплуатировать (в 1

			знач.) [27] Напасть (в 1 знач.) Свергнуть Оккупировать Завоевать (в 1 знач.) [27] Торпедировать (в 1 знач.) [27] Сослать
--	--	--	---

Как видно из Таблицы 13, почти все глаголы, репрезентирующие насильственные действия, являются переходными. В отличие от переходных глаголов любых других лексико-тематических групп, наличие прямого дополнения для глаголов, репрезентирующих насилие, является не просто предполагаемым, а обязательным: он(а) удушил(а)... (кого?), он(а) угнетает... (кого?), он(а) изгнал(а)... (кого?). Функцию прямого дополнения в этом случае будет выполнять имя существительное или местоимение, обозначающие объект насилия. Без указания объекта использование глагола со значением «насильственное действие» воспринимается недостаточным, требующим логического продолжения.

Способность глагола сочетаться с различными языковыми единицами получила название *валентность*, которое впервые ввел С.Д. Кацнельсон в 1948 году. «Валентность — это свойство значения, в котором как бы содержатся «пустые места» или «рубрики», нуждающиеся в восполнении, как рубрики в анкете. Слово, обладающее валентностью, предполагает возможность его «дополнения» [Кацнельсон, 1987, с. 21].

«В зависимости от валентности выделяются четыре группы глаголов: безвалентные, или безактантные (к которым относятся безличные глаголы), одновалентные, или одноактантные (непереходные глаголы), двухвалентные, или двухактантные (переходные глаголы) и трехвалентные, или трехактантные глаголы («глаголы речи» (например, «говорить») и «глаголы давания»)» [Теньер, 1988, с. 250, цит. по Шустова, Смирнова, 2015, с. 124].

Глаголами, репрезентирующими насильственные действия, никогда не смогут быть безвалентные глаголы. Это обусловлено тем, что насильственное действие обязательно должно иметь авторство (т.е. субъект) и направленность на определенный объект (пусть и косвенно). Это объясняет тот факт, что абсолютное большинство глаголов, приведенных в Таблице 13, являются двухвалентными, то есть предполагающими субъект и объект действия.

Говоря о репрезентации насилия в русском языке, можно утверждать, что для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия», которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Докажем данное утверждение примерами, содержащими лексемы *изнасиловать*, *убийца* и *жертва*. Каждая из этих лексем может быть репрезентантом насилия, но только при условии, что контекст, в котором она использована, содержит эксплицитную или имплицитную информацию о двух других компонентах указанной нами цепи, в противном случае о репрезентации насилия говорить нельзя. Ср.:

- «Пантюхов напился, поссорился с приятелем, до смерти избил его, *изнасиловал* его жену...» [Чудовищный анабазис рядового Пантюхова // «Криминальная хроника», 2003.07.24].
- «Проведя шесть недель в Москве и безуспешно пытаясь вдолбить в голову режиссёра суть своего романа, Лем плюнул на всё, обозвал Тарковского дураком и уехал в родную Польшу. И до самой смерти возмущался тем, как Тарковский *изнасиловал* сюжет его книги». [коллективный. Форум: Переоцененное кино или фильмы, которые тебе нравятся, а мне – нет (2013)]
- «Уже набралось семеро, когда в очереди в магазине он услышал бабий разговор, что в городе объявился *убийца*, которого уже десять лет не могут найти, а он, маньяк, убивает только по праздникам, на все красные числа, и

что на все праздники мужчин режет, а на Восьмое марта, раз в году, непременно женщину». [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

- «Он хороший человек, но он *убийца* времени». [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]
- «Вторая *жертва*, которую смерть настигла дремавшей в комнате на диване, скончалась, видимо, от многочисленных увесистых ударов по лицу. [В расправе над двумя коммерсантами подозревают женщину] // «Вечерняя Москва», 2002.06.13]
- «Выходит — и как бы просит прощения за излишне открытые ноги. Она бы и рада одеться скромнее, вот только целомудренная пижама осталась дома. А эта рубашка лишь дотуда, докуда есть. И теперь она — несчастная *жертва* обстоятельств с вызывающе красивыми бёдрами. И сразу видно, какая она незащищенная». [Слава Сэ. Ева (2010)].

Данную цепочку можно расширить лексемами лексико-тематических групп «место, ассоциирующееся с насилием» и «инструмент насилия». Такие языковые единицы, как *тюрьма, пыточная, эшафот, концлагерь, жертвенник, карцер* в своих толкованиях содержат слова, указывающие на непосредственную связь (в том числе и имплицитную) с той или иной формой насилия, однако считать их лексемами, репрезентирующими насилие, представляется не вполне обоснованным. Они создают иллюзию такой репрезентации, поскольку в языковом сознании говорящего (при наличии определенных знаний) они, скорее, символизируют насилие, нежели чем репрезентируют его.

Подобная особенность наблюдается и у лексем, репрезентирующих в языке инструмент насилия. К ним можно отнести:

- наименования единиц оружия (*мина, граната, пулемет, бомба*);
- наименования боевой техники (*истребитель, бомбардировщик*);
- орудия для пыток, наказания и казни (*виселица, гильотина, кнут, газовая камера, плаха, розги, бич*);

- предметы, созданные с целью ограничения свободы действия человека или животного (*кандалы, наручники, аркан, шпоры, клетка, капкан*).

Сами по себе данные лексемы не могут репрезентировать насилие, поскольку обозначаемые ими артефакты не могут самостоятельно выполнять тот функционал, ради которого их создавал человек. Во время знакомства ребенка с предметным миром взрослые осуществляют передачу знаний о наименовании предмета и его функции. Формирование понимания будет зависеть от особенностей индивида, его уровня культуры и его принадлежности к определенному социуму. Так формируется представление о том, как можно применить конкретный предмет: для бытовых нужд или же, используя те же самые свойства, применить его как инструмент насилия (*нож, топор, цепь, бритва* и под.).

Таким образом, о насилии, репрезентируемом в коннотативном аспекте семантики лексем со значением «инструмент насилия», можно говорить лишь при наличии информации о субъекте, использующем данный предмет для совершения насильственного действия в отношении одушевленного объекта.

В отличие от имен существительных и глаголов, которые при соблюдении описанных выше условий могут репрезентировать насилие, имена прилагательные и наречия ни при каких обстоятельствах нельзя отнести к репрезентантам насилия. Первые могут только детализировать информацию о субъекте, объекте и форме насилия, вторые – уточнять характер совершаемого насильственного действия, что обусловлено их частеречной особенностью.

Так, можно выделить имена прилагательные, детализирующие информацию:

- **О субъекте насилия** (*кровожадный, жестокий, безжалостный, хладнокровный*);

— С давних пор чихание они считали признаком здоровья. Человек при этом как бы говорил окружающим: «Я полон сил!» Но вот, в прошлом веке одному из королей зулу — Чаке — не понравилось такое «самовыражение» подданных, и он решил казнить каждого, кто в его присутствии осмелится чихнуть. По этой

причине был убит даже родной брат *кровожадного властителя*. [В. В. Мезенцев, К. С. Абиляханов. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 2. Книга 4 (1991)]

— Отправившись спасти дочь, он начинает войну с настоящим чудовищем — это Орловский по прозвищу Дьявол, поклонник искусств, коллекционер бабочек и *жестокий убийца*, терроризирующий всю округу и превращающий людей в рабов. [Михаил Серафимов. Каталог. В ритме Джанго // «Огонек», 2013]

— А иных за каменной стеною растерзал *безжалостный вандал*. [С. М. Голицын. Записки уцелевшего (1980-1989)]

— Он застрелит ее, *хладнокровный*, расчетливый и умный. [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)]

- **Об объекте насилия** (*беззащитный, беспомощный, невинный, наивный, безоружный, покорный*);

— Это когда ты ни с того ни с сего сильно бьешь по лицу *беззащитную красавицу*. Просто так, от полноты ощущений. [Сергей Болмат. Сами по себе (1999)]

— То ли потерявший бдительность Шаталов переборщил с дозой наркотика, то ли у женщины оказалась аллергия на это сильнодействующее средство, но после того, как злодей удовлетворился проделанными над ней гнусностями и стал ожидать, что женщина придет в чувство, она так и не подала признаков жизни. Миновали все допустимые сроки, и Шаталов забеспокоился. Одно дело — насилловать *беспомощных жертв* так, чтобы после совершенного насилия они даже не знали точно, было ли это; подавать им пальто, целовать ручку на прощание и хихикать по ночам над глупыми созданиями, у которых нет никаких доказательств его, Шаталова, непристойного поведения. И совсем другое дело — вдруг оказаться наедине с остывающим трупом в коммунальной квартире под недремлющим оком соседки, проявляющей жгучий интерес к любому его передвижению. Что делать? Дождавшись наступления темноты и решив, что женщине уже ничто не поможет, Шаталов стал избавляться от трупа. [Е.В. Топильская. Тайны реального следствия. Записки следователя прокуратуры по особо важным делам (2007)]

— Для одних последний император — *невинная жертва* красного террора, царь-мученик, пострадавший за Россию. Для других — Николай Кровавый, безвольный и бездарный правитель, приведший страну к катастрофе. [Николай Борисов. Тернистый путь к благолепию // «Наука и религия», 2011]

— Какой же это противник? *Безоружный мальчишка*. Ты в упор расстрелял ребенка. Мерзость! [Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)]

- **О форме насилия** (*хладнокровный, изуверский, агрессивный, захватнический, чудовищный, жестокий, варварский*).

— Если бы не водка, если бы не эта великая и постоянная провокаторша всех русских людей, жили бы два брата, как и раньше. Пусть один и видел бы в другом соперника, да все одно — брат. Одна кровь. Не дошло бы у них до *кровожадного смертоубийства*, не дошло бы до откровенного и необратимого саморазрушения. А так что ж... Пустыня осталась. И пустота. [Брат приехал // «Криминальная хроника», 2003.07.08]

— Шелепин предлагал поставить на сессии вопрос об обсуждении *агрессивного американского шпионажа* — инциденты с У-2, РБ-47 и другие. [Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)]

— До середины XVI столетия на Руси не применялись *изуверские пытки*, хорошо известные Западной Европе, такие, как сдирание кожи, вырывание ногтей, переламывание костей. [Ирина Михайлова. Тягался Павлуша с Андрюшей // «Родина», 1999]

— И произошел *безжалостный расстрел* протестующих против повышения цен рабочих в Новочеркасске. [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)]

— Самый страшный порок империализма, Илюша, *захватнические войны*, насиливание малых незащищенных народов... [А. М. Галин. Аномалия // «Современная драматургия», №4, 1996]

— Массовые убийцы, которые захватили школу № 1 в Беслане, совершили *чудовищный террористический акт*, которому не может быть рационального объяснения или прощения. [Открытое письмо главам государств... (2004)]

— *Варварский расстрел* заключенных, вызвавший взрыв негодования среди населения, широко использовала фашистская и националистическая пропаганда. [Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки // «Знамя», 1989]

Как известно, одним из лексикографируемых параметров лексической единицы является ее сочетаемость с другими словами. В словарных статьях, как правило, фиксируются наиболее частотные примеры, реализующие то или иное значение толкуемой лексемы. Так, в словарях Ожегова [27], Ушакова [42], БТС [10], Дмитриева [40] и Даля [15] приводятся следующие сочетания, иллюстрирующие все возможные значения лексемы «насилие»: «Акт насилия, следы на теле; Насилие над личностью; Произвол и насилие [27]; Диктатура пролетариата есть власть революционная, опирающаяся на насилие над буржуазией; В фашистских странах царят насилие и разбой [42]; Применить насилие при задержании преступника; Со следами насилия на лице; Насилия над личностью; Избавление от произвола и насилия; Так не говорят, это насилие над синтаксисом русского языка! История не терпит насилия; Дорого обойдётся человеку его насилие над природой; Испытать на себе насилие политики налогообложения [10]; Насилие рождает насилие; Детей необходимо ограждать от домашнего насилия; Совершить насилие; Прибегнуть к насилию; Фильм переполнен сценами насилия; Моя эмансипированная тётя заявляет, что брак - насилие над личностью; Многие атеисты считают, что монашество - это насилие над человеческой природой [40]; Мой товар, твои деньги: я тебя не насилую; Насильный отъем не уступка; Меня насильно (против воли) заставили подписать отказ; Насильно мил не будешь; Насилу сладил; Насилу ноги таскаю; Насилу догадался; Насилу-то ты приехал; Насилу люб (мил) не будешь; Насилу не быть милу [15]. Лишь в одном из этих примеров встречается субстантивно-адъективированное словосочетание со словом «насилие», а именно «домашнее насилие» [40]. Хотя перечисленные словари в большей степени фиксируют субстантивно-субстантивные словосочетания с указанной лексемой, данный факт не отменяет системного использования лексемы «насилие» с именами прилагательными:

- В разговорной речи (*добровольное насилие, безрадостное насилие, грубое насилие, беспощадное насилие, дикое насилие, агрессивное насилие* и т.д.).

— Но тут важен не только результат: бросить курить — значит подвергнуть организм стрессу, ведь *добровольное насилие* над организмом тоже насилие. [Анна Варшавская. Дым для дам // «Домовой», 2002.09.04]

— В особенности последняя, когда он, в один из своих запойных периодов, среди ночи вошёл в спальню, где Леночка смотрела свои одинокие и поучительные сны, и, не замечая ни её протеста, ни отвращения, совершил *безрадостное насилие* и только утром, опомнившись, ужаснулся ночному происшествию. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

— Грядущее мировое царство казалось ему бесконечно прекрасным, и ради него Меклер готов был на самое *беспощадное насилие*. [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989]

— Возникает вопрос, уж не в милицию ли спешил Максимилиан Андреевич жаловаться на разбойников, учинивших над ним *дикое насилие* среди бела дня? [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

— В мире есть зло и грех, которые выливаются в *агрессивное насилие*. [Константин Мацан, Всеволод Чаплин. Церковь должна быть рядом со всеми людьми // «Однако», 2009]

- В терминологии различных наук (*физическое насилие, психическое насилие, эмоциональное насилие, моральное насилие, сексуальное насилие, экономическое насилие, вербальное насилие, имущественное насилие, домашнее насилие*).

Следует отметить, что наблюдается тенденция к дроблению общего представления о насилии на его частые формы. В современном языке появляются обозначения новых форм насилия с помощью аналитических словосочетаний, напр., *идеологическое насилие, психическое насилие, домашнее насилие, экономическое насилие, сексуальное насилие* и т.д., упоминание которых

отсутствует в словарях XIX века. Такие словосочетания уже нельзя однозначно назвать свободными, они, скорее, переходят в разряд терминологических единиц соответствующих наук (психологии, социологии, философии и др.).

— Практически все нетелесные наказания трактуются как *психическое насилие*.

[Татьяна Шишова, Ирина Медведева. Законное вторжение // «Однако», 2010]

— 85% опрошенных школьников сказали, что они подвергаются *физическому насилию*. [Ирина Соколова. Бабочки летают (заметки о Тайване) (1999)]

— Ты, Билл, нарушаешь мое личное пространство, занимаешься *эмоциональным насилием*, демонстрируешь brutальные порнографические стратегии. [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]

Как уже упоминалось выше, насильственное действие можно детализировать с помощью наречий, например, таких как *агрессивно, жестоко, кровожадно, безжалостно, хладнокровно, зло, зловеще, угрожающе, хищно, грозно, пугающе, чудовищно, гнетуще*).

— Четыре жмура в дорогих костюмах лежали в лужах крови. Киллеры аккуратно разбили им черепа контрольными очередями и побежали к поджидающей машине. Так определился стиль «Уралмаша»: косить врагов под корень, *убивать как-то чудовищно, дерзко и нагло*, чтобы у всех ноги подгибались [Алексей Иванов. Ёбург. Новеллы из книги (2014)]

— Человеческая жизнь не имела никакой цены в глазах Гейдриха, и, если кто-либо становился на его пути к власти, он *безжалостно уничтожал* его. [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)]

Некоторые насильственные действия могут сопровождаться специфическими звуками, которые, в свою очередь, могут быть репрезентированы некоторыми ономатопами, относящимися к такой группе идеофонических слов, «в которых звук создает образное впечатление о форме предметов, их движении, расположении в пространстве, качествах на основе ассоциаций между звуками и звуковыми явлениями (движением, формой и пр.)» [Алиева, 2014, с. 29]. К таким ономатопам можно отнести лексемы *вжик* («1. межд. звукоподр. О резком и коротком свистящем звуке». [27]), *бах* («1. межд.

звукосопод. Об отрывистом низком и сильном звуке» [27]), *бабах* («1. Сильный грохот от выстрела, взрыва или падения чего-либо тяжёлого» [17]), *бум* («II. межд. звукосопод. О глухом и сильном звуке, напр. об ударе колокола, выстреле из орудия» [27]), *жжик* («разг. употребляется для обозначения звука, производимого пилой, косой, чем-либо, быстро скользящим» [17]), *з-з-з* («разг. употребляется для обозначения звука пролетающего насекомого, летящей пули и т.п.» [17]), *паф /тиф-паф*, («Употребляется для обозначения звука выстрела» [18]), *тарарах* («разг. Обозначает громкий резкий звук, какой бывает при ударе, выстреле, взрыве и т.п.» [19]). Для реализации потенциальной способности ономастопов косвенно репрезентировать насилие необходим контекст, эксплицитно или имплицитно выражающий информацию о совершающемся насилии:

— Ирка мужа зарезала! Ножом по горлу, *вжик!* — Лариса ребром ладони чиркнула по шее. [Н. В. Нестерова. *Отелло в юбке* (2013)]

— Вопрос один: насколько серьезна его готовность меня убить? Этот вопрос сопрягается с другим: готов ли он сесть в тюрьму — или надеется каким-то образом замести следы? От растерянности я задал эти вопросы прямо: — Значит, *тиф-паф* — и застрелите безоружного? И наказания не боитесь? [Алексей Слаповский. *Висельник* (1994)].

Выводы

Рассмотрев потенциал всех знаменательных частей речи с точки зрения их возможности репрезентировать насилие в языке, можно заключить следующее:

1. В семантике лексемы «насилие» и языковых единиц, входящих в одноименное семантическое поле, эксплицитно или имплицитно выделяются три ключевые интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие».
2. Для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия»,

«наименование насильственного действия», «объект насилия». Каждое из них может быть выражено как очевидным образом, так и неявным способом.

3. О насилии, репрезентируемом в коннотативном аспекте семантики лексем со значением «инструмент насилия», можно говорить лишь при наличии информации о субъекте, использующем данный предмет для совершения насильственного действия в отношении одушевленного объекта.
4. Наречия и имена прилагательные не могут репрезентировать насилие в языке в силу своих частеречных особенностей.

ГЛАВА 3. Социокультурная детерминация насилия/ненасилия

Предыдущая глава была посвящена изучению лексической репрезентации понятия «насилие» и описанию одноименного семантического поля на основе материалов словарных статей лингвистических словарей. Однако толковые словари, как правило, дают довольно усредненное представление о языковой действительности и употреблении описываемых в словарных статьях лексем: словари чаще всего стараются раскрыть объективное, а не субъективное содержание семантики слова. Но общество не однородно, оно представляет собой сосуществование и взаимодействие многочисленных социальных групп, характеризующихся своим взглядом на окружающую действительность, в том числе и языковую, что требует обращения к отраслевым терминологическим словарям как к источнику, отражающему специфический взгляд определенной социальной группы.

Словарь социолингвистических терминов института языкознания РАН определяет *социальную группу* как «относительно устойчивую совокупность людей, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающуюся в рамках исторически определенного общества. В каждой социальной группе воплощаются некоторые специфические взаимосвязи индивидов между собой и обществом в целом. Каждой С.г. присущи определенные поведенческие нормы, в том числе и речевые» [37].

Вследствие этого, возникает необходимость изучить и прагматическую зону в структуре значения лексем, потенциально репрезентирующих понятие «насилие».

Согласно словарной статье В.Г. Гака в энциклопедии «Русский язык», под *прагматикой* понимается «раздел языкознания, изучающий функционирование языковых образований в речи – отношение между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в аспекте человеческой деятельности» [14]. «Следовательно, с этой точки зрения прагматика языковых знаков обнаруживается в актах речи и связана с говорящим субъектом, адресатом, их

взаимодействием в коммуникации и с ситуацией общения: с целями высказывания, их косвенными смыслами, референцией говорящего, его отношением к тому, что он высказывает, воздействием на адресата, формами и стилями речевого общения (информационный диалог, дружеская беседа, спор и др.), межличностными отношениями участников общения, информативностью адресата и т.д. Несомненно, что прагматическое изучение языка в речи позволяет глубоко понять и объяснить реальное употребление языка, что отвечает этимологическому значению термина «прагматика» (от греч. *pragma* — «действие, дело»)» [Шелякин, 2005, с. 132].

Ю.Д. Апресян в работе «Прагматическая информация для толкового словаря» [Апресян, 1995] выделяет следующие свойства прагматической информации:

1. «В основных значениях слов доля чистой семантики больше, чем в производных – переносных, фразеологически связанных, конструктивно обусловленных. Наоборот, в этих последних доля чистой прагматики больше, чем в основных» [Апресян, 1995, с. 141].
2. «Прагматическая информация выражается не одним языковым средством, а совокупностью таких средств. Ее трудно локализовать в одной лексеме, одной граммеме, одной синтаксической конструкции, одной просодии» [Апресян, 1995, с. 143].
3. «Прагматическая информация тесно сплетена с семантической информацией и во многих случаях трудно отделима от нее» [Апресян, 1995, с.143].

Важным компонентом прагматической зоны значения слова является коннотация. Ю.Д. Апресян под коннотацией понимает «узаконенную в данном языке оценку объекта действительности, именем которой является данное слово» [Апресян, 1995, с.159]. Точнее, коннотация лексемы – это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта

действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него [Апресян, 1995, с.159].

В данной главе будут представлены результаты компонентного анализа лексем, имеющих отношение к религиозной, профессиональной и этнической идентичности и репрезентирующих потенциальное насилие в этих сферах на лексико-прагматическом уровне языка. Анализ проводился путем сопоставления экспликаций значений указанных лексем, данных в толковых и отраслевых терминологических словарях и энциклопедиях с учетом их прагматического созначения. Выбор словарей обусловлен стремлением раскрыть специфическую картину мира представителей обозначенных социальных групп. Языковой иллюстрацией послужили примеры, найденные в Национальном корпусе русского языка.

3.1. Компонентный анализ семантики и прагматики лексем, репрезентирующих потенциальное насилие в религиозной сфере

«Религиозное сознание имеет два уровня: обыденный и концептуальный. Обыденный уровень – это совокупность религиозных представлений, чувств, настроений, привычек, традиций, присущих верующим, то есть последователям определенной религии или религиозного направления (конфессии). Концептуальный уровень вмещает в себя систему религиозных идей, их теологическое и религиозно-философское обоснование.

Религиозная деятельность включает в себя культовую и внекультовую составляющие. Культовая религиозная деятельность состоит в совершении обрядов, ритуалов, церемоний, богослужений, мистерий, жертвоприношений и др. К внекультовой религиозной деятельности относятся воспитательная, миссионерская (...) и т. п. деятельность религиозных организаций» [Элбакян, 2020, с.144].

Сопоставим друг с другом толкования ряда лексем, имеющих отношение к религиозному культу и встречающихся как в толковых словарях, так и в

отраслевых, обозначив прагматическое созначение (если оно имеется), выведенное на базе экспликаций отраслевых словарей (см. Таблицу 14):

Таблица 14 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковых словарях и отраслевых терминологических словарях и энциклопедиях (разработана автором)

Лексема	Экспликация значения в толковом словаре	Экспликация значения в отраслевом терминологическом словаре или энциклопедии	Возможное прагматическое созначение на базе экспликации значения в отраслевом терминологическом словаре или энциклопедии
Шахид	«Мусульманин, погибающий за веру; террорист-смертник, современный камикадзе» [27]; «Мученик, павший за веру, который именно благодаря такой смерти приобщается к сонму святых» [19].	«(букв. – «свидетель») – человек, потративший что-либо (жизнь, духовные, материальные и прочие ценности) на пути Аллаха. Как правило, под шахидом понимают муджахида (мученика веры), потерявшего жизнь на пути служения Аллаху или в джихаде» [22].	В поликонфессиональной России оценка понятия, называемого лексемой «шахид» может быть как положительной (в ряде направлений ислама), так и отрицательной (в европейском понимании).
Мученик	«Канонизированная христианской церковью святой, подвергшийся мучениям за веру» [18]; «Тот, кто подвергся	« Преподобномученик – название преподобного, подвергшегося мученичеству за Христа» [31].	Отрицательная коннотация у лексемы не обнаружена.

	<p>физическим или нравственным мучениям, испытал много страданий» [27].</p>		
Жертва	<p>«1. В древних религиях: приносимый в дар божеству предмет или живое существо (убиваемое при этом), а также приношение этого дара. 3. <i>кого-чего</i>. О ком-чем-н. пострадавшем от насилия, от какого-н. несчастья, неудачи или вследствие преданности чему-н.» [27].</p>	<p>«Приношение Богу в знак благодарности или как просьба о помощи. У многих языческих народов существовали человеческие жертвоприношения: родители приносили в Ж. своих детей, владыки – рабов и т. д. В Библии имеются два указания на человеческие жертвы: принесение Авраамом своего сына Исаака и Иеффаем – дочери. Однако первая жертва является лишь испытанием Богом твердости веры Авраама, а вторая рассказана столь неопределенно, что ее можно толковать различно. Затем во времена пророков понятие о жертве расширилось и углубилось. Смысл жертвы усматривался не в приношении на алтарь жертвенный животных и плодов земных, а в принесении Богу Ж. от чистого сердца. Наконец, ветхозаветную Ж. следует рассматривать, как прообраз великой Ж. Богочеловека, принесенной Им в искупление грехов всего мира» [31].</p>	<p>Прагматическое созначение не вычитывается.</p>

Жертвоприношение	«В старину: обряд принесения жертвы божеству» [27]	«Обряд уходит в далекую языческую древность и связан с древнеаравийскими ритуалами принесения богам кровавых жертв с целью дарования людям благополучия, роста поголовья скота, обильных урожаев и т.д. Согласно канонам ислама, мусульманам разрешено употреблять в пищу мясо домашних животных и птицы: крупного рогатого скота, коз, овец, верблюдов, лошадей, индеек, гусей, кур, уток и т.д. Мясо таких домашних животных, как собаки, кошки, ослы, мулы, является запретным (харам). Принесение Богу в качестве жертвы самого ценного дара – собственной жизни (самоубийство) в исламе (за исключением отдельных случаев – ассасины и их ответвления) считается грехом» [22].	Наблюдается релятивность оценки: положительная оценка обусловлена сакральными смыслами обрядов.
Заклание	«заклать в качестве жертвы» [42]	«I. Забой скота с целью получения мяса для употребления его в пищу, для жертвоприношений и т.п. (Иер 12:3. 50:27. 51:40. Зах 11:4,7). На Древнем Востоке 3. Скота часто производили на специальной скамье или столе. В Израиле при любом 3. - при умерщвлении жертвы (см. Жертва) (Исх 12:21. Лев	

		<p>9:8) или при забое для употребления в пищу (Втор 12:15 и след. Ис 22:13) - тушу предписывалось полностью обескровить, а кровь слить на землю.</p> <p>П. 3. Также обозначает всякое насилие, умерщвление (4Цар 23:20) и человек. жертвы (Быт 22:10. Иез 23:39). Это слово употребляется и в значении Божьего суда (Ис 34:6. Иер 25:34. Плач 2:21. Ср. Иак 5:5)» [2].</p>	
Обрезание	«Религиозный обряд у верующих евреев и у некоторых других народов, состоящий в удалении крайней плоти у мальчиков» [27]	«Обряд удаления крайней плоти у младенцев мужского пола, призванный символизировать <i>Завет</i> между <i>Богом</i> и народом <i>Израиля</i> . См. <i>Брит-мила</i> » [22]	Четко прослеживается релятивность оценки: положительная у иудеев; нейтральная или отрицательная – у представителей других конфессий и нерелигиозных людей.
Жрец	«1. У язычников: служитель божества, совершающий жертвоприношение» [27]	«(Быт.41:45 ; Быт.47:22 ; 1Цар.5:5 ; 1Цар.6:2 ; 4Цар.23:5 ,8,9,20; 2Пар.11:15 ; 2Пар.34:5 ; Ос.10:5 ; Соф.1:4) - в еврейском тексте «камарин» (от сирийского «кумра»), то есть служитель кумира, идола» [3].	Прагматическое значение не вычитывается.

Ранее нами были установлены две лингвистические закономерности, отражающие специфику репрезентации понятия «насилие» в русском языке:

- 1) Все лексемы, репрезентирующие понятие «насилие» и входящие в одноименное семантическое поле, должны содержать три интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие»;
- 2) Для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия».

Язык не может функционировать вне социума, следовательно, нам требуется проверить, будут ли работать выведенные языковые закономерности в условиях социокультурной детерминации предположительно насильственных действий.

Как видно из Таблицы 14, экспликации значений отобранных лексем, содержащиеся в отраслевых словарях, во многом неэквивалентны экспликациям значений из толковых словарей, наблюдается как расширение (*обрезание, заклание*), так и сужение (*шахид, мученик, жертвоприношение, жертва*) узуального значения. Проанализируем, будут ли являться указанные лексемы репрезентантами насилия, если за основу взять толкование не лингвистического словаря, а отраслевого:

- Лексема «шахид» утрачивает семы «противозаконность» и «общественное неприятие»;
- Лексемы «жрец», «обрезание», «жертвоприношение», «заклание» (в I знач.) утрачивают все три семы, выделенные нами в словах, репрезентирующих насилие.

Таким образом, с религиозной точки зрения, данные лексемы нельзя отнести к репрезентантам насилия в русском языке.

- Лексема «заклание» во II значении сохраняет все три интегральные семы: данное действие незаконно, неодобряемо социумом и совершается принудительно по отношению к объекту заклания;
- Лексемы «мученик» и «жертва» в отраслевом словаре имеют соотносимые экспликации с теми, что указаны в толковом. Возможно,

это связано с тем, что данные лексемы обозначают не производителей действий, а реципиентов.

Рассмотрим, как соотносятся лексемы «жертвоприношение» и «заклание», которые, на первый взгляд, семантически очень близки. Как уже упоминалось в Таблице 14, в толковании и структуре слова «жертвоприношение» нет указания ни на способ принесения в жертву, ни на то, кто/что жертвой является. В свою очередь у лексемы «заклание» прослеживается этимологическая связь с глаголом «заколоть», что позволяет сделать вывод о том, что объектом заклания может быть только живое существо. В толкованиях, содержащихся в отраслевых словарях и энциклопедиях, есть указание на то, что в качестве жертвы и в случае жертвоприношения, и в случае заклания (в I знач.) используются животные, употребляемые в пищу после проведенного ритуала. Убийство животного, пусть и ритуальное, с целью дальнейшего употребления в пищу нельзя отнести к насилию, поскольку эти действия детерминированы стремлением и необходимостью поддерживать в людях физические силы. Однако в лингвистических толковых словарях нет никакой информации о деталях ритуалов, в частности, кого/что используют в качестве жертвы и что с ней происходит после завершения ритуала. Факт такой неопределенности подтверждает высказанную нами ранее мысль о том, что для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия».

При анализе лексем, рассмотренных в Таблице 14, существенное значение приобретает имеющийся в них прагматический компонент, выражающийся в том числе в оценке называемого понятия. Эта оценка детерминирована включенностью индивида в социальную общность на основе его вероисповедания или исключенностью из нее.

Так, несмотря на то что в религиозном контексте значения лексем «шахид» и «мученик» сближаются (обе лексемы обозначают лиц, отдавших свою жизнь во имя веры), лексема *мученик* для среднестатистического носителя русского языка

не имеет отрицательной коннотации, в отличие от лексемы *шахид*. Подобную ситуацию можно наблюдать и в отношении лексемы *обрезание*.

Таблица 15 иллюстрирует данное выше утверждение на конкретных примерах, взятых из Национального корпуса русского языка.

Таблица 15 — Релятивный характер оценки понятий, называемых лексемами, потенциально репрезентирующими насилие в религиозной сфере (разработана автором)

Лексема	Примеры	Комментарий
Шахид	<p>1. Слово «шахид», которым у нас уже привыкли называть бомбистов-самоубийц, традиционно не могло обозначать самоубийцу. «Шахид», мученик за веру, в традиционном Исламе — это мусульманин, павший от руки врагов. В момент смерти он окружен вооруженными врагами (а не безоружными гражданскими лицами) и умирает от их (а не от своей) руки. Тот, кто умирает от собственной руки, рассматривается как самоубийца, обреченный аду, где он будет осужден вечно повторять акт самоубийства. [С. Л. Худиев. Традиционные улемы и террористические новшества // 2010]</p> <p>2. Жить с ними вместе в рамках политкорректности — все равно, что подмигивать дружески <...> альфа-частицам, которые, сливаясь в последнем экстазе, порождают вредоноснейшее смертельно-проникающее излучение. <...> Как всякий биоробот, шахид получает все необходимое для своего функционирования. Это даже не волк, которого сколько не корми, а</p>	<p>В первом примере положительная оценка выражена косвенно, за счет противопоставления лексеме «самоубийца», во втором примере отрицательная оценка выражена явно, посредством сравнения шахида с биороботом и ряда других сопоставлений.</p>

	<p>он все в лес смотрит. Усама бен Ладен не волк. Он — мультимиллионер.</p> <p>[Валерий Лебедев. Террор — обратная сторона медали «За гуманизм между народами» // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.08.04]</p>	
Мученик	<p>1. И мы обращаемся прежде всего к мученикам, здесь лежащим: «Мученицы святии! Мы чтим вас, мы кланяемся страданиям вашим! Мученицы святии, научите нас чтить вас!» Что такое мученик? Мученик — значит свидетель. Так по-гречески звучит слово мартис. Это и свидетель, и мученик. Мученики являются свидетелями Господа нашего Иисуса Христа, Его Божественного Пришествия, страдания, смерти и Воскресения. [Они учат нас быть свидетелями Господа нашего Иисуса Христа // «Журнал Московской патриархии», 2004.05.15]</p> <p>2. Такие ассоциации вызвала инжекторная «девятка» — о ней и расскажу. Едва вошел владелец, все поняли: вот он, настоящий, хрестоматийный мученик, морально и физически истерзанный капризами машины и гримасами сервиса. [Анатолий Вайсман. Ошибка датчика // «За рулем», 2004.03.15]</p>	<p>В первом примере лексема «мученик» использована в прямом значении и содержит положительную оценку со стороны говорящего.</p> <p>Во втором примере лексема «мученик» употреблена в переносном значении, не зафиксированном в толковых словарях и содержащем ироническую коннотацию.</p>
Обрезание	<p>1. Из Иудеи пришли несколько человек и стали учить братьев: «Если не совершите обрезание, как заповедал Моисей, не будет вам спасения». [Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические.</p>	<p>В первом случае действие, называемое указанной лексемой, оценивается как богоугодное дело, имеющее сакральное значение, а потому сопровождается положительной</p>

	<p>Новый завет. Деяния святых Апостолов (2011)]</p> <p>2. Весьма показательный пример — решение Кельнского суда в июне 2012 года, запретившего обрезание по религиозным мотивам в земле Северный Рейн — Вестфалия, посчитав его нанесением увечий ребенку, не способному самостоятельно распоряжаться собственным телом. [Станислав Кувалдин. В окрестностях секулярного // «Эксперт», 2013]</p>	<p>коннотацией, в отличие от второго примера, где выражается мнение светского общества в отрыве от религиозного воззрения.</p>
<p>Жертвоприношение</p>	<p>1. В этот же вечер мы зарезали чернявого козла. Перед этим отец помолился Богу гор и попросил его простить свою ошибку. Потом мы долго варили в котле этого козла и наконец съели своё жертвоприношение. — Вкусным оказался? — полубопытствовал Чик, представляя, как в альпийском шалаше едят горячее, дымящееся мясо. [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)]</p> <p>2. Самым жестоким способом экстракции страдания было человеческое жертвоприношение — война или любая другая форма ритуального массового убийства. [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]</p> <p>3. Роман с Глашей, даже не роман, а соитие с ним, с первым Светкиным мужем, с записным Дон Жуаном, Катерина воспринимала как очищение и жертвоприношение — все сразу и вместе. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]</p>	<p>Использование лексемы «жертвоприношение» в первом примере сопровождается безоценочностью. Во втором же примере наблюдается расширение прагматической зоны указанной лексемы, что позволяет говорить о наличии оценки, выражаемой за счет метафоры «экстракция страдания». Получив образное наполнение, не имеющее отражения в толковых словарях, в третьем примере лексема «жертвоприношение» приобретает оценочность, выраженную в иронической коннотации.</p>
<p>Жрец</p>	<p>1. Это призваны сделать особые карнавальные ритуалы</p>	<p>В первых двух примерах лексема «жрец»</p>

	<p>(сохранившиеся в Европе и Южной Америке по сей день), в центре которых стоит жрец-шаман — он же Герой, осуществляющий трансцендентную связь между «этим» и «тем» мирами. [Александр Каменецкий. США как объект психотерапии // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.23]</p> <p>2. И все языческие религии — это служение дьяволу в той или иной форме. Еще осталась память о майя, инках и ацтеках, чьи цивилизации были разрушены испанскими конкистадорами и стерты с лица земли, а их язык забыт. До какого же нечеловеческого состояния они дошли, что в жертву приносили живых людей. Жрец каменным ножом вскрывал грудную клетку человека, доставал оттуда трепещущее сердце и разрывал его на части на глазах у толпы. [Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984-1989)]</p> <p>3. Здесь уместно вспомнить фигуру МакЛюэна, профессора английской литературы из Торонто, социолога, всемирно известного теоретика средств массовых коммуникаций, — «верховный жрец электронных джунглей», так в шутку звали его журналисты. [Галина Бельская. Привет, Джо! // «Знание — сила», 2003]</p>	<p>используется в прямом значении, однако имеют место отличия в коннотативном аспекте: в первом случае лексема имеет положительную коннотацию, во втором - отрицательную. Различия в оценке обусловлены включенностью /невключенностью говорящего в социальную группу, где действия лица, называемого лексемой «жрец», имеют социокультурную детерминацию, т.е. в данном случае - в принадлежности говорящего к определенной конфессии. В третьем примере лексема «жрец» используется в переносном значении, которое не имеет фиксации в толковых словарях и содержит положительную оценку со стороны говорящего.</p>
Заклание	<p>1. Они падали на колени, издыхали, и помост дрожал под их тяжестью. Своды пещеры гудели от рева огнецветного быка, которого жрецы называли богом Митрой.</p>	<p>Ситуация аналогична той, что описана при анализе примеров с лексемой «жрец».</p>

	<p>Кровь, просачиваясь в скважины деревянного решета, падала на Юлиана алой теплой росой. Это было величайшее из языческих таинств — Тавроболия, закляние быков, посвященных Солнцу. [Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)]</p> <p>2.Приносящий в жертву быка — таков же, как убийца человека; совершающий заклятие ягненка — таков же, как тот, кто сворачивает шею собаке; делающий хлебное приношение — [Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. Ветхий завет. Книга пророка Исаяи (2011)]</p> <p>3.Эта толстая пожилая дама в вязаной кофте с оторванной нижней пуговицей, с добрым, но измученным финансовыми заботами лицом и юмористической, почти гоголевской фамилией — не буду её здесь упоминать — брала счёт, пристально его рассматривала и чесала поседевшую голову кончиком ручки, причём глаза её делались грустными, как у жертвенного животного, назначенного на заклятие. [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)]</p>	
--	--	--

Языковые примеры, рассмотренные выше, сакрально маркированы, а потому анализировать их семантику и прагматику в отрыве от религиозного контекста часто не принято. Однако наряду с экспликациями значений, содержащимися в толковых и отраслевых словарях, нам представляется небезынтересным посмотреть, как толкуются некоторые из указанных выше

лексем в словарях атеиста [21; 32], поскольку эти толкования даны сквозь призму атеистического воззрения и нередко содержат ряд как имплицитных, так и эксплицитных оценок описанных явлений.

Так, в толковании лексемы «жречество» содержится фраза: «Обычно Ж. называют особую группу людей, к-рая в раннем классовом об-ве отправляла религ. культ, являлась, как правило, привилегированной частью класса *рабовладельцев* и играла нередко большую политическую роль» [21]. В экспликации значения лексемы «обрезание» наблюдаем утверждение: «<...> Раввины и по сей день стараются доказать, будто *дикарский* обряд О. является мистич. признаком еврейства. Сохранившийся до наших дней в иудаизме и исламе обычай О. способствует сохранению у верующих самых *невежественных* представлений» [21]. А в толковании лексемы «мученики» содержится следующая мысль: «Культ М. используется духовенством для *пропаганды неизбежности и спасительности страданий* на земле ради достижения загроб. блаженства» [32]. Различия в прагматической зоне значения толкуемых слов, наблюдаемые в религиозном и атеистическом словарях, кажутся очевидными и обоснованными: то, что воспринимается насильственным с точки зрения атеистического словаря, не мыслится таковым с позиции религиозного, поскольку имеет социокультурную детерминацию. В этом отношении оценки, содержащиеся в атеистическом словаре, сопоставимы с оценками, содержащимися в толковом, что тоже представляется закономерным; однако интересен тот факт, что в отдельных случаях в толковых словарях коннотация насилия или отсутствует вовсе, или выражена слабее, чем в атеистическом.

Проанализировав все словарные статьи «Карманного словаря атеиста» [21], мы выделили ряд лексем, содержащих коннотации насилия, и сгруппировали их по интегральным семам следующим образом:

1. «Усмирение плоти», «самоограничение»: *аскетизм, монашество, отшельник, подвижник, пост.*
2. «Нетерпимость к иноверцам»: *газават (джихад), прозелитизм, изуверство религиозное.*

3. «Обряд»: *инициация, конфирмация, обрезание, радения.*
4. «Инструмент религиозного насилия»: *чадра, вериги.*
5. «Церковное наказание»: *анафема, епитимья.*

Словарные статьи указанных лексем мы сопоставили с экспликациями значений этих же слов из словаря С.И. Ожегова (см. Таблицу 16).

Таблица 16 — Выдержки из экспликаций значений лексем, имеющих коннотацию насилия в религиозной сфере, содержащихся в толковом словаре С.И. Ожегова и «Карманном словаре атеиста» (разработана автором)

Интегральная сема	Лексема	Экспликация значения в словаре С.И. Ожегова [27]	Экспликация значения в «Карманном словаре атеиста» [21]
«Усмирение плоти», «самоограничение»	Аскетизм	«Строгий образ жизни с отказом от жизненных удовольствий» [27]	«Отказ, отречение от жизненных благ, удовольствий, искусственное
	Аскеза	«(религ.). Совокупность физических и нравственных упражнений, направленных на освобождение духа; образ жизни, отвечающий требованиям аскетизма» [27].	подавление в себе естественных желаний и побуждений. <...> Церковь учила верующих подражать «святым», самоистязавшим себя, проводившим долгие годы в добровольном заточении , изнурявших себя постами, лишениями» [21].
	Монашество	«1. Монашеская жизнь, монашеский обет, постриг. 2. <i>Собир.</i> Монахи» [27].	«Религиозная корпорация, члены которой принципом жизни и деятельности объявляют обособление от мира. <...> Устав монашеской общины включает специфически интерпретируемые нормы религ. морали (среди них особое

			значение имеют самоотречение, самосозерцание, молитва, умерщвление плоти, безбрачие, отречение от благ мира и т.д.)» [21]
	Отшельник	«1. Аскет, монах, отказавшийся от общения с людьми, внешним миром (устар.). 2. <i>Перен.</i> О человеке, чуждающемся других, живущем уединенно» [27].	«Лица, избравшие из религ. побуждений аскетический образ жизни, отрекшиеся от мира, общества и семьи, уединившиеся в пустынных местах» [21].
	Подвижник	«(высок.). Человек, способный на совершение трудовых подвигов, на самоотверженный труд, на самопожертвование ради достижения высокой цели» [27].	«Человек, стремящийся достичь нравственного совершенства и общения с богом путем подавления в себе «мирских» потребностей и желаний» [21].
	Пост	«Воздержание от скоромной пищи по предписанию церкви, а также период такого воздержания» [27].	«Религиозные запреты или ограничения на пищу вообще или на некоторые ее виды. <...> Церковь обязывает верующих знать церковные предписания на этот счет для выработки у каждого постящегося и непостящегося «покаянного настроения» [21].
«Нетерпимость к иноверцам»	Газават (джихад)	«У мусульман: вооруженная борьба с неверными	«”Священная” религиозная война , к-рую в соответствии с

		<p>«(«священная война»))» [27].</p>	<p>предписаниями Корана надлежит вести мусульманам против иноверцев. <...></p> <p>Истребление «многобожников», «неверных», захват их имущества рассматривались как богоугодное дело, обеспечивающее воинам отпущение грехов и блаженство в раю» [21].</p>
Прозелитизм	<p>«(книжн.). 1. Стремление распространить свою веру, обратив в нее других. 2. Горячая преданность новым убеждениям» [27].</p>	<p>1. «Настойчивое стремление обратить в свою религию последователей других вероучений» [21]</p>	
Изуверство (религиозное)	<p>«1. Действовать как изувер (человек, доходящий до крайней, дикой жестокости (первонач. из религиозной нетерпимости). 2. Изуверский поступок, жестокость» [27].</p>	<p>«Жестокость на почве религ. фанатизма, а также нанесение ущерба здоровью и достоинству личности во время исполнения религ. обрядов, постов или участия в молитвенных собраниях» [21].</p>	
Конфирмация	<p>«(церк.). У протестантов: обряд приема юношей и девушек (по достижении 14-15 лет) в церковную общину; у католиков: таинство миропомазания для 7-12 лет» [27].</p>	<p>«Таинство миропомазания у католиков. <...> Производится епископом в торжественной обстановке, рассчитанной на то, чтобы воздействовать на воображение детей и тем самым самым</p>	

			содействовать закреплению религ. чувства и духа покорности церкви» [21].
«Обряд»	Радеть (радения)	«2. У некоторых секстантов: совершать обряд с песнопением, беганьем, кружением» [27].	«Религ. обряд в ряде сект, во время которого верующие прыгают, бегают, кружатся, пускаются в «духовный пляс». Иногда Р. Сопровождаются самоистязаниями верующих <...>. Участники Р. Утрачивают самообладание , чувство реальности» [21].
«Инструмент религиозного насилия»	Чадра	«У мусульман: женское легкое покрывало во весь рост, закрывающее голову, имеющее густую сетку для лица и спускающееся по плечам вниз» [27].	«Род покрывала, к-рое по предписаниям шариата обязаны носить женщины-мусульманки. Ч. Подчеркивает приниженное, подчиненное положение женщины» [21].
	Вериги	«Железные цепи, надевавшиеся на тело с религиозно-аскетическими целями» [27].	«Тяжелые металлические цепи, оковы или иные предметы, к-рые постоянно носили на себе религ. фанатики для «укрощения плоти» , доказательства своей преданности богу» [21].
«Церковное наказание»	Анафема	«Проклятие (первонач. означавшее отлучение от церкви, теперь иногда употр. как бранное слово)» [27].	«Церк. проклятие от имени бога, «великие отлучение» от церкви, считается высшей карой в христианстве. <...> А. использовалась как средство устрашения и

			разжигания религ. фанатизма» [21].
	Епитимья	«У верующих: церковное наказание (посты, длительные молитвы и т.п.)» [27].	« Нравственно-исправительная мера в православии и католицизме, налагаемая в качестве наказания для мирян, иноков и пастырей за греховные мысли и поведение и состоящая в усиленном исполнении нек-рых религ. обрядов и ритуалов: продолжительного и строгого поста, длительных молитв, паломничества в св. места и т.д.» [21].

Все указанные в Таблице 16 лексемы имеют коннотации насилия в толкованиях атеистического словаря, однако не каждую из них можно отнести к репрезентантам понятия «насилие» в языке. Лексемы, репрезентирующие насилие, должны содержать три интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие». С этой точки зрения лишь некоторые выделенные нами лексемы соответствуют этому критерию: «газават (джихад)», «прозелитизм», «изуверство (религиозное)», «радения». А лексемы «аскетизм», «монашество», «отшельник», «подвижник», «пост», «конфирмация», «анафема», «епитимья» не могут быть расценены как репрезентанты насилия даже в толкованиях атеистического словаря.

Лексемы «чадра» и «вериги» репрезентируют не собственно понятие «насилие», а лишь возможный инструмент его причинения. Этот ряд можно продолжить лексемой «яшмак» («Вуаль из белого муслина, к-рую носят под чадрой мусульманки. <...> Женщина этим проявляет свою покорность и оберегает др. от «нечистоты» своего дыхания» [21]), отсутствующей в толковых словарях русского языка.

Религия – одна из тех сфер человеческой деятельности, где релятивный характер понятия «насилие» прослеживается особенно четко.

3.2. Компонентный анализ семантики и прагматики лексем, репрезентирующих потенциальное насилие в силовых структурах

Нечто похожее по своей релятивности, но менее табуированное, можно наблюдать по отношению к лексемам, репрезентирующим профессиональную деятельность в областях, предполагающих совершение потенциально насильственных действий (т.е. принудительных, но законных действий, которые могут иметь негативную оценку со стороны не вовлеченного в профессию социума).

С этой точки зрения профессия *военного*, независимо от ее специализации, всегда подразумевает совершение действий, которые могут быть расценены как насильственные, т.к. указанная профессия «обслуживает армию и нужды войны» [27]. «Специфика военного социума состоит в особом проявлении общих характеристик и в появлении дополнительных, которые не столь типичны для гражданского социума. Военный социум – это исторически сложившаяся, устойчивая социальная общность, объединяющая людей, хорошо осознающих общественно значимый характер своих социальных функций, имеющая своеобразную субкультуру отношений и поведения, специфику корпоративных интересов, нравственных, патриотических императивов и духовных ценностей, которые обусловлены профессиональной ролью защитника отечества. Социальное пространство, место и условия жизнедеятельности всех членов общности определены особенностями воинского труда и быта» [Митрахович, 2007, с. 91].

Подвергнем сопоставительному анализу экспликации значений лексем, имеющих отношение к военному делу и встречающихся в толковых словарях и словаре военных терминов [29] (см. Таблицу 17):

Таблица 17 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковом словаре С.И. Ожегова и словаре военных терминов (разработана автором)

Лексема	Экспликация значения в толковом словаре С.И. Ожегова	Экспликация значения в словаре военных терминов
Вторжение	«Войти силой» [27].	«Вступление ВС одного или нескольких государств по суше, воздуху или с моря на территорию другого государства без его согласия. Под В. понимается также нарушение государственной границы (воздушного пространства, территориальных вод) государства воинскими подразделениями (патрулями), отдельными самолётами или кораблями другой страны для разведки, диверсий и др.» [29].
Атака	«Стремительное нападение войск на противника» [27].	«Стремительное движение в боевом порядке подразделений, частей, соединений, а также самолётов, вертолёт, кораблей и их групп в сочетании с огнём наивысшего напряжения с целью уничтожения противника; наиболее решительный период наступательных действий» [29].
Бомбардировка	«1. Обстреливать из орудий или, атакуя с воздуха, сбрасывать бомбы на кого-что-н. 2. перен., несов., кого (что). Посылать, направлять	«Поражение бомбами наземных или морских объектов (целей)» [29].

	<i>(письма, просьбы, жалобы), настойчиво добиваясь чего-н. (разг. шутл.). Б. заявлениями» [27].</i>	
Блокада	«Окружение войск противника с целью уничтожения, а также изоляция враждебного государства, города с целью прекращения его сношений с внешним миром» [27].	«Способ военных действий, заключающийся в изоляции (нарушении внешних связей) вражеского государства, крупной группировки войск, города, порта и других объектов. Целями Б. могут быть: подрыв военно-экономической мощи государства, истощение группировки противника и последующий её разгром или принуждение к капитуляции и др.» [29].
Штурм	«Приступ, решительная атака укрепленной позиции, крепости» [27].	«Способ овладения крепостью, крупным населённым пунктом или сильно укреплёнными позициями, заблаговременно подготовленными войсками. Применялся с древних времён при взятии крепостей» [29].
Война	«1. Вооружённая борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. 2. <i>перен.</i> Борьба, враждебные отношения с кем-чем-н. Объявить войну бездельникам» [27].	«Общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами. Современная В. ведётся всей страной, затрагивает все сферы жизни и деятельности общества. Специфическое содержание В. составляет вооружённая борьба. Главным и решающим средством её ведения являются вооружённые силы, а также другие военизированные формирования. Для

		достижения поставленных политических целей в В. применяются также экономические, дипломатические, идеологические и другие средства и соответствующие им формы борьбы» [29].
Камикадзе	«Летчик, в боевой операции идущий на гибель вместе со своим самолетом, а также боевик, идущий на гибель для совершения террористического акта» [27].	«Название летчиков-смертников в японской авиации во 2-ю мировую войну. К. управлял самолетом, несшим бомбу или заряд ВВ, вплоть до момента столкновения его с целью» [29].
Оккупация	«Насильственное занятие чужой территории военной силой» [27].	«В международном праве временное занятие вооружёнными силами (оккупационными войсками) территории противника и принятие на себя управления ею. Характер О. зависит от политических целей войны» [29].

Сопоставление экспликаций значений лексем, указанных в Таблице 17, позволяет увидеть следующие закономерности:

- 1) В обоих словарях содержатся указания на принудительный характер толкуемых действий (в прямом значении);
- 2) В экспликациях значений лексем, содержащихся в обоих словарях, нет четкого указания на то, кто является субъектом действий и на кого действия направлены. Употребленные в ряде случаев лексемы «враг» и «противник» не являются определяющими, поскольку могут быть применимы к любой стороне конфликта: как нападающей, так и защищающейся. Отсюда возникает неопределенность понимания сем «законность/незаконность» и «одобряемо/неодобряемо», что требует расширения контекста. По этой причине невозможно однозначно

идентифицировать указанные в таблице лексемы как репрезентирующие насилие. Анализ примеров из НКРЯ показывает, что на практике указанные лексемы чаще всего используются в номинативном (безоценочном) значении (подробнее см. Таблицу 18). Лишь в единичных случаях имеет место следующая закономерность: как правило, контрдействия, направленные против стороны-агрессора и совершаемые стороной, отстаивающей свою свободу и независимость, оцениваются положительно и не воспринимаются насильственными, какими бы жестокими они ни были, и наоборот.

- 3) Указанные лексемы могут использоваться в переносном значении, которое не всегда фиксируется словарями, при этом ранее выделенные нами три интегральные семы «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие» перестают существовать в своей совокупности даже имплицитно (см. Таблицу 18).

Таблица 18 — Релятивный характер оценки понятий, называемых лексемами, потенциально репрезентирующими насилие в военном деле (разработана автором)

Лексема	Примеры	Комментарий
Вторжение	<p>1. Нам удалось предотвратить военное вторжение в Сирию, фактически остановить там гражданскую войну и сохранить близкое к разрушению сирийское государство. [Ольга Власова, Геворг Мирзаян. Задание на дом // «Эксперт», 2014]</p> <p>2. Мы до сих пор читаем в учебниках истории про «открытие» Америк, Австралии и Океании. Коренные народы говорят о «вторжении». Но голоса последних в общем потоке информации практически не слышны. [Даниил</p>	<p>Лексема «вторжение» чаще всего используется в безоценочном значении (см. прим. 1); в отдельных случаях можно говорить об отрицательной оценке со стороны говорящего по отношению как к физической форме воздействия (вторжение на чужую землю), так и к психической (вторжение в личное пространство) (см. прим. 2,3).</p>

	<p>Жайворонок. Духи будущего, хип-хоп и летающие тарелки. Как индейцы и афроамериканцы переизобретают будущее (2019)]</p> <p>3. То есть ситуации, в которых правда были нарушения — вторжение в личное пространство, принуждение — все это должно быть наказуемо. [Василиса Бабицкая, Семен Слепаков. Иногда я чувствую себя грустным неприкаянным слоном (2018.02.21) // «Сноб», 2018]</p>	
Атака	<p>1. Полностью открытый трапецеидальный ров предназначен для задержки тяжёлых танков, а здесь предполагалась атака средних и лёгких танков. [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]</p> <p>2. Более пяти с половиной тысяч получили отравления различной степени тяжести, некоторые умерли на месте. Газовая атака повергла Японию в панику. Организатором изуверского теракта была религиозная секта «АУМСинреке». [Борис Явелов. Календарь ЗС: март // «Знание - сила», 2005]</p> <p>3. Это связано с тем, что только быстрой и стремительной атакой можно добиться победы над противником. [Владимир Авилов. Сибирский кулак. Шаг война // «Боевое искусство планеты», 2004.03.11]</p> <p>4. В начале 1930-х годов вновь была предпринята атака на русскую и зарубежную классику, проводились чистки массовых книгохранилищ. [Н. Б. Лебина. Советская повседневность: нормы</p>	<p>В первом примере лексема «атака» используется в прямом значении, где семантический компонент преобладает над прагматическим и сопровождается безоценочностью указанного слова. Релятивный характер лексемы «атака» можно проследить на примерах №2 и №3, где можно увидеть отрицательную (прим. №2) и косвенно положительную (прим. №3) оценку называемым явлениям. Предложения №4 и №5 содержат примеры использования лексемы «атака» в переносном значении. Усиление прагматической зоны позволяет увидеть отрицательную оценку, данную говорящими действиям, называемым лексемой «атака».</p>

	<p>и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015]</p> <p>5. Мамина атака с аргументами за общее жилье еще впереди. [Н. В. Нестерова. Папа шутит (2013)]</p>	
Бомбардировка	<p>1. По замыслу президента США Гарри Трумэна и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки должна была не только окончить войну, но и дать мощный предостерегающий сигнал Советам. [Евгений Велихов. Гордость российской науки // «Наука в России», 2012]</p> <p>2. Все вынуждены были остаться в осажденном городе и вынести жестокую бомбардировку. [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]</p> <p>3. Ильенков в статье «Гуманизм и наука» цитировал восклицание физика, узнавшего об атомной бомбардировке Хиросимы: «Какой блестящий физический эксперимент!». Но этот физик не ученый, а дикарь, поклоняющийся науке как бесчеловечному, кровожадному идолу. Эта разновидность религии называется сциентизмом. [Л. В. Оборин. «Романы Ефремова влюбились меня в коммунизм». Чтение в условиях слепоглухоты: интервью с Александром Суворовым (2017)]</p>	Данное языковое явление аналогично отмеченному выше.

	4. Бардин подвергся ураганной бомбардировке письмами, протестами, жалобами, заявлениями, визитами, телефонными звонками. [Лев Гумилевский. Судьба и жизнь (1969) // «Волга», 1988]	
Блокада	1. Белый хлеб он по-питерски называл булкой, с едой обращался бережно и скупно — блокада поставила свою печать, хотя его, больного мальчонку, вывезли в тот год по льду... [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000] 2. Морская блокада Кубы сулит ежеминутный риск; сдадут нервы у одной из сторон — и начнется, главнокомандующих спросить не успеют. [Александр Архангельский. 1962: послание к Тимофею (2006)].	С нашей точки зрения, есть основания считать, что в русском языке лексема «блокада» подверглась лексикализации, в связи с этим упоминание данного слова в контексте Великой Отечественной войны автоматически вызывает ряд негативных ассоциаций, влияющих на восприятие указанного слова (пример №1). В случае употребления лексемы «блокада» безотносительно к советской истории подобного эффекта не наблюдается, о наличии или (чаще) отсутствии какой бы то ни было оценки можно судить при анализе языковых средств, сопровождающих указанную лексему, в своей совокупности (пример №2).
Штурм	1. Ожидая генерального сражения, Наполеон бросил силы и первоначально бросил на штурм города, по данным разных историков, от 25 до 40 тыс. человек: корпус Нея атаковал его с запада, а резервная кавалерия Мюрата действовала с востока. [Евгений Мезенцев. «Ключ к Москве» // «Наука в России», 2012]	Безоценочное значение возможно при использовании лексемы как в прямом (прим. №1), так и в переносном (прим.№3) смысле. Отмечены случаи наличия положительной коннотации у лексемы «штурм», входящей в

	<p>Дюпон пошла на новый штурм и написала меценату письмо гораздо большего объема. [Евгений Водолазкин. Соловьев и Ларионов (2009)]</p> <p>2. Но при неудаче все наоборот; надо уметь пережить неуспех и, вновь убедив себя в своей полноценности, возобновить штурм заветной вершины. [Сергей Смирнов. Пустили козленка в огород // «Знание - сила», 2006]</p> <p>3. Я приступил к штурму стен его ресторана. [Фазиль Искандер. Гнилая интеллигенция и аферизмы // «Знамя», 2001]</p>	<p>состав идеоматического выражения (прим. №2).</p>
<p>Камикадзе</p>	<p>1. С поэтическим образом сакуры связано и появление в Японии летчиков-камикадзе. Они должны были как Божественный ветер (что означает данное слово) направлять свои начиненные взрывчаткой самолеты на американские корабли. <...> Самурайский кодекс чести бусидо наложил свой отпечаток на грамматику жизни японцев, на их трактовку таких понятий, как долг и честь. Заповедь «лучше смерть, чем позор» глубоко укоренилась в их душе. [В. В. Овчинников. Размышления странника (2012)]</p> <p>2.— Неизбежно возникают параллели с Пальмирой. Как лечить эти раны? — Важно, чтобы общество отдавало себе отчет в том колоссальном ущербе, который понесло человечество. Откуда эта страсть к разрушению, в том числе и себя — я имею в виду взрывающихся камикадзе?</p>	<p>Релятивный характер явления, называемого лексемой <i>камикадзе</i> отражается вполне четко: для одной стороны камикадзе – герой, для другой – убийца.</p>

	[неизвестный. Это сокровища, о которых можно мечтать // «Огонек», 2016]	
--	---	--

Можно выделить еще один вид деятельности, предполагающий совершение действий принудительного характера и входящий в круг обязанностей правоохранительных органов («государственные органы, основной функцией которых является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью» [12]).

Рассмотрим лексемы, репрезентирующие некоторые действия, относящиеся к деятельности правоохранительных органов, и сопоставим их экспликации, данные в толковых словарях и в Большом юридическом словаре [12] (см. Таблицу 19).

Таблица 19 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковых словарях и в Большом юридическом словаре (разработана автором)

Лексема	Экспликация значения в толковом словаре	Экспликация значения в Большом юридическом словаре
Арест	«1. Заключение под стражу. 2. Запрещение распоряжаться имуществом, налагаемое судебными органами» [27].	«1) В уголовно-процессуальном праве мера пресечения, состоящая в заключении под стражу обвиняемого; 2) По российскому уголовному праву (ст. 54 УК РФ) один из видов наказания (назначаемое только как основное); содержание осужденного в условиях строгой изоляции от общества; 3) Самая строгая мера административного взыскания в законодательстве РФ (см.

		административный арест); 4) Мера дисциплинарного взыскания, предусмотренная дисциплинарными уставами армии и органов внутренних дел (а. дисциплинарный)» [12].
Задержание	Задержать. «6. Схватить, арестовать» [27].	«В уголовном процессе кратковременная мера принуждения, применяемая к лицу, подозреваемому в преступлении, с целью выяснить причастность задержанного и решить вопрос о заключении его (в случае необходимости) под стражу» [12].
Заключение	«2. Состояние того, кто лишен свободы» [27].	Заключение под стражу – «в уголовном процессе одна из мер пресечения; принудительное ограничение свободы (помещение в следственный изолятор) в период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу» [12].
Обыск	«Официальный осмотр кого-н. с целью найти укрываемое, недозволенное» [27].	«Следственное действие, направленное на получение (путем отыскания и изъятия) доказательств по уголовному делу, производится по мотивированному постановлению следователя при наличии достаточных оснований полагать, что в каком-либо помещении, ином месте, у какого-либо лица находятся орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы или документы, могущие иметь

		значение для дела (ст. 168 УПК). О. может производиться и для обнаружения разыскиваемых лиц, а также трупов» [12].
Досмотр	«Поверочный осмотр с целью контроля» [42].	Досмотр (содержания) — «вид таможенного контроля, заключающийся в проверке транспортного средства или груза со вскрытием грузовых помещений либо упаковки» [12].
Допрос	«1. Опрос обвиняемого, свидетеля для выяснения чего-н. (обстоятельств дела, преступления)» [27].	«В процессуальном праве получение (в порядке, установленном законом) уполномоченным должностным лицом правоохранительных органов информации об обстоятельствах, подлежащих установлению, от указанных в законе лиц, ее фиксация в протоколе следственного или судебного действия, в приложениях к протоколу в виде схем, аудио-, кино-, видеозаписи и удостоверение идентичности зафиксированной информации и той, которая была сообщена допрошенным. Различаются д. подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, потерпевшего» [12].

Анализ экспликаций значений указанных лексем показывает, что в словарях обоих типов во всех рассмотренных лексемах фиксируется наличие семы «принуждение», сопровождающейся семой «законность». При этом сема, содержащая информацию об оценке со стороны социума, не может быть однозначно выделена даже имплицитно, поскольку восприятие действий,

обозначенных указанными в Таблице 19 лексемами, может быть амбивалентным. В связи с этим отнести указанные лексеммы к репрезентантам насилия представляется невозможным. Следует отметить, что в случае изменения закона или превышения полномочий людьми, осуществляющими такие действия, лексеммы, называющие эти действия, становятся репрезентантами насилия. Например, в предложении «Власть, в свою очередь, прибегает к «парадигме репрессии»: слежка, гласные и негласные обыски, увольнение с работы или исключение из вуза, вызов на допрос, арест, суд, лагерь или психиатрическая больница». [Александр Даниэль, Ирина Прусс. По краю // «Знание - сила», 2008] включение лексем *арест, слежка, допрос, обыск* в ряд однородных членов с общей для всех негативной коннотацией позволяет сделать вывод о расширении прагматической зоны данных лексем и выражении через них негативной оценки.

3.3. Компонентный анализ семантики и прагматики лексем, репрезентирующих потенциальное насилие в этнических группах

Потенциально насильственные действия, являющиеся частью некоторых культурных традиций и обрядов, также требуют отдельного описания, поскольку они берут начало в вековом опыте предков и, как правило, безоговорочно принимаются представителями конкретных этносов.

Для обеспечения объективного сопоставительного анализа экспликаций значений лексем, потенциально репрезентирующих насилие в отдельных этнических сообществах, использовались источники, приближенные к отражению внутренних взглядов группы и позволяющие противопоставить имеющиеся в них сведения экспликациям, содержащимся в толковых словарях русского языка. В качестве таких источников были выбраны словарные статьи на языке этноса, переведенные на русский язык с помощью сервисов автоматического перевода слов и выражений (см. Таблицу 20).

Таблица 20 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковых словарях русского языка и источниках, раскрывающих национальную специфику семантики слов (разработана автором)

Лексема	Экспликация значения в толковом словаре	Экспликация значения в источниках, раскрывающих национальную специфику семантики слов
Умыкание	«2. У нек-рых народов: форма заключения брака - похищение невесты у ее родителей, увоз» [27].	<p>(кирг. <i>ала качуу</i> или <i>кыз ала качуу</i>, «хватай и беги»; по-русски иногда передаётся без перевода)</p> <p>Ала качуу – это форма брака. При похищении молодой человек с согласия девушки похищал ее после небольшой оплаты. Традиционные брачные ритуалы продолжались после примирения обеих сторон. Еще одна причина, по которой девушка может быть похищена, заключается в следующем: если родители невесты были против ее брака с конкретным юношей, то он совершал похищение с согласия девушки.</p> <p>Такой вид похищения невест встречается в благополучных, родственных семьях. В национальной традиции никогда не было похищения девушки без ее согласия. Если похищение совершалось без согласия девушки, между племенами возникали конфликты и проливалась кровь. Похищение невест было очень редким явлением в</p>

		национальных браках. В настоящее время похищение девушки без ее согласия является преступлением, похитители привлекаются к ответственности [пер. с 48].
кровная месть вендетта	«Кровная месть (этнол.) - пережиток родового быта - обычай мстить за убийство родственника убийством одного из членов рода убийцы» [42]. «Вендетта – родовая месть, месть за убитого родственника (у корсиканцев)» [42]	(итал. vendetta — месть) Вендетта 1 Наказание, наложенное на правонарушителя в частном порядке в качестве компенсации за совершенное преступление. 2. Праведная кара. Справедливое наказание [пер. с 49].

В экспликации значения лексемы «умыкание», содержащейся в толковом словаре русского языка, можно выделить интегральные семы «принуждение», «противозаконность» и «общественное неприятие»; данный факт позволяет заявлять, что в русском языке указанная лексема может считаться репрезентантом насилия. В отличие от этого, анализ словарной статьи на киргизском языке [48] не дает оснований для подобных заявлений, поскольку ни одна из интегральных сем не может быть выделена однозначно.

Большая разница прослеживается между экспликациями лексем «кровная месть» и «вендетта» в толковых словарях русского и итальянского языков. Из словаря русского языка отнесенность указанных лексем к репрезентантам насилия выводится очень четко, об этом свидетельствуют слова «убийство» и «месть», содержащиеся в толкованиях. Словарь итальянского языка [49], в свою очередь, фиксирует два значения лексемы «вендетта», где в обоих случаях (в первом – имплицитно, во втором – эксплицитно) выделяется сема «справедливость», наличие которой позволяет заявлять, что действия, называемые указанной лексемой, имеют социокультурное оправдание.

Релятивный характер оценки действий, называемых указанными лексемами, определяется включенностью/невключенностью в социальную группу, в которой эти действия приняты (см. Таблицу 21).

Таблица 21 — Релятивный характер оценки понятий, называемых лексемами, потенциально репрезентирующими насилие в этнических группах (Разработана автором)

Лексема	Примеры	Комментарий
Умыкание	<p>1. Кровавые ссоры, грабежи, угон скота, умыкание девиц — вот в какой атмосфере выросло каждое новое поколение, и кинжал всегда оказывался последней точкой в наших разногласиях. [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)]</p> <p>2. В частности, церковь не оставалась и не могла оставаться безразличной к открытым нарушениям той морали, которую она проповедовала, и того брачного кодекса, какой она совместно с государственной властью устанавливала: случаи «умыкания», насилия, самовольного развода, двоеженства предусматривались церковными уставами и строго карались. [Ф. Ф. Кузьмин. Новгородская берестяная грамота № 9 // «Вопросы языкознания», 1952]</p>	<p>Негативная коннотация лексемы «умыкание» из первого примера считается за счет включенности указанной лексемы в ряд однородных членов, объединенных выраженной негативной оценкой со стороны говорящего.</p> <p>Во втором примере негативная оценка действий, называемых лексемой «умыкание» объясняется позицией православной церкви по отношению к ним.</p>

Кровная мечь	<p>1. Горец выхватывает саблю и одним ударом сносит голову обидчику. Крики, свалка... Каждый удар — кровная мечь! Все разбегаются по дому, у всех начинается охота — на всех. [А. И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010].</p> <p>2. Кровная мечь поддерживает баланс отношений между близкими родами (семьями) — это прообраз первых, еще неписанных законов. [Валерий Ширяев. Операция «Заложник» // «Новая газета», 2003.01.09]</p> <p>3. Резонно спросить: а в Ингушетии что, так уж считаются с национальными особенностями веками проживающих здесь славян? А учитываются ли особенности цивилизации как таковой? Кровная мечь — это что, та национальная специфика, которую следует пестовать? [Геннадий Трошев. Моя война (2000-2001)]</p>	<p>В первом примере лексема «кровная мечь» лишена негативной оценки, поскольку явно прослеживается мотивационная связь с традиционными ценностями горца. По схожим причинам, а именно — включенности говорящего в определенную социокультурную группу, во втором примере наблюдается появление уже положительной коннотации. В третьем случае о кровной мечи говорит человек, не являющийся членом социокультурной группы, практикующей такой вид отношений, в связи с чем действия, подразумеваемые под лексемой «кровная мечь» имеют ярко выраженную негативную оценку.</p>
Вендетта	<p>А князь фон Аренсберг воевал в Италии. По моим сведениям, он показал себя там не вполне рыцарем. Деревни жег. - Неужели? - Увы! И пленных расстреливал. Итальянцы должны были ему отомстить. Вендетта! [Леонид Юзефович. Костюм</p>	<p>Ситуация сходна с той, что описана при анализе примеров с лексемой «кровная мечь».</p>

Существует гораздо больше явлений, связанных с действиями, которые могут быть восприняты как насильственные:

- сардинский обряд *са аккабадора* (умерщвление престарелого мужчины наемной женщиной во избежание позора для всего рода за его естественную смерть от старости, а не героическую в бою);
- непальская традиция *чаупади* (выселение женщин из дома в сарай во время менструации);
- женское обрезание в странах Африки, Ближнего Востока и горных районов Дагестана;
- вытягивание шеи женщин мьянманского племени за счет надевания многочисленных колец;
- *сáти* – индуистская похоронная традиция, заключающаяся в сожжении вдовы вместе с ее покойным супругом.

К сожалению, современные толковые словари русского языка не фиксируют слова, называющие эти явления, а потому подвергать их анализу в рамках текущего исследования мы не можем.

Выводы

Произведенный сопоставительный анализ экспликаций значений лексем, предположительно репрезентирующих понятие «насилие», в толковых и отраслевых терминологических словарях позволяет заключить следующее:

- 1) Выведенные нами в прошлой главе лингвистические закономерности могут быть применимы для идентификации насилия/ненасилия и в социокультурном контексте;
- 2) Восприятие действий как насильственных/ненасильственных детерминировано в том числе принадлежностью воспринимающего лица к той или иной социокультурной группе, которая отличается особенностями

национального и/или религиозного самосознания. На прагматическом уровне языка это выражается элиминации некоторых базовых интегральных сем, выделенных нами в лексемах – потенциальных репрезентантах насилия.

- 3) Включенность индивида в ту или иную социокультурную группу детерминирует не только расширение или сужение структуры семантического компонента значения, но и изменения его прагматической зоны.
- 4) В дискурсе представителей той или иной социокультурной группы лексемы, репрезентирующие потенциальное насилие, используются или в сугубо номинативном (безоценочном) значении, или имеют положительную коннотацию.
- 5) Без анализа прагматической зоны значения слова невозможно однозначно заявлять, репрезентирует ли конкретная лексема понятие «насилие» или нет.
- 6) Ввиду того, что существует большое число факторов, влияющих на восприятие той или иной лексемы, отсутствие или ограниченное упоминание в толковых словарях прагматической информации о словах, репрезентирующих потенциальное или реальное насилие, на наш взгляд, способствует поддержанию плюрализма во мнениях и оценках.

ГЛАВА 4. Языковое насилие в личностно-ориентированном и институциональном дискурсах

4.1. Языковое насилие в личностно-ориентированном (персональном) дискурсе

Содержание понятия «насилие» может быть выражено посредством лексем, репрезентирующих его на лексико-прагматическом уровне, о чем подробно говорилось в главах 2 и 3, а также оно может находить выражение за счет лексем, выполняющих функцию средства языкового (вербального, речевого) насилия. Такие лексемы, как *манипуляция, издевательство, унижение, принуждение, ущемление, шантаж, давление, внушение, осквернение, травля, угроза, запугивание, оскорбление, клевета* и др, с одной стороны, репрезентируют в языке различные виды и формы насилия, а с другой стороны, могут называть результат особых форм речевого поведения. По мнению Р.Г. Апресяна, «язык, действительно, сам по себе не насильничает. Но если развернуть это отношение – от насилия к языку – то очевидно, что сам язык легко становится объектом насилия. Эта «объектность» насилия, а точнее беззащитность перед насилием, обнаруживается двояким образом. Во-первых, язык по небрежности и необразованности искажается самими рядовыми носителями языка – в речи, но язык и извращается в частных интересах специальными «употребителями» языка, т.е. теми, для кого язык является средством статусного или профессионального функционирования – политиками, идеологами, журналистами. Во-вторых, язык вплетается в насилие, оказываясь одним из его средств. Более того, в цивилизованном и правогагарантированном пространстве язык оказывается одним из основных приспособлений насилия» [Апресян, 1997, с. 133].

Лингвисты давно задумывались над тем, как используется язык для достижения разнообразных коммуникативных целей. Одним из результатов таких размышлений стало развитие теории речевых актов, у истоков которой стоял Дж. Остин, изложивший свои идеи в курсе лекций для Гарвардского университета в 1955 году и позже выпустивший их отдельной книгой «Слово как действие».

«Единый речевой акт представляется в теории речевых актов как трехуровневое образование. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как *локутивный акт*. Речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как *иллокутивный акт*. Наконец, в отношении к своим результатам, речевой акт выступает как *перлокутивный акт*» [98, с.13].

«Данная тройная оппозиция находит свое соответствие в представлении о гетерогенности плана содержания высказывания. Используя языковые средства в ходе локутивного акта, говорящий наделяет свое высказывание локутивным значением. Манифестируя цель говорения в определенных условиях в ходе иллокутивного акта, говорящий сообщает высказыванию определенную иллокутивную силу. Что же касается перлокутивного акта, то по самой своей сути он не находится в необходимой связи с содержанием высказывания <...>. Перлокуция — воздействие речи на мысли и чувства аудитории и посредством этого воздействие на дела и поступки людей» [98, с.14].

По утверждению В.И. Карасика, «с позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае - как представитель определенного социального института» [Карасик, 2000, с. 5].

Материал, представленный данным разделе, будет рассмотрен с позиции корреляции иллокутивных целей говорящего и перлокутивного результата в рамках коммуникативного акта. В связи с таким подходом, мы должны уйти от определения насилия в его узком смысле к определению насилия в широком понимании этого слова, то есть от «принудительного воздействия, ограничивающего объект насилия в законных правах и свободах и подвергающегося отрицательной оценке со стороны социума», к «физическому или духовному, прямому или опосредованному, явному или скрытому, намеренному или случайному воздействию на человека, нарушающему его свободу, вытекающую из его физической и социальной природы». Указанный

переход обусловлен выходом исследования на уровень дискурса, где оперирование понятиями и определениями, применяемыми нами при изучении репрезентации насилия на лексико-прагматическом уровне, не представляется обоснованным. Восприятие любого речевого акта является крайне субъективным, поскольку оно складывается из оценки реципиентом различных лингвистических и экстралингвистических характеристик, в отличие от исследований лексико-прагматического уровня языка, где можно было говорить об относительной объективности и однозначности понимания лексических единиц.

«С эколоингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т.п.) рассматриваются как формы речевого поведения, негативно воздействующие на коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение, манипулирование им в интересах автора высказывания» [Шарифуллин, 2004, с.120].

Следует отметить, что некоторые исследователи четко разделяют понятия «языковое (речевое, вербальное) насилие» и «языковая (речевая, вербальная) агрессия». Так, например, Б.Я. Шарифуллин высказывает предположение, что «языковое насилие всегда направлено против отдельной личности, а языковая агрессия может иметь своим объектом кого и что угодно» [Шарифуллин, 2004, с.122].

В свою очередь, О.Н. Быкова в материалах к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» как будто косвенно сближает понятия «языковая (речевая, вербальная) агрессия» и «языковое (речевое, вербальное) насилие», предлагая следующую классификацию речевой агрессии и включая в нее следующие понятия:

«1) активная прямая Р.а. — словесное поношение кого-л. или чего-л., оскорбление или унижение кого-л.; высказывание угроз, деструктивных пожеланий в чей-либо адрес; призывы к агрессивным действиям, насилию;

- 2) активная непрямая Р.а.— распространение злостной клеветы или сплетен о ком-либо;
- 3) пассивная прямая Р.а. — отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т.д.;
- 4) пассивная непрямая Р.а. — отказ дать определенные словесные объяснения, демонстративное молчание» [Быкова, 1999, с. 96].

В главе 1.1 нами был произведен лексикографический анализ лексем «насилие» и «агрессия», по результатам которого мы смогли дифференцировать понятия, называемые этими двумя лексемами. В контексте работы с понятиями «языковое (речевое, вербальное) насилие» и «языковая (речевая, вербальная) агрессия» мы будем придерживаться того же принципа, а именно:

- Под понятие «языковая агрессия» попадают все случаи деструктивного речевого поведения, направленного не на лицо, а на предмет. Такие случаи в настоящем диссертационном исследовании рассмотрены не будут.
- Под «языковым насилием» мы будем понимать все случаи деструктивного речевого поведения, направленного на лицо, поскольку грань между понятиями «языковая агрессия» и «языковое насилие» нам представляется весьма условной.
- В лингвистических работах, посвященных этому вопросу, термины «языковое насилие», «вербальное насилие» и «речевое насилие» предстают как абсолютные синонимы. В данном исследовании будет использоваться термин «языковое насилие».

Производя компонентный анализ лексемы «насилие» в главе 1.1, мы уже сообщали, что, наряду с прочими, в семантике данной лексемы присутствует и сема «отклонение от нормы». Н.Д. Арутюнова утверждает, что «термин «норма» используется нами как родовой: им мы обозначаем все виды и формы порядка, имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. <...> Сама норма, соответствующая срединной части градационной шкалы, имеет слабый выход в семантику. Ей соответствуют такие прилагательные, как *обычный, средний, нормальный, стандартный,*

употребляющиеся безотносительно к параметру и позиции наблюдателя. <...> Фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из классов им подобных. Обозначая человека, делают выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков; при этом выбирается наиболее различительный — то, чем человека отметила природа» [Арутюнова, 1987, с.6, 9, 11]. Этот подход лежит в основе принципа работы инвективы, под которой следует понимать «вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное неcodифицированными (запрещенными) средствами» [Жельвис, 2001, с. 13].

Любая инвектива приобретает пейоративный характер только тогда, когда ее содержание выходит за пределы культурной нормы, принятой конкретным социумом, и достигает своего апогея в вербальных конструкциях, репрезентирующих запретное поведение.

В.И. Карасик [Карасик, 1991] классифицирует пейоративные обозначения человека следующим образом:

- 1) Общие пейоративы. Слова общего инвективного значения типа «*негодяй, мерзавец, подлец*», табуированные слова, инвективное содержание которых передается формулой «отвратительный, раздражающий, никчемный, глупый человек», а также слова со значением «ничтожество, пустое место». Специфика последних состоит в том, что «отрицательная оценка таким людям выносится не на основе их постыдного поступка или порочного образа жизни, а вследствие несоответствия таких людей усредненному типу человека в обществе».
- 2) Специальные пейоративы
  - А. Объективные, обозначающие объективные пороки людей – глупость, лень, распущенность и т.д.
  - Б. Субъективные, обозначающие людей иного круга, расовые, национальные и прочие ярлыки.

«Инвектива, как правило, носит культурно-обусловленный характер. Поэтому соотношение *кодифицированный – некодифицированный (разрешенный – неразрешенный)* всегда национально-специфично. То, что в одной культуре можно определить как «слабо кодифицированное», разрешаемое в ограниченном количестве ситуаций, в другой культуре является некодифицированным, категорически запрещенным в любой ситуации» [Жельвис, 2001, с. 13].

В.И. Жельвис в монографии «Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира» отмечает, что инвективу следует отличать от «эксплетивного (междометного, «восклицательного») употребления некодифицированного словаря» [Жельвис, 2001, с. 13], а также предлагает функциональную классификацию инвективного словоупотребления. В ней он выделил более двадцати функций инвективы, среди которых только три, на наш взгляд, реализуют потенциал инвективы как средства языкового насилия:

1. Инвектива как средство понижения социального статуса адресата, помещение его на самой низкой ступени социальной иерархии;
2. Инвектива как средство передачи оппонента во власть злых сил («Иди к черту!», «Черт бы тебя побрал!») и др.
3. Инвектива как средство вербальной агрессии.

Следует отметить, что любая лексема или синтагма, рассмотренная вне теории речевых актов, не может считаться инвективой. Такой подход справедлив и в ситуации их рассмотрения на уровне локутивного акта в отрыве от иллокуции и перлокуции. Так, ни одна из приведенных ниже лексем не будет являться средством языкового насилия до тех пор, пока не прозвучит в адрес конкретного человека и не будет воспринята им как оскорбление.

Репрезентируемое инвективой отклонение от нормы может касаться различных сфер жизни общества, например:

- Сексуальная сфера (нарушение норм сексуального поведения, принятых в конкретном социуме норм: *шалава, шлюха, извращенец, гомик, рогоносец, трансвестит, импотент*);

- Уж лучше мой Николай, чем ты, импотент проклятый! [Элеонора Церниш. Импотент // «Криминальный отдел», 2010]

- Религиозная сфера (вербализация желание говорящего вывести адресата сообщения из-под божьего покровительства: *черт возьми, иди к черту, гори в аду, будь ты проклят*);
  - *Будь ты проклят* небом, Богом, землей, птицами, рыбами, людьми, морями, воздухом! – Это было любимое бабушкино проклятие. – *Чтоб на твою голову одни несчастья сыпались! Чтоб ты, кроме возмездия, ничего не видел!* [коллективный. Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009-2011)]
- Гастрономическая сфера (в инвективе осуществляется перенос с запрещенной или не принятой к употреблению пищи на человека, ее употребляющего: *лягушатник*, производные от слов «свинья», «собака», «жуки», «насекомые», «личинки» и конструкции с ними);
  - Китайцы - насекомоядные падальщики [комментарий в социальной сети vk.com]
- Сфера семейных отношений (оскорбление направлено не на самого адресата, а на родственника, наиболее почитаемого в конкретной культуре: *мать твою за ногу, твою мать, сукин сын*);
  - Ты что ж, – говорю, – курва, мать твою так перетак! [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]
- Социальная сфера (нарушение норм поведения, принятых данным обществом, в связи социальным статусом (перен. *плебей, холоп, смерд, раб*), маргинальной или незаконной деятельностью (*бандит, жулик, мошенник, вор*), приобретением определенной социальной роли (*яжмать, яжбать, понаехавший*));
  - Приду в общежитие, подруга кричит: «Тупой он, плебей. [Светлана Василенко. Ген смерти (1997-2000)].

- Внешний вид (отклонение от самого общего принятого в конкретном социуме представления о том, как должен выглядеть человек (*карлик, анорексичка, жирдяй*));
  - Область национальной идентичности (принадлежность к другому этносу, другой расе (*жид, чурка, хач, черномазый*)).
- А ты, *черномазый*, – кричала Зина уже на Ростислава Романовича, – ты самый большой гад, до смерти ненавижу! [И. Грекова. Перелом (1987)]

Пейоративную и инвектированную функции могут приобретать лексемы, образованные путем метафорического переноса следующих типов:

- С лица на лицо (*клоун, принцесса, ведьма, стрелочник*);
- Анатолия Генриховича сейчас нет дома, — торжественно и громко произнесла она. — Он в творческой командировке. Перезвоните через пару недель, а еще лучше — через месяц. — *Старая ведьма!* — сердито пробормотала Катя и снова нажала на кнопку отбоя. [Татьяна Тренина. Никогда не говори «навсегда» (2004)]
- Тоже мне *принцесса на горошине*. Твое дело помалкивать. [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)]
- С животного на лицо (*корова, боров, овца, свинья, петух, змея, гадюка, крокодил, обезьяна*);
- А про то, что Вероника приходится нам с тобой кумой, ты не подумал, *жирный боров*, — говорит она. — Кого угодно бы тебе простила, только не Веронику, чтоб ты сдох, *конь холощенный*, — говорит она. [В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // «Волга», 2011]
- С предмета на лицо (*валенки, дуб, каланча, бревно, доска, пепельница*).
- Голову-то пригни, *каланча*, потолок мне своротишь! [Елена Хаецкая. Мракобес/ Ведьма (1997)]

Аналогичные функции (пейоративную и инвективную) могут выполнять дисфемизмы. Бойко Т.В. под дисфемизмом понимает «более грубую по сравнению с исходной номинацией лексическую единицу, которой говорящий отдает предпочтение для того, чтобы выразить свое негативное отношение и пейоративно воздействовать на реципиента» [Бойко, 2005, с.21]. Основная цель

использования дисфемизмов, по мнению Т.В. Бойко, связана с желанием говорящего «эксплицировать раздражение, негативную оценку и отношение» [Бойко, 2005].

«Ряд лингвистов, исследующих дисфемизм с прагматической точки зрения (Бушуева 2005; Кацев 1991; Кваскова 2016; Резанова 2008; Шейгал 2000), сходятся во мнении, что он работает на ухудшение денотата. Реальные свойства денотата при этом не меняются, а лишь предстают в более негативном свете» [Чепорухина, 2019, с.118]:

- Мать родную продаст, брата замочит. Садюга конченый. Об этих *беспредельных харях* вы все хорошо знаете. [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]
- По *морде* тебе дать хочу, мелкий жулик [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]
- Терпеть будет, сукин кот, пока не *сдохнет* — он и его семья [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)]

Если основная цель инвективы – социально дискредитировать субъект посредством использования соответствующих слов и конструкций оскорбительного характера, а также эксплицировать отношение к определенному субъекту, при этом не предполагая никаких других действий в его адрес, то угроза, напротив, предполагает выражение намерения нанести адресату разного рода вред в виде конкретных действий, направленных на получение какой-либо собственной выгоды. Это может быть как физическая расправа, так и действия другого характера.

Т.Б. Радбиль выделяет следующие условия успешности для речевого акта угрозы:

«1) предварительные условия: а) наличие определенного психологического состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объекта угрозы; б) физическая возможность говорящего осуществить требуемое действие;

2) существенное условие: четко оформленное намерение (обещание) нанести вред кому-либо;

3) условие искренности: говорящий искренне намерен совершить данное действие, но не в любом случае, а при условии неисполнения необходимых с его точки зрения требований;

4) условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени» [Радбиль, 2015, с. 109].

Угроза может иметь как эксплицитное, так и имплицитное выражение. Чтобы избежать коммуникативной неудачи, автору угрозы нет необходимости использовать в своем высказывании лексему *угрожаю*. При эксплицитном выражении угрозы чаще всего используются перформативы, в которых уже заложена соответствующая семантика. Такие перформативы часто выражены глаголами совершенного вида в форме 1-го лица, ед. числа, будущего времени (*удавлю, убью, утоплю, сожгу, разоблачу, разглашу, уволю*):

- А вот я так давно уже продумал. Как ты уснешь, да захрапишь, я еще обожду, чтобы от храпа твоего озлиться посильнее, — и *тюкну*. И ты больше храпеть не будешь. — Я вас вперед *отравлю*, — сказала старуха. — А я твою кровать сеном *обложу* и *подожгу*. — Да я тебя на кусочки мелкие *изрублю*, в чугун *сложу* и *закопаю*. [Андрей Битов. Заповедник (телемелодрама) (1991)]

Имплицитное выражение угрозы «размывает» замысел говорящего совершить насильственное действие, скрывая истинные намерения за эвфемией или другими языковыми приемами:

- В случае отказа мы будем вынуждены рассматривать вас как дезертиров и поступить с вами по законам военного времени! [Герман Садулаев. Когда проснулись танки (2010)]

А.Н. Баранов в работе «Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста» выделяет два типа угрозы: угроза-наказание и угроза-предупреждение (включая вариант второй – угрозу-понуждение). Угроза-наказание истолковывается следующим образом: «X угрожает/грозит Y-у, что сделает P = ‘X говорит Y-у, что сделает P — нечто плохое для Y-а, из-за того, что Y сделал что-то плохое X-у (= Q), чтобы Y боялся P и осознал, что нехорошо делать плохое для

X-а (в том числе и Q) и не делал это в будущем'» [Баранов, 2013, с.70]. Для угрозы-предупреждения Баранов А.Н. предлагает следующую семантическую экспликацию: «X угрожает / грозит Y-у, что сделает P, [чтобы Y не делал Q] = 'X говорит Y-у, что сделает P — нечто плохое для Y-а, если Y сделает Q — что-то плохое для X-а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q'» [Баранов, 2013, с.71]. «Угроза-понуждение — это вариант угрозы-предупреждения, реализующийся в ситуации, когда говорящий хочет от адресата не бездействия (отказа от совершения поступка), а действия» [Баранов, 2013, с.71].

И.М. Балова в статье «Речевой акт угрозы как аспект лингвистической экспертизы» заключает, что «угроза направлена на адресата с большей или меньшей степенью интенсивности иллокутивной цели: от приказа до просьбы и намека. Наибольшей степенью интенсивности обладают речевые акты с угрозой убийством, причинения тяжкого вреда здоровью, причем конкретное намерение адресанта может быть как вербально выраженным, так и скрыто в импликационале высказывания, но и в том и другом случае достижение перлокутивного эффекта происходит» [Балова, 2015]. Отсюда следует, что в ситуациях, когда иллокутивное намерение имеет соответствующий перлокутивный эффект, мы можем говорить об угрозе как об одном из средств языкового насилия.

Помимо угроз, перформативный посыл могут нести и императивные междометия, способные выражать различные побуждения к насильственным действиям: *вон!* (требование удалиться), *цыц!* (требование замолчать), *ну!* (требование совершить действие), *фас!* (команда начать нападение).

— *Цыц*, — говорит, не меняя тона, старуха, и мужчина сникает. [В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // «Волга», 2011]

— Сколько он доставил хозяину и его гостям непередаваемой радости! Скажем, сидит хозяин у бассейна, а к нему на четвереньках подбегает бомж и держит в зубах сетку с холодным пивом. Хозяин ласково треплет его по холке, и бомж начинает умиленно скулить, бомж усиленно вертит задом. Особенно было весело, когда «собаке» подавалась команда «*фас!*», и существо подпрыгивало к какой-

нибудь даме, скалило зубы, норовило укунить за ногу. Дамы визжали. Мужчины же заливались мужественным смехом. [Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)]

Другим распространенным средством языкового насилия можно назвать навешивание ярлыков (социальных и идеологических). Идеологические ярлыки будут рассмотрены в главе 4.2 в контексте анализа средств языкового насилия в институциональном дискурсе. Под социальным ярлыком понимается лексема, репрезентирующая устойчивое представление, сформированное в определенной социальной группе и безоговорочно принимаемое практически всеми ее представителями в отношении того или иного субъекта. Так, в повседневной жизни бытуют следующие социальные ярлыки: *кобель, жмот, мачо, самодур, неудачник, блондинка, бабник, гопник, бабка, быдло, плейбой, алкаш, карьерист* и пр.

Одной из форм навешивания ярлыков принято считать стигму, под которой Гофман И. понимает «качество, выдающее какое-то постыдное свойство индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него» [Гофман, с.3] (*женщина за рулем – обезьяна с гранатой*).

Ярлык сам по себе не может являться средством языкового насилия. Его нужно рассматривать в том же ключе, что был нами применен в ходе рассмотрения инвектив, дисфемизмов и угроз: насильственный характер ярлык приобретет лишь в том случае, когда иллокутивная цель и перлокутивный эффект будут коррелироваться соответствующим образом.

4.2 Языковое насилие в институциональном дискурсе

Под институциональным дискурсом, по мнению В.И. Карасика (Карасик, 2000), следует понимать «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений». В работе «О типах дискурса» он выделяет несколько видов институционального дискурса («политический, дипломатический,

административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный») и утверждает, что «институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения» [Карасик, 2000]. «Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). <...> В действительности мы достаточно редко сталкиваемся с абсолютно безличным общением. Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами» [Карасик, 2000].

В главе 4.1 при описании личностно-ориентированного дискурса мы могли определить относительно четкие границы языкового насилия, принимая во внимание теорию речевых актов и корреляцию иллокутивной цели и перлокутивного эффекта. В данном разделе применение указанной теории нам представляется не вполне обоснованным до тех пор, пока соотношение между статусным и личностным компонентами не изменится в сторону последнего. Не все институциональные дискурсы предполагают непосредственную коммуникацию «агентов» и «клиентов» (в терминологии В.И. Карасика), то есть чаще всего перлокутивный эффект в институциональном дискурсе или сложен для однозначного восприятия, или может не последовать вовсе. Как уже разбиралось ранее (см. главу 3), общество характеризуется своей неоднородностью, что обуславливает релятивный взгляд на понимание языкового насилия в любом дискурсе, особенно в институциональном. В связи с этим восприятие описанных ниже языковых приемов детерминировано взглядами отдельных социальных институтов и людей, взаимодействующих с ними. Иными словами, то, что одни посчитают средствами языкового насилия, другие могут воспринять совершенно иначе.

В институциональном дискурсе можно выделить ряд приемов, которые при определенных условиях могут стать средствами языкового насилия

(классификация приводится с опорой на работу Р.Г. Апресяна «Сила и насилие слова» [Апресян, 1997]):

1. Навешивание ярлыков;
2. Переименование населенных пунктов, учреждений и др., ориентированное на ценности, соответствующие идеологии господствующего класса;
3. Творение новых слов и изменение семантики уже существующих;
4. Резкое произвольное обновление языка;
5. Принудительная ассимиляция иностранных имен;
6. Использование специальных художественных средств (сарказм, ирония, метафора и пр.);
7. Использование фразеологических единиц с отрицательной оценкой;
8. Морализирование (морализация);
9. Суггестия и др.

Рассмотрим, как могут реализовываться перечисленные сверхсловные единицы в некоторых конкретных институциональных дискурсах.

Политический и идеологический дискурсы. По мнению Т.А. ван Дейка, политический дискурс — это «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» [65, 112]. Е.И. Шейгал рассматривает политический дискурс в более широком смысле и понимает под ним «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 121].

В монографии В.А. Борисенко «Вербальная репрезентация образа политика в политическом дискурсе: прагмалингвистический подход» утверждается, что «в ряде работ политический дискурс понимается как вид идеологического дискурса, так как он всегда идеологически окрашен, в нём осуществляется борьба за власть, за основополагающие групповые ценности, а его внутреннюю структуру можно представить в тождестве компонентов «предмет обсуждения» + «социальная ситуация» + «идеология» [Клюев, 2013; Сорокин, 1997]» [Борисенко, 2017].

Опираясь на это высказывание, мы не будем разделять политический и идеологический дискурсы.

1. Идеологические ярлыки выполняют функцию упрощения процесса восприятия того или иного явления, сводя его к принятому определенной политической или идеологической группой шаблону.

По мнению Н.Е. Булгаковой, «словесные ярлыки рассматриваются как слова и словосочетания общественно-политического содержания с односторонне-пейоративной оценкой, с ослабленным денотативным компонентом значения и гипертрофированным коннотативным. В основе семантического поля словесных ярлыков лежат семы со значением «враг», «враждебность», «враждебная деятельность», «враждебный процесс», «враждебное явление» и т.п. Основная функция словесных ярлыков агрессивная, они используются для дискредитации оппонента, а также с манипулятивной целью по отношению к читателю/слушателю» [Булгакова, 2013, с.5].

Идеологические ярлыки направлены не столько на одного индивидуума, сколько на группу лиц или целое государство. Ср. советизмы: *враг народа* («Активный противник социалистического строя и народа, создавшего этот строй, наносящий вред общественному делу» [24]), *вредитель* («Контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить реставрацию капитализма; диверсант» [24]); *мещанин* («Человек с мелкобуржуазными интересами, узким кругозором, обыватель» [24]); *несознательный* («неодобр. Лишенный классового самосознания, политический отсталый» [24]). В демократической прессе: *совок* («1. разг. Советский Союз. 2. ирон. или пренебр. Советский человек, житель СССР. 3. неодобр., пренебр. Что-либо, пронизанное советской идеологией. 4. Неодобр., пренебр. Ярый сторонник коммунистов (в постсоветский период» [24]); *коммуняка* («пренебр. Коммунист» [24]); *красно-коричневые* («1. Название общественно-политических сил и движений национал-коммунистической ориентации (в России после 1993 г.). 2. Представители таких сил» [17]). В прессе

Запада: *Империя зла* («неодобр. О Советском Союзе (с точки зрения США)» [24]), русский Иван и т.д.).

Очернению подвергаются не только политические оппозиционеры, но порой и целые этносы. Так в ситуации обострения отношений между Украиной и Россией в начале XXI века значительно усилилась негативная коннотация слова *москаль*, изначально являвшегося оттопонимическим образованием и обозначающим этнических русских. По мнению И.В. Ляшенко, «крайне негативные и оскорбительные эмоционально-оценочные компоненты прозвища *москаль*, ставшего орудием языка вражды, инструментом формирования образа врага, уже прочно закреплены в языковом сознании части современного украинского общества» [Ляшенко, 2016].

2. Использование специальных художественных средств. Для выражения наибольшей экспрессии и достижения особой образности сторонники разных политических и идеологических взглядов могут прибегать к использованию различных художественных средств (сравнение, метафора, в т.ч. и развернутая, риторические вопросы, эвфемия и пр.): «Коммунизм – это педикулез. Он появляется от бедности» (Г.А. Явлинский), «Нынешний режим чекистов – это птеродактили, а вы когда-нибудь слышали, что птеродактили что-то построили? Они могут только расклёвывать» (В.И. Новодворская). «Диктатура — это запор. Демократия — понос. Выбирайте, что вам больше нравится» (В.В. Жириновский).

3. Переименование различных объектов (или возвращение им первоначальных имен) является формой навязывания иных ценностей. Объектами переименования могут быть:

- Улицы и площади (например, в г. Калуге *площади Ленина* было дано название *площадь Старый Торг*, близкое к первоначальному – *Староторжская площадь*; в г. Москве *улице Горького* было возвращено прежнее название *Тверская*);
- Станции метро (*Чистые пруды (Кировская)*, *Лубянка (Дзержинская)*; *Охотный ряд (Проспект Маркса)*, *Воробьевы горы (Ленинские горы)*, *Автозаводская (Завод имени Сталина)*);

- Города (*Нижний Новгород (Горький), Екатеринбург (Свердловск), Мариуполь (Жданов), Худжанд (Ленинабад), Душанбе (Сталинабад), Цхинвал (Сталинири), Нур-Султан (Астана), Днепр (Днепропетровск, Екатеринослав, Новороссийск)*);
- Природные географические объекты (*Северная Земля (Земля Императора Николая II), пик Исмоила Сомони (пик Коммунизма, пик Сталина)*);
- Объекты культуры (*Мариинский театр (Ленинградский государственный академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова) Одесский академический украинский музыкально-драматический театр им. В. Василько (Театр Октябрьской революции)*).

4. Принудительная ассимиляция иностранных имен. Как правило, действия властей, связанные с изменениями в языке, проводятся без опроса населения, что может определять их потенциально насильственный характер. Однако на эти действия общество изредка реагирует лишь локальными недовольствами, не переходящими в массовые протесты. Возможно, это связано с тем, что подобные изменения не касаются личных прав и свобод человека. Чего нельзя сказать о принудительной ассимиляции иностранных имен, наблюдаемой в недавнем советском прошлом, когда в документах граждан союзных республик прописывали отчество на русский манер (*Музаффарович* вместо *Музаффар оглы*). В настоящее время подобную ассимиляцию можно увидеть в Украине и Прибалтике, где родителям запрещается давать детям русские имена (*Мыкола* вместо *Николай*, *Дмытро* вместо *Дмитрий*, *Миронс* вместо *Мирон*). «Личные имена воспроизводятся согласно традициям латышского языка и пишутся в соответствии с действующими нормами литературного языка» («Закон о государственном языке» от 21.12.1999, Ст.19).

5. Резкое произвольное обновление языка. С распадом СССР наметилась тенденция отказа бывших советских республик от использования кириллицы и переход к латинской графике (Казахстан, Киргизия). По мнению ведущего

научного сотрудника Института языкознания РАН Андрея Кибрика, «это решение никак лингвистически не оправдано. Преимущества латинской графики по сравнению с кириллицей априори нет. Это вопрос абсолютно политический, никакого научного подтекста здесь нет» [131].

6. Суггестия – вид психологического воздействия на сознание человека, при котором происходит некритическое восприятие внушаемых человеку убеждений и установок посредством особо сформированных языковых конструкций. К подобному воздействию прибегали, например, в период Великой Отечественной войны, когда нацистская Германия распространяла пропагандистские листовки на территории СССР: *«Борясь и работая вместе с Германией, ты и себе создашь счастливое будущее», «Оглянись, боец! Кто управляет тобой, словно марионеткой? За кого ты идешь на верную погибель? Неужели ты до сих пор не узнаешь?!»*. Короткие и емкие фразы содержат большое число языковых средств (использование императива, обращений, риторических вопросов, личных местоимений и т.д.), направленных на внушение человеку определенной идеи.

7. Морализирование, под которым «Словарь по этике» понимает «оценку тех или иных общественных явлений, основанную не на анализе объективных закономерностей развития действительности, а на абстрактных идеалах и пожеланиях» [33].

— Разве борьба с убийствами ограничивается статьёй в Уголовном кодексе? Нужна пропаганда правильного отношения к человеческой жизни. Для начала государство должно дать человеку чёткое понимание, чем процедура аборта является на самом деле: это не косметическая операция, не профилактика, не оздоровление – это прерывание человеческой жизни! (Виталий Милонов [125]).

Высшей степенью морализирования считается моральный террор. М.А. Базарнов определяет его как «стремление навязать кому-либо определенные формы поведения. При этом нравственные предписания выступают как средства подавления и унижения личности» [Базарнов, 2015, с.93].

— «Они (рэп-исполнители, – прим. ВЗГЛЯД [135]) должны получить очищение через боль... Так что, welcome to Russian hell! Думаю, что только массовые казни рэперов помогут спасти русскую культуру» (В. Милонов).

Массово-информационный (медиадискурс) и рекламный дискурсы.

Массово-информационный дискурс определяется как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2003, с. 132]. Тексты, реализующиеся в рамках массово-информационного дискурса, как правило, отличаются своей динамичностью и злободневностью.

«На фоне общего увлечения дискурсивным подходом наряду с термином «массмедийный дискурс» появился термин «новостной дискурс», который используется для обозначения всего корпуса новостных текстов. <...> Новостной дискурс является важнейшей составной частью массмедийного дискурса и представляет собой совокупность текстов, функционирующих в сфере новостного вещания, взятых в единстве всех языковых и экстралингвистических характеристик, связанных с их производством, распространением и восприятием» [Добросклонская, 2016, с. 14].

В новостном дискурсе при освещении событий разного характера, в особенности криминального, широко используются лексемы-репрезентанты насилия: «При выходе из своей резиденции её *расстреляли* два телохранителя-сикха- Беант Сингх и Сатвант Сингх. Позднее врачи обнаружили в теле Индиры Ганди 20 пуль» [День 31 октября в истории // Парламентская газета, 2021.10]; «Для того, чтобы скрыть следы преступления, *утопил* ребёнка и вывез тело недалеко от дома» [Жителя Крыма будут судить за изнасилование и убийство 7-летней девочки // Vesti.ru, 2020.10]. Приведенные примеры иллюстрируют информационную функцию медиадискурса, осуществленную посредством использования слов, репрезентирующих насилие. Взятый в событийном аспекте

языковой материал содержит информацию о субъекте, объекте и форме насилия, а сами лексем-репрезентанты насилия содержат три интегральные ключевые семы, описанные выше.

Наряду с этим новостной дискурс может выполнять и манипулятивную функцию, реализованную через особые языковые конструкции, превращающиеся в данных условиях в средства языкового насилия. Так, например, в «Парламентской газете» в статье Вероники Флора «Что запретят в новогоднюю ночь» (от 31.12.2021) содержится информация о смягчении антиковидных ограничений в Москве и Санкт-Петербурге, что противоречит заголовку. Применение подобного приема в англоязычной прессе описано в статье Ю.В. Сергаевой «Домашнее насилие как объект дискурс-анализа». Автор пишет, что описание инцидентов насилия представителями медиа, как правило, искажает действительность. «В медиадискурсе нередко наблюдается перенос фокуса ответственности, её деакцентуация, словно насилие случается над жертвой без участия индивида, который принял решение его совершить. <...> Примером такого рода может послужить типичная для медиазаголовка синтаксическая конструкция пассивного залога с опущенным вспомогательным глаголом: WOMAN ATTACKED AND RAPED IN DERRY. <...> Использование подобных пассивных конструкций игнорирует ответственность преступника за совершенный акт насилия. <...> Такое использование языка приводит к тенденции обвинять жертву (victim blaming), а не преступника, жертва предстает пассивным, несопротивляющимся участником ситуации» [Сергаева, 2020, с. 33-34].

В коллективной монографии «Медiateкст: стратегии – функции – стиль» [Гришаева, Пастухов, Чернышова, 2010, с.26] со ссылкой на учебное пособие «Реклама» Ф. Джефкинса [113] высказывается мысль, что «рекламный дискурс практически полностью входит в медиапространство, оказывая воздействие на адресата через информирование для создания мотивации к действию». В контексте данного исследования мы будем придерживаться того же подхода, то

есть будем рассматривать рекламный дискурс как часть массово-информационного дискурса.

У рекламного текста можно выделить ряд своих особенностей. «В большинстве рекламных текстов помимо вербальных элементов входят аудиовизуальные. Воспринимаемые нами как единое целое с письменными или устными высказываниями, эти элементы могут относиться к различной тематике и не иметь четкой структуры» [Тюрина, 2009].

Рассмотрим подробнее некоторые сверхсловные единицы, которые нередко используются в медиадискурсе в качестве средства языкового насилия:

1. Суггестия. Одним из видов возможного воздействия на адресата является «навязывания действий и состояний», что функционально сближает массово-информационный и рекламный дискурсы с политическим и религиозным [138]. «"Суггестор" стремится ввести адресата в определенное состояние и побудить к определенным действиям» [Желтухина, 2003] посредством:

- Запугивания («Каждый третий в мире человек умирает от паразитарных заболеваний» (реклама БАД [166]), «Отравители живут рядом» (реклама БАД [165, с.27]));
- Обращения к авторитетам, экспертам и «лидерам мнений» («Иногда лучше шлепнуть, чем играть в терпимость» (семейный психолог о воспитании детей [163, с.30]);
- Демонстрации «красивой жизни» (успешность, сексуальная привлекательность, крепкое здоровье) и рецепт достижения этого за счет покупки рекламируемого товара («Приглашение на коронацию» (реклама пива), «Есть вещи, которые стоят того, чтобы жить» (реклама пива), «Приди и выиграй!» (реклама казино));
- Искусственного ограничения времени для принятия решения («Звоните прямо сейчас!», «Предложение ограничено», «Первым пяти дозвонившимся...» (из ТВ-рекламы)).

Нередко суггесторами создается иллюзия отсутствия манипуляции как таковой, чтобы у адресата сложилось ощущение самостоятельно принятого решения.

2. Морализирование.

«Пора культурно сказать Западу «НЕТ». Как создать в России свой Голливуд, очистить школьные и вузовские программы от чуждой нам идеологии и прекратить застраивать города уродливыми «человеками»?» [167, с.6].

3. Навешивание ярлыков.

«Если ребенок слишком впечатлителен. Некоторые родители считают их «плаксами», «неженками» и «капризулями» [164, с.66].

Перечисленные выше дискурсы (политический, идеологический, массово-информационный) участвуют в процессе социализации личности, ее воспитании и обучении и взаимопроникают друг в друга. К указанным дискурсам можно добавить и педагогический. Несмотря на то что коммуникация **в педагогическом дискурсе** строится по субъект-субъектному принципу, вызывающему ассоциацию с личностно-ориентированным дискурсом, отношения между участниками коммуникации в норме не должны выходить на истинно личностный уровень: посредством того или иного речевого поведения учитель или ученик, как правило, должны осуществлять сугубо социально-ролевое поведение, что позволяет говорить об институциональном дискурсе, в контексте которого реализуется их речевая деятельность. Как уже упоминалось в главе 4.1 со ссылкой на статью Н.Д. Арутюновой «Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира»)» [Арутюнова, 1987], в фокус внимания всегда попадает отхождение от нормы, а не собственно норма. В педагогическом дискурсе это заметно особенно четко: именно отклонение от нормы становится поводом к осуществлению языкового насилия, средствами которого при определенных условиях могут стать следующие языковые приемы:

1. Навешивание ярлыков.

Часто словесные ярлыки используются с целью сформировать предвзятое мнение о каком-либо человеке, минуя объективную оценку и анализ. Так в

школьной среде бытуют ярлыки *двоечник, неуч, ботан, лоботряс, отстающий, трудный, прогульщик*.

- Не дай Бог из школы, где учится ребенок, на производство напишут, что он двоечник или прогуливает [Ирина Калмыкова. Пока папа ловит рыбу // «Рыбак Приморья», 2003.01.09]

- Завтра вы уедете. И завтра мне скажут, что я хулиган в кубе, бандит с большой дороги. Не с моим рылом... Что толковать! – Борис резко отвернулся. – Чудес, Валерий Петрович, не бывает [Игорь Минутко. Характеристика (1967)].

2. Морализирование.

Под термином «морализирование» «Энциклопедический словарь педагога» [28] понимает «форму нравственного негодования по поводу безнравственных поступков других людей, выражающуюся в назойливой проповеди моральных норм и принципов, построенных на абстрактных идеалах и пожеланиях, без учета реальной ситуации. <...> Чаще всего к морализированию прибегают в случаях несовпадения личных идеалов с наблюдаемыми явлениями».

- И тут будто прорвало ее. Она затараторила, что поставила Руслану липовую тройку, ну, типа в воспитательных целях, что потенциал брата значительно выше, что она вполне могла бы поставить четверку, будь он двоечником с последней парты, но в том-то и дело, что Руслан никакой не двоечник. [Я. И. Грантс. Череп // «Волга», 2011].

3. Использование фразеологических единиц с отрицательной оценкой.

В рамках реализации статусно-ролевого общения речь учителя наполняется оценками разного рода явлений, часто мнение учителя репрезентирует собой не личное мнение, а мнение общественного института. Мы уже упоминали, что, как правило, институциональная педагогическая деятельность имеет жесткую регламентацию и бинарную систему оценки (хорошо/плохо; приемлемо/неприемлемо). С этой точки зрения, практически любое отхождение обучающегося от той или иной нормы может повлечь за собой негативную оценку со стороны учителя, вербально выражающуюся, например, в использовании фразеологических единиц с отрицательной оценкой:

- Реакция на демонстрацию слабых умственных способностей (тебе это *не по зубам, звезд с неба не хватаешь*);
- Реакция на демонстрацию лени и неорганизованности (*голову дома не забыл? палец о палец не ударил, штаны просиживаешь, плюешь в потолок, дурью маешься*);
- Реакция на низкое качество письма (*как курица лапой*);
- Реакция на демонстрацию невнимательности (*в одно ухо влетает, в другое вылетает, пропускаешь мимо ушей, ворон считаешь*).

4. Использование специальных художественных средств (ирония, сарказм, метафора, сравнение и др.).

Ирония как риторический прием имеет множество различных определений, большая часть из которых характеризует иронию двусмысленностью, скрытой насмешкой и отрицательной оценкой со стороны говорящего. «Это такая агрессия, в которой говорящий не может быть уличен» [Дементьев, 2006] «при этом происходит обесценивание личности адресата: объектом насмешки становятся его эмоции, умственные способности, национальность и т.д.» [Земчихина, 2017]. Следует отметить, что ирония не всегда может быть использована в деструктивном речевом акте. О.П. Ермакова пишет, что ирония может употребляться для «выражения насмешки, издевательства или шутки» [Ермакова, 2005]. В контексте рассмотрения вопроса языкового насилия мы сконцентрируемся на возможности иронии стать одним из его средств:

«...С того дня ежедневно, встречая меня – в коридоре ли, на уроке, в столовой или на школьном дворе, – Надежда Ивановна преображалась. Подбородок поднимался, глаза полузакрыты, полна грудь воздуха – и...

– О! Ко-го я ви-жу! Ба-гон [*«Барон» - прим. К.Е.*]! Идет Ба-гон! – В полный голос, во всю ивановскую. – Багон! Это я тебе говою, Щедгов! Слышишь меня?

– Здравсьте, Надежда Ивановна.

– А почему не по-фганцузски? Ты же у нас багон! А?» [Алексей Щедров. Комсомольский барон]

Высшую степень проявления иронии принято называть сарказмом, хотя этим его сущность не исчерпывается. Согласно данным Большой Российской энциклопедии, сарказм отличает особое соотношение «двух планов подразумеваемого и выражаемого. Если в иронии дан лишь второй план и полностью выдержано иносказание, то в С. иносказание нарочито ослабляется или снимается. С. – это исчезающая, точнее дезавуируемая, ирония» [140].

«В нашем классе учился мальчишка из неблагополучной семьи, он плохо разговаривал, и учительница любила, вызвав его к доске, «поболтать за жизнь»: «Ну сто, Сявка, как папку зявут? Воёдя? А папка водку пил втера?» Славка, краснея, булькал чего-то в ответ, учительница подмигивала нам. Видимо, это был такой педагогический прием налаживания «дружеских отношений» с классом. Мы солидарно хихикали, при этом совершенно не желая оказаться на месте Славки – не у всех папки вели трезвый образ жизни» [Светлана Челнокова. От шести до девяти].

Педагогический дискурс нередко изобилует метафорами, в том числе и теми, что в прагматической зоне содержат негативную оценку описываемого явления. К таким метафорам можно отнести перенос «животное – лицо». И.Ю. Третьякова в статье «Особенности использования фразеологических единиц в педагогическом дискурсе» пишет, что «ряд таких лексем, будучи культурами, содержит негативную характеристику свойств человека, резко отрицательно воспринимаемую русскими людьми (*свинья, козёл, баран, крыса, гнида* и др.). Так же, как и слова, фразеологизмы с такими компонентами (*метать бисер перед свиньями, как баран, козёл отпущения*) способны вызвать негативную реакцию, возмущение, спровоцировать речевую агрессию адресата речи. Следует сказать, что большая часть фразеологизмов с компонентами-зоонимами вызывает негативную реакцию учеников, так как даже вполне «безобидные» образы животных при характеристике человека используются для выражения негативной оценочности, иронии: *подопытный кролик, глядеть орлом, соколиный глаз, запеть соловьём* и др.» [Третьякова, 2017, с.197].

Административный дискурс определяется отношениями между руководителем и подчиненным. Особенностью таких отношений является статусное неравенство его участников, обуславливающее частое использование перформативных речевых актов. Использование руководителем конфликтной коммуникативной стратегии, выражающейся в дискредитации подчиненного и демонстрации собственного превосходства, нередко осуществляется за счет ряда языковых приемов, например:

1. Навешивание ярлыков со стороны начальника в отношении подчиненного;

— Вот вы говорите, Наталья Михайловна – «добрая». А на мой взгляд, - я сужу по своим наблюдениям – она не добрая, а «*добренькая*». По своей натуре она не может, например, потребовать. Тем более ввести требовательность в систему воспитания детей. Сегодня она потребует, а завтра «пожалеет» без всякой надобности. А как только ученики раскусят эту слабость учителя – ни о каком авторитете педагога и речи быть не может» [Протопопова А.Н. Наталья Михайловна (1965)].

2. Морализирование

В административном дискурсе выражается в апелляции к моральным аксиомам, общепризнанным правилам поведения и высоким идеям, связанным с реализацией профессиональных задач.

— Валерий Петрович, вы работаете в школе. Есть определенные моральные категории, которые переступать нельзя, невозможно! Вы – учитель, вы всегда на виду. Особенно в маленьком поселке. На вас равняются. Вы образец... [Игорь Минутко. Характеристика (1967)].

Перечисленные в главе 4.2 лексеммы и сверхсловные единицы, усиленные иерархическими отношениями между участниками дискурса, по нашему мнению, становятся средствами языкового насилия только в том случае, когда используются с целью утверждения собственной власти, разрушения одних убеждений и/или навязывания других:

- Принуждение одной части общества к смене парадигм мышления, поведения, восприятия у другой части общества, осуществленное средствами языка, может быть идентифицировано как языковое насилие в политическом, идеологическом и массово-информационном дискурсах.
- В педагогическом дискурсе о языковом насилии можно говорить в случае навязывания обучающимся личных оценок и суждений педагога.
- В рамках административного дискурса языковое насилие осуществляется при вербализации стремления к безоговорочному подчинению нижестоящих.

Проанализировав ряд лексем и сверхсловных единиц, способных выступать в роли средств языкового насилия в личностно-ориентированном и институциональном дискурсах, можно выделить несколько различительных аспектов:

- 1) По нашему мнению, инвективы, пейоративы и дисфемизмы как средства языкового насилия могут использоваться только в личностно-ориентированном дискурсе. Это обусловлено сущностью данных языковых явлений, поскольку они обеспечивают диффамационный (порочащий) характер речевого акта и выражают личную негативную оценку говорящего. Мы полагаем, что использование указанных лексем и сверхсловных единиц в институциональном дискурсе переводит коммуникативную ситуацию из социально-ролевой модели взаимодействия в личностно-ориентированную.
- 2) В рамках институционального дискурса языковое насилие может причиняться средствами, недоступными отдельным индивидуумам (например, переименование объектов инфраструктуры, творение новых слов и изменение семантики уже существующих, резкое произвольное обновление языка, принудительная ассимиляция иностранных имен и др.).

- 3) В лично-ориентированном дискурсе насилие причиняется ограниченному числу людей, а в институциональном дискурсе – от отдельной социальной группы до целого государства. Данное различие наблюдается независимо от того, какими языковыми средствами реализуется насилие.

Выводы

Из сказанного в главе «Языковое насилие в лично-ориентированном и институциональном дискурсах» можно заключить следующее:

- 1) Сам факт использования в любом из дискурсов лексем и сверхсловных единиц, рассмотренных в данной главе (использование инвектив, дисфемизмов, угроз, навешивание ярлыков, морализирование, суггестия и др.), не дает основания однозначно утверждать, что за счет этих языковых единиц реализуется языковое насилие.
- 2) В лично-ориентированном дискурсе языковым насилием можно считать лишь ту ситуацию, когда иллокутивная цель говорящего, заключающаяся в стремлении каким-либо образом минимизировать или подвергнуть деструкции личность адресата, вызывает негативный перлокутивный эффект.
- 3) О языковом насилии в институциональном дискурсе можно говорить лишь тогда, когда перечисленные лексемы и сверхсловные единицы используются с целью утверждения собственной власти, разрушения одних убеждений и/или навязывания других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание данной научной работы соответствует пунктам 4, 7, 10 перечня направлений исследований научной специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России, поскольку: в работе рассматривается понятие «насилие» на лексико-прагматическом уровне языка, анализируются особенности функционирования лексических единиц, имеющих коннотацию насилия, изучается их семный состав и связи с внеязыковой действительностью (п.4); описаны особенности реализации языкового насилия в разных дискурсивных практиках (п.7); изучается культурно и национально обусловленная специфика репрезентации понятия «насилие» в русском языке (п.10).

С лингвистической точки зрения понятие «насилие» может быть рассмотрено на лексико-прагматическом уровне и уровне дискурса: первый дает представление об особенностях лексической репрезентации насилия в языке, представленной значительным числом лексем разных частей речи; второй – о том, при каких условиях отдельные лексемы и сверхсловные единицы превращаются в средства языкового насилия.

Ввиду того, что лексема «насилие» в словарях и энциклопедиях имеет разные толкования, обусловленные релятивностью восприятия явления, обозначенного указанной лексемой, возникла необходимость выработать универсальный подход, позволяющий идентифицировать понятие «насилие» практически однозначно. В основу такого подхода было положено выделение трех ключевых интегральных сем, которые присутствуют в семантике как собственно лексемы «насилие», так и всех компонентов одноименного семантического поля. Нам удалось выделить три такие семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие». Однако только этот шаг не учитывает возможность лексемы использоваться в переносном значении, при котором часто теряется коннотация насилия. Чтобы исключить подобные ситуации, необходимо наличие смысловой цепочки, эксплицитно или имплицитно

содержащей информацию о трех составляющих насилия: «субъекте насилия», «насильственном действии», «объекте насилия».

С точки зрения теоретической лингвистики это утверждение могло бы быть правомерным, однако социум неоднороден, он характеризуется сосуществованием различных социокультурных групп, в которых представления о законном/незаконном, одобряемом/неодобряемом, принудительном/свободном могут кардинально различаться. В связи с этим понятие «насилие» следует рассматривать через призму социокультурной детерминации.

Для идентификации насилия, репрезентированного на лексико-семантическом уровне языка, такого комплексного анализа будет достаточно. Однако язык может не только репрезентировать насилие, но и становиться его средством, что можно увидеть на уровне дискурса. Важно отметить, что лексемы и сверхсловные единицы, используемые в том или ином дискурсе, становятся средством языкового насилия только при соблюдении определенных условий.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. В ходе анализа экспликаций значений лексемы «насилие» в различных толковых словарях русского языка были выделены следующие семы, потенциально или актуально содержащиеся в семантике указанной лексемы: «давление», «власть», «противозаконность», «противоестественность».
2. Характер подачи значения лексической единицы «насилие» в различных лексикографических источниках имеет свою специфику, что обусловлено релятивностью восприятия явления, обозначенного указанной лексемой, в рамках той или иной социальной группы.
3. В семантике лексемы «насилие» и языковых единиц, входящих в одноименное семантическое поле, эксплицитно или имплицитно выделяются три базовые интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие».

Вместе с этим для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих,

как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия». Каждое из них может быть выражено как очевидным образом, так и неявным способом.

4. О насилии, репрезентируемом в коннотативном аспекте семантики лексем со значением «инструмент насилия», можно говорить лишь при наличии информации о субъекте, использующем данный предмет для совершения насильственного действия в отношении одушевленного объекта.
5. Выведенные нами лингвистические закономерности могут быть применимы для идентификации насилия/ненасилия и в социокультурном контексте;
6. Восприятие действий как насильственных/ненасильственных детерминировано в том числе принадлежностью воспринимающего лица к той или иной социокультурной группе, которая отличается особенностями национального и/или религиозного самосознания. На прагматическом уровне языка это выражается в элиминации некоторых базовых интегральных сем в лексемах – потенциальных репрезентантах насилия.
7. Включенность индивида в ту или иную социокультурную группу детерминирует не только расширение или сужение структуры семантического компонента значения, но и изменения его прагматической зоны.
8. В дискурсе представителей той или иной социокультурной группы лексемы, репрезентирующие потенциальное насилие, используются или в сугубо номинативном (безоценочном) значении, или имеют положительную коннотацию.
9. Без анализа прагматической зоны значения слова невозможно однозначно заявлять, репрезентирует ли конкретная лексема понятие «насилие» или нет.
10. Ввиду того, что существует большое число факторов, влияющих на восприятие той или иной лексемы, отсутствие или ограниченное упоминание в толковых словарях прагматической информации о словах,

репрезентирующих потенциальное или реальное насилие, на наш взгляд, способствует поддержанию плюрализма во мнениях и оценках.

11. Сам факт использования в любом из дискурсов инвектив, дисфемизмов, угроз, морализирования, суггестии и др. лексем и сверхсловных единиц не дает основания однозначно утверждать, что за счет этих средств реализуется языковое насилие.
12. В лично-ориентированном дискурсе языковым насилием можно считать лишь ту ситуацию, когда иллокутивная цель говорящего, заключающаяся в стремлении каким-либо образом минимизировать или подвергнуть деструкции личность адресата, вызывает негативный перлокутивный эффект со стороны его собеседника.
13. О языковом насилии в институциональном дискурсе можно говорить лишь тогда, когда перечисленные лексемы и сверхсловные единицы используются с целью утверждения собственной власти, разрушения одних убеждений и/или навязывания других.
14. Лексическая репрезентация понятия «насилие» в современном русском языке относительна и зависит от совокупности многих лингвистических и экстралингвистических факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Словари и справочники**

1. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М. : Мегатрон XXI, 2000. — 2-е изд. доп. — 334 с.
2. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ринекер Ф., Майер Г. - М. : Российское Библейское Общество, 1999. - 1120 с.
3. Библейский словарь к русской канонической Библии. Сост.: В.П. Вихлянцев, 2002. Режим доступа: <http://religion.niv.ru/doc/dictionary/biblical/fc/slovar-198.htm#zag-1543>
4. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред.: Л. И. Балахонова Благо-Внять
5. Большой академический словарь русского языка. Том 7. И – Каюр / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [ред. тома Л.И. Балахонова, А.А. Заяц, Л.Е. Кругликова, Н.В. Соловьев]. - Москва [и др.] : Наука, 2007. – 732 с.
6. Большой академический словарь русского языка. Том 11. Н – Недриться / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [ред. тома Н. В. Соловьев, Д.И. Панков]. - Москва [и др.] : Наука, 2008. – 632 с.
7. Большая медицинская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. акад. Б.В. Петровский; [Акад. мед. наук СССР] - 3-е изд. - Москва : Сов. энциклопедия, 1974-1989.
8. Большой психологический словарь. — М. : Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
9. Большой словарь иностранных слов.- Издательство «ИДДК», 2007.
10. Большой толковый словарь русского языка : [БТС : А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. - СПб. : Норинт, 2008.
11. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . – 2-е изд., перераб. и доп . – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000 . – 1456 с. - ISBN 5-85270-160-2 : 312.00 .
12. Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.] ; Под ред. А.Я. Сухарева, В. Е. Крутских. - 2. изд., перераб. и доп. - М. : ИНФРА-М,

- 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). - 703 с.; 24 см. - (Библиотека словарей ИНФРА-М); ISBN 5-16-000169-7 (в пер.)
13. Быкова, О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск, 1999.
14. Гак, В. Г. Прагматика [Текст] / В. Г. Гак // Энциклопедия «Русский язык» / Гл. ред. Ю. П. Караулов. - М. : Бол. Рос. Энциклопедия; Дрофа, 1997. - С. 360-361.
15. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4: Т. 2: И-О. - М. : А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994, 912 с.
16. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. - М.: Рус. яз. 2000. - в 2 т. - 1209 с. - (Б-ка словарей рус. яз).
17. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 1. А-Л / Т. Ф. Ефремова. - М. : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. - 1168 с.
18. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 2. М-П / Т. Ф. Ефремова. - М. : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. - 1168 с.
19. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 3. Р-Я / Т. Ф. Ефремова. - М. : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. - 976 с.
20. Исламский энциклопедический словарь. А. Али-заде, Ансар, 2007 г.
21. Карманный словарь атеиста. М., Политиздат, 1976. - 287 с.
22. Колодин, А. В. Культура веры. Путеводитель сомневающимся. Режим доступа: <http://religiocivilis.ru/about.html>
23. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. - М.: Эксмо, 2005. - 944 с.
24. Мокиенко, В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. - СПб.: Фолио-Пресс. 1998.

25. Новейший философский словарь. — Минск: Книжный Дом. А.А. Грицанов. 1999
26. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Под редакцией В. С. Стёпина. - М.: Мысль, 2001.
27. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва : Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. – 1360 с.
28. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога).— Екатеринбург. В.С. Безрукова. 2000.
29. Плехов, А.М. Словарь военных терминов. — М.: Воениздат. 1988
30. Покровский Д.Л. Словарь церковных терминов. – Sharon, Massachusetts: «Izograph Studio», 2002. – 166 с.
31. Полный православный богословский энциклопедический словарь : В 2 т. - СПб. : Изд. П.П. Сойкина / Т. 1, 2 1120 стб.
32. Православие: Словарь атеиста / Под общ. ред. П68 Н. С. Гордиенко.— М.: Политиздат, 1988.— 272 с.
33. Словарь по этике. — М. : Политиздат. Под ред. И.Кона. 1981.
34. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Под ред. Н. Абрамов. Печатное издание М.: Русские словари, 1999.
35. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т.2. К-О. – 736 с.
36. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи : С портр. и краткой биограф. А.Н. Чудинова / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. - 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. - Санкт-Петербург : В.И. Губинский, [1910]. - X, 676 с., 1 л. портр.; 24.

- 37.Словарь социолонгвистических терминов. М., 2006. 312 с.
- 38.Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Том II. Спб. 1847
- 39.Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. — 488 с. ISBN 5-89123-162-X; ISBN 5-86225-635-0
- 40.Толковый словарь русского языка; под ред. Д.В. Дмитриева. - М. : Астрель: АСТ, 2003. — 1578 с. — (Словари Академии Российской)
- 41.Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.
- 42.Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. - М. : Альта-Принт [и др.], 2008. - 1239 с.
- 43.Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
- 44.Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь: Учебное пособие / Под общ. ред. Е.Н. Мощелкова; Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 248 с.
- 45.Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов, 1983.
- 46.Чуприков, А.П. Глоссарий суицидологических терминов. Киев, 1999
- 47.Энциклопедия «Русский язык» / Гл. ред. Ю.П. Караулов. - М.: Бол. Рос. Энциклопедия; Дрофа, 1997. С 213-214.

48. Ала Качуу [электронный ресурс]: Уикипедия. Ачык энциклопедия. – Режим доступа: https://ky.wikipedia.org/wiki/Ала_качуу (дата обращения: 06.01.2022)
49. Grande Dizionario Italiano quarta Edizione Con Versione Digitale Scaricabile Online. Gabrielli Aldo. - Режим доступа: https://www.grandidizionari.it/Dizionario_Italiano/parola/V/vendetta.aspx?query=vendetta (дата обращения: 06.01.2022).

Монографии и статьи

50. Апресян, Р. Г. Сила и насилие слова // Человек. 1997. - №5. – С.133-137
51. Апресян, Ю. Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 75–91.
52. Арент, Х. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014. — 148 с.
53. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М. : Наука, 1976.
54. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания, 1987, №3.
55. Башкатов, О. В. Насилие как социокультурный феномен. Диссертация ... кандидата социологических наук, Саратов, 2001.
56. Бегун, В. В., Салимовский В. А. Цинизм и пошлость в масс-медийном дискурсе (лингвоэкологический аспект) // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. К 80-летию проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск, 2009 — С. 33
57. Борисенко, В. А. Вербальная репрезентация образа политика в политическом дискурсе: прагмалингвистический подход [Текст]: монография / В. А. Борисенко. Т. Ю. Мкртчян, М. В. Самофалова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Южный федеральный университет", Институт филологии.

- журналистики и межкультурной коммуникации. - Ростов-на-Дону : Южный федеральный ун-т, 2017. - 158 с.; 20 см.; ISBN 978-5-9275-2642-0 : 50 экз.
58. Бочарова, В. В. Агрессия и насилие как социокультурные феномены. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Воронеж, 2012. – 27 с.
59. Булгакова Н. Е. Словесные ярлыки как средство языкового насилия (на материале российского политического дискурса XX – начала XXI века). Автореферат диссертации... кандидата филологических наук, Абакан, 2013. – 23 с.
60. Визуальное (как) насилие. Сборник научных трудов / отв. ред. А.Р. Усманова – Вильнюс : ЕГУ, 2007 – 380 с.
61. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.- С. 162-189
62. Газизулина, Л. Р. Реализация концептов «насилие» и «violence» в дидактических текстах школьной литературы (на материале русского языка и американского варианта английского языка). Автореферат диссертации... кандидата филологических наук, Казань, 2013. – 23 с.
63. Гелих, О. Я. Язык как средство управления и насилия: проблема образования // Образование и насилие. / Сборник статей. Под ред. К.С. Пигрова Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2004. С.169-181.
64. Гишинский, Я. И. Социальное насилие: Монография / Я.И. Гишинский. – ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. СПб. С. 15-28.
65. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М., 1989.
66. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация. — М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
67. Добросклонская, Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II

- Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5–7 октября 2016 г.: сборник научных работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – 380 с.
68. Еленская, К. В. Культурная детерминация насилия/ненасилия // Казанская наука. №6 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019 – 134, С 40
69. Еленская, К. В. Языковые средства политического насилия // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы международной научной конференции КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, 20-22 сентября 2019 г.
70. Еленская, К. В. Подвиг как акт оправдываемого насилия // Богословско-исторический сборник №15, 2019 - с. 151
71. Еленская, К. В. Лингвистический паспорт лексемы "насилие" // Преподаватель XXI век. 2020. №4-2, С 386-392 DOI: 10.31862/2073-9613-2020-4-386-392
72. Еленская, К. В. Конструирование квазидействительности и формирование квазиоценок как форма латентного идеологического насилия (на материале учебников РКИ) // Вестник Калужского университета (ISSN 1819-2173), №1, 2021 – С 37.
73. Еленская, К. В. Языковая репрезентация насилия в художественном тексте (на материале романа Дж. Фаулза «Коллекционер») // Вестник Калужского университета (ISSN 1819-2173), №2, 2021 – С 9.
74. Еленская, К. В. Изменения в русской языковой картине мира (на материале неологизмов, репрезентирующих насилие) // Казанская наука. №5, 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021 – 128, С 38.
75. Еленская, К. В. Компонентный анализ ключевых составляющих семантического поля «насилие» в современном русском языке // Казанская наука №3, 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022 – 206, С 48.
76. Еленская, К. В. О семантико-прагматическом содержании лексем, выражающих насилие/ненасилие в социокультурном поле (на примере слов, имеющих отношение к религиозному культу) // Казанская наука. №5 2022г. - Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022 – 212, С. 42.

- 77.Ерёмин, А. Н., Петрова О.О. Метонимия на газетной полосе (значения и употребления): монография / А.Н. Ерёмин, О.О. Петрова. – Калуга, 2020 – 74 с.
- 78.Еремин, А. Н. Лексическая семантика в речи и в современном толковом словаре (актуальные вопросы): Монография. А.Н. Еремин. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2022. – 116 с.
- 79.Ермакова, О. П. Ирония и её роль в жизни языка.[Текст]/ О. П. Ермакова. – Калуга: Изд-во Калуж. пед. гос. ун-та, 2005. – 202 с.
- 80.Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
- 81.Жельвис, В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира: Моногр. / Жельвис, Владимир Ильич. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Ладомир, 2001. – 340с.
- 82.Жижек, С. О насилии [Текст] / Славой Жижек ; [пер. с англ.: Артем Смирнов - введ., гл. 1, 2, 3, 4; Екатерина Лямина - гл. 5, 6, эпилог]. - Москва : Европа, 2010. - 178, [3] с.; 23 см. - (Серия "Политучеба"); ISBN 978-5-9739-0179-0
- 83.Избранные труды [Текст] / Ю.Д. Апресян; Школа "Языки русской культуры". - Москва : Восточная литература, 1995-. Том 1. Лексическая семантика. - 1995. - VIII с., 472 с.; ISBN 5-88766-043-0
- 84.Избранные труды /Ю. Д. Апресян; Школа "Языки русской культуры". - Москва : Восточная литература, 1995-. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография : Избранные труды. - Москва : Восточная литература, 1995. - 769с.; ISBN 5-88766-043-0
- 85.Кара-Мурза, С. Г. Власть манипуляции. – Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2009 – 380 с. – (Социально-политические технологии)

86. Карасик, В. И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
87. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. - С.5-20.
88. Кацнельсон, С. Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
89. Кацнельсон, С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
90. Коврижных, О.А. Политическое насилие: языковое манипулирование общественным сознанием. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. – 256 с.: ил.
91. Колесникова, С. М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. - М.: Высшая школа. 2010. - С. 58.
92. Кугай, А. И. Насилие в контексте современной культуры. Диссертация... доктора философских наук, СПб., 2000. – 311 с.
93. Ляшенко, И. В. Ромашина О.Ю., Федюнина И.Э. Актуализация «устаревшего» прозвища в украинской и российской блогосферах // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – Т.2, №3, 2016.
94. Маклакова, Е. А. Типы семантических компонентов и аспектно-структурный подход к описанию семантики слова. – Воронеж: «Истоки», 2013 – 31 с. Тираж 200 экз.
95. Марковина, И. Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур // Вопросы психолингвистики. 2004. №2.
96. Медиатекст: стратегии – функции – стиль : коллективная монография / Л.И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.) – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010 – 226 с.

97. Митрахович, В. А. Специфические характеристики военного социума // Образование и наука, 2007. №5(47), С 91 – 97
98. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ./Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.
99. Олешкова, А. М. Язык как инструмент насилия // Научный журнал «Эпомен», № 41, 2020 | Epomen Scientific Journal, No. 41 (2020)
100. Романова, М. А. Интерпретация насилия в юридических словарях / М. А. Романова. — Текст : непосредственный // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус : материалы расширенного заседания (Всероссийской с международным участием) научного семинара проблемной группы «Русский глагол», посвященного 45-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии, 29–30 октября 2019 г., г. Екатеринбург, Россия. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. — С. 296-302. — ISBN 978-5-6041789-9-7.
101. Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 344 с.
102. Сергаева, Ю. В. Домашнее насилие как объект дискурс-анализа / Ю.В. Сергаева, Е. В. Никитина // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). – 2020. – № 29. – С. 31-40. – EDN AOARLD.
103. Сковородников, А. П. Об экологии русского языка //Филологические науки, 1992, №5-6.
104. Сковородников, А. П. Лингвистическая экология: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно - методический бюллетень. Вып. 2 //Краснояр. гос. ун-т/Сост. А.П.Сковородников и др. Красноярск - Ачинск, 1997. 68 с.

105. Солганик, Г. Я. Введение // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. — М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012 – С. 8 – 26
106. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с. (дата обращения: 30.08.2021).
107. Тён, А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013 – 344 с.
108. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с
109. Шмелев, А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. №4, 2009.
110. Эпштейн, М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) //Журнал «Вопросы языкознания», 1991, № 6. С. 19-33
111. Язык и человек : к проблеме мотивированности языковой системы : учеб. пособие / М. А. Шелякин. - М. : Флинта : Наука, 2005. - 289, [1] с.; 20 см. - (Для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов).; ISBN 5-89349-829-1 (Флинта)
112. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // Political linguistics / Blommaert J., Bulcaen Ch. (eds.). Amsterdam, 1998.
113. Jefkins F. Advertising. – Philadelphia, PA: Macdonald and Evans, 1985. – 248 p.
114. O'Connor P. Discourse of Violence. Discourse & Society. 1995. 6(3). P. 309–318.

Интернет-источники

115. Алиева, В. Н. Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2014. №1-2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukopodrazhaniya>

- sovremennogo-russkogo-yazyka-kak-razvivayuschiysya-razryad-slov (дата обращения: 10.05.2022).
116. Аскерова, М. А. Понятие насилия в современной культуре. Эстетизация насилия // Вестник магистратуры. 2020. №4-3 (103). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nasiliya-v-sovremennoy-kulture-estetizatsiya-nasiliya> (дата обращения: 13.06.2022).
117. Базарнов, М. А. Морализирование и моральный террор как антиподы нравственного воспитания // Вестник экономической безопасности. 2015. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralizirovanie-i-moralnyu-terror-kak-antipody-nravstvennogo-vozpitanija> (дата обращения: 24.04.2022).
118. Балова, И. М. Речевой акт угрозы как объект лингвистической экспертизы // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы V-ой Международной научно-практической конференции. 2015. Режим доступа: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/balova_budaeva_sherban.html (дата обращения: 10.04.2022)
119. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Материалы ежегодной Международной конференции в 2-х томах, Бекасово, 29 мая – 02 2013 года / Редколлегия сборника: В.П. Селегей, В.И. Беликов, И.М. Богуславский, Б.В. Добров, Д.О. Добровольский. – Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. – С. 69-78. Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/media/1223/baranovan.pdf> (дата обращения: 10.04.2022).
120. Безручко, К. В. К вопросу о понятии насилия // ЮП. 2007. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-nasiliya> (дата обращения: 11.08.2021).

121. Бойко, Т. В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 206 с. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/176793/d?#?page=1>.
122. Борисов, С. Н. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре // Наука. Искусство. Культура. 2012. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-mif-religiya-o-mehanizmah-lokalizatsii-nasiliya-v-traditsionnoy-kulture> (дата обращения: 11.08.2021).
123. Вестфальская, А. В. Оценка и коннотация: современные подходы [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Том 2. № 3. С. 3–11. <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Vestfalskaya.shtml> (дата обращения: 22.04.2022) doi:10.17759/langt.2015020301
124. Гоменюк, А. А. Инвективность как языковая агрессия в речевой коммуникации. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/7_gomenjuk%20a.a..doc.htm (дата обращения: 26.03.2022).
125. Горелик, А. Виталий Милонов предлагает приравнять аборты к убийству. По мнению депутата, государство не должно платить за прерывание беременности // Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/state-duma/2016/10/22/vitaliy-milonov-predlagaet-priravnyat-aborty-k-ubiystvu.html> (дата обращения: 24.04.2022).
126. Гофман, И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Пер. М.С. Добряковой. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 10.04.2022).
127. Гро, Ф. Состояния насилия // Философско-литературный журнал «Логос». 2011. №1 (80). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyaniya-nasiliya> (дата обращения: 13.06.2022).

128. Денисов, В. В. Философия насилия // Философия и общество. 2008. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-nasiliya> (дата обращения: 11.08.2021).
129. Евтушенко, О. А. Административный дискурс: сущность // Lingua mobilis. 2010. №3 (22). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-diskurs-suschnost> (дата обращения: 29.04.2022).
130. Ермакова, О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. №1-2 (9-10). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-ironiya-rechevym-zhanrom-esche-raz-o-nekotoryh-osobennostyah-ironii-1> (дата обращения: 27.04.2022).
131. Зачем страны СНГ переводят письменность на латиницу. [Электронный ресурс] // RT на русском от 14.04.2017. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/articles/36598971-zachem-strany-sng-perevodyat-pismennost-na-latinitu/>
132. Земчихина, Л. С. К проблеме этичности использования иронии как педагогического приема // Филологический класс. 2017. №3 (49). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-etichnosti-ispolzovaniya-ironii-kak-pedagogicheskogo-priema> (дата обращения: 27.04.2022).
133. Злоказов, К. В. Насилие в креолизованном тексте: исследование закономерностей понимания // Политическая лингвистика. 2018. №5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-kreolizovannom-tekste-issledovanie-zakonomernostey-ponimaniya> (дата обращения: 12.06.2022).
134. Ильин, Е. П. Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-kak-psihologicheskii-fenomen> (дата обращения: 11.08.2021).

135. Касс, А. Милонов заявил о необходимости массовых казней русских рэперов // Взгляд. Деловая газета. Режим доступа: <https://vz.ru.turbopages.org/vz.ru/s/news/2017/10/4/889686.html> (дата обращения: 24.04.2022).
136. Красиков, В. И. Нормирование насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/normirovanie-nasiliya> (дата обращения: 11.08.2021).
137. Красиков, В. И. Насилие и культура // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-i-kultura> (дата обращения: 13.06.2022).
138. Корнев, В. В. Насилие // Известия АлтГУ. 2007. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie> (дата обращения: 12.06.2022).
139. Лапаева, Т. А. Субстантивно-адъективные устойчивые сочетания и возможные приемы их лексикографического описания // Вестник НовГУ. 2011. №63. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/substantivno-adektivnyye-ustoychivye-sochetaniya-i-vozmozhnye-priemy-ih-leksikograficheskogo-opisaniya> (дата обращения: 12.05.2022).
140. Манн, Ю. В. САРКАЗМ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). Режим доступа: <https://bigenc.ru/literature/text/3536615> (дата обращения: 29.04.2022).
141. Мартыненко, Б. К. Насилие и справедливость // Общество и право. 2010. №4 (31). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-i-spravedlivost> (дата обращения: 11.08.2021).
142. Мартыненко, Б. К. Категория «Насилие» оценочное понятие? // Общество и право. 2012. №4 (41). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-nasilie-otsenochnoe-ponyatie> (дата обращения: 13.06.2022).

143. Мартыненко, Б. К. Классификация государственно-правового насилия // Общество и право. 2012. №5 (42). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-gosudarstvenno-pravovogo-nasiliya> (дата обращения: 22.08.2021).
144. Миненок, М. Г. Генезис и сущность насилия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. №9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-suschnost-nasiliya> (дата обращения: 13.06.2022).
145. Мирошниченко, Г. А. Внушение в рекламе: особенности коммуникативного механизма // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnushenie-v-reklame-osobennosti-kommunikativnogo-mehanizma> (дата обращения: 22.05.2022).
146. Назари, Ф. Т. Императивные междометия в русском языке // Сибирский педагогический журнал. 2011. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnyie-mezhdometiya-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 14.05.2022).
147. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
148. Новодворская, В. И. «В гостях у Дмитрия Гордона», часть I, 2008. Режим доступа: https://gordonua.com/interview/tv_full/valeriya-novodvorskaya-putin-chekistskaya-shkura-politicheskaya-bezdarnost-i-stalinist-mstitelnyu-i-zhestokiy-22959.html.
149. Поткина, А. А. Сексизм и гендерные стереотипы в российской рекламе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №2 (28). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/seksizm-i-gendernye-stereotipy-v-rossiyskoj-reklame> (дата обращения: 21.05.2022).
150. Радбиль, Т. Б. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Вестник

- ВятГУ. 2015. №9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-yazykovyh-i-soderzhatelnyh-priznakov-rechevogo-akta-ugrozy-v-ekspertnoy-deyatelnosti-lingvista> (дата обращения: 09.04.2022).
151. Сидоренко, И. Н. Насилие языка // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2014. №5 (169). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-yazyka> (дата обращения: 13.06.2022).
152. Ситаров, В. А. Насилие и ненасилие // Знание. Понимание. Умение. 2005. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-i-nenasilie> (дата обращения: 13.06.2022).
153. Сурков, А. А. Социальное пространство и насилие // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-prostranstvo-i-nasilie> (дата обращения: 13.06.2022).
154. Тагиров, Ф. В. «Я» vs «Другой» - дискурс насилия в поле «Сакрального» (сакральное насилие и насилие именем «Сакрального») // Философия права. 2008. №4 (29). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-vs-drugoy-diskurs-nasiliya-v-pole-sakralnogo-sakralnoe-nasilie-i-nasilie-imenem-sakralnogo> (дата обращения: 13.06.2022).
155. Третьякова, И. Ю. Особенности использования фразеологических единиц в педагогическом дискурсе // Дискурс-Пи. 2017. №3-4 (28-29). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-frazeologicheskikh-edinit-v-pedagogicheskom-diskurse> (дата обращения: 27.04.2022).
156. Тюрина, С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник ИГЭУ. 2009. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatiyah-reklamnyy-diskurs-i-reklamnyy-tekst> (дата обращения: 21.05.2022).

157. Флиер, А. Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-osnovaniya-nasiliya> (дата обращения: 13.06.2022).
158. Хусаинова, Г. Р. Реализация концептов насилие / violence в медиадискурсе (на материале русского и американского варианта английского языков) // МНКО. 2017. №1 (62). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontseptov-nasilie-violence-v-mediadiskurse-na-materiale-russkogo-i-amerikanskogo-varianta-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 10.05.2022).
159. Чепорухина, М. Г. К разграничению терминов «Дисфемизм», «Сленг», «Вульгаризм» и «Инвектива» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-razgranicheniyu-terminov-disfemizm-sleng-vulgarizm-i-invektiva> (дата обращения: 09.04.2022).
160. Шарифуллин, Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика. 2004. №5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-agressiya-i-yazykovoe-nasilie-v-svete-yurislingvistiki-problema-invektivy-1> (дата обращения: 20.03.2022).
161. Шустова, С. В. Теория глагольной валентности в отечественной и западной научной парадигмах // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-glagolnoy-valentnosti-v-otchestvennoy-i-zapadnoy-nauchnoy-paradigmah>
162. Элбакян, Е. С. СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-religioznogo> (дата обращения: 05.11.2021).

Периодические издания

163. Андреассен, Н. Бьет – значит губит? // Комсомольская правда (Калуга). №6. 14-21 февраля 2018, С 30.

164. Ануфриева, А. Воспитание. Если ребенок слишком впечатлителен // Psychologies №2, 2022, С 66.
165. Комсомольская правда (Калуга). №6. 14-21 февраля 2018, С 27
166. Комсомольская правда (Калуга). №50. 22-29 декабря 2021.
167. Пора культурно сказать Западу «Нет» // Комсомольская правда. №5. 2-9 февраля 2022, С 6.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

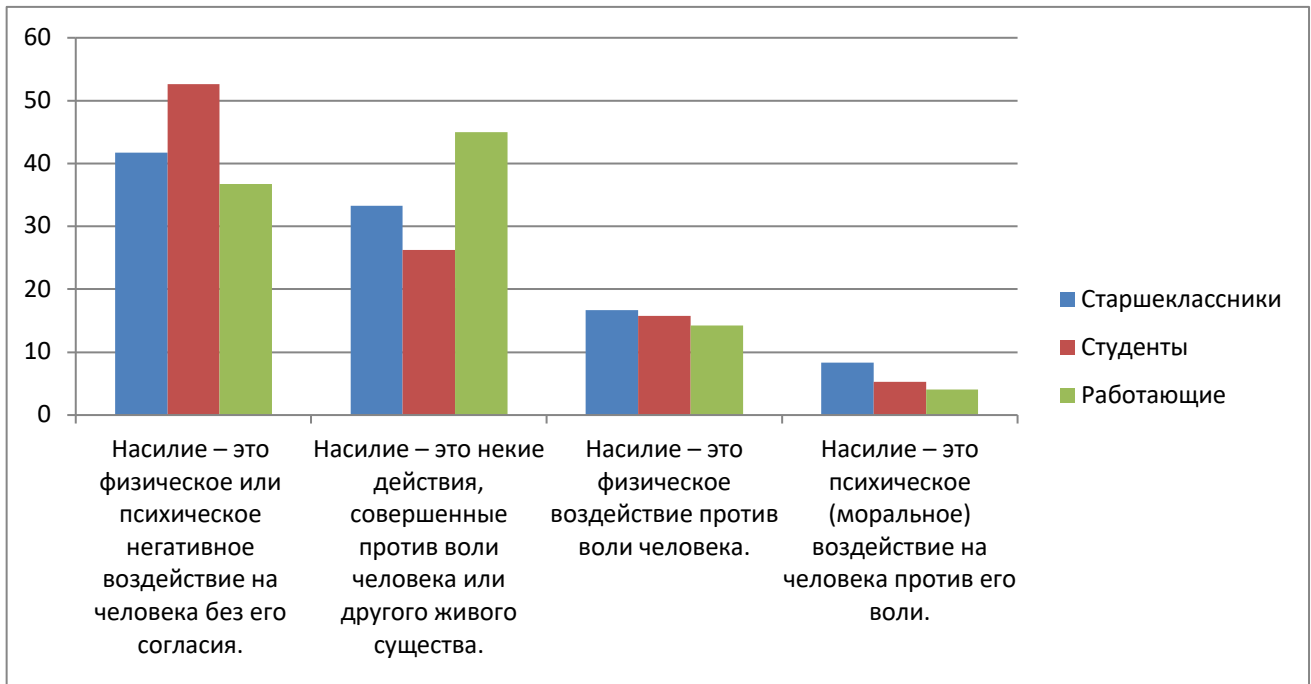
Таблица 1 — Экспликации значения лексемы «насилие», данные старшеклассниками в ходе социологического опроса (разработана автором).....	25
Таблица 2 — Экспликации значения лексемы «насилие», данные студентами КГУ им. К.Э. Циолковского в ходе социологического опроса	26
Таблица 3 — Экспликации значения лексемы «насилие», данные работающими респондентами в ходе социологического опроса	27
Таблица 4 — Наиболее частотные лексемы, приводимые всеми группами респондентов (старшеклассниками, студентами, работающими) в качестве лексем-репрезентантов насилия	29
Таблица 5 — Перечень лексем, приводимых в качестве репрезентантов насилия старшеклассниками в ходе социологического опроса (разработана автором)	29
Таблица 6 — Перечень лексем, приводимых в качестве репрезентантов насилия студентами КГУ им. К.Э. Циолковского в ходе социологического опроса (разработана автором)	30
Таблица 7 — Перечень лексем, приводимых в качестве репрезентантов насилия работающими респондентами в ходе социологического опроса (разработана автором)	32
Таблица 8 — Перечень лексем, приводимых респондентами всех категорий и ассоциирующихся у них с насильственными действиями (разработана автором)	34
Таблица 9 — Лексемы, приводимые в качестве лексем-репрезентантов насилия работающими респондентами в возрасте до 35 лет (с указанием профессии) (разработана автором)	36
Таблица 10 — Лексемы, приводимые в качестве лексем-репрезентантов насилия работающими респондентами в возрасте 36-39 лет (с указанием профессии) (разработана автором)	37
Таблица 11 — Лексемы, приводимые в качестве лексем-репрезентантов насилия работающими респондентами в возрасте 40-60 лет (с указанием профессии) (разработана автором)	38

Таблица 12 — Лексическая репрезентация различных форм насилия (разработана автором).....	62
Таблица 13 — Лексическая репрезентация насильственных действий, относящихся к разным видам насилия (разработана автором).....	67
Таблица 14 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковых словарях и отраслевых терминологических словарях и энциклопедия (разработана автором).....	83
Таблица 15 — Релятивный характер оценки понятий, называемых лексемами, потенциально репрезентирующими насилие в религиозной сфере (разработана автором).....	89
Таблица 16 — Выдержки из экспликаций значений лексем, имеющих коннотацию насилия в религиозной сфере, содержащихся в толковом словаре С.И. Ожегова и «Карманном словаре атеиста» (разработана автором)	95
Таблица 17 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковом словаре С.И. Ожегова и словаре военных терминов (разработана автором).....	101
Таблица 18 — Релятивный характер оценки понятий, называемых лексемами, потенциально репрезентирующими насилие в военном деле (разработана автором).....	104
Таблица 19 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковых словарях и в Большом юридическом словаре (разработана автором).....	109
Таблица 20 — Выдержки из экспликаций значений отдельных лексем, содержащихся в толковых словарях русского языка и источниках, раскрывающих национальную специфику семантики слов (разработана автором).....	113
Таблица 21 — Релятивный характер оценки понятий, называемых лексемами, потенциально репрезентирующими насилие в этнических группах (разработана автором).....	115

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты социологического опроса

Гистограмма 1 — Сопоставление экспликаций значений лексемы «насилие», данных участниками опроса

Гистограмма 2 — Сопоставление наиболее частотных лексем, приводимых всеми участниками опроса в качестве лексем-репрезентантов насилия

